

Энн Ламотт

ПТИЦА ЗА ПТИЦЕЙ

18+

#птицазаптицей

Заметки
о писательстве
и жизни в целом

Anne Lamott

Bird by Bird

Some Instructions
on Writing and Life

Anchor Books

A DIVISION OF RANDOM HOUSE, INC.
NEW YORK

Энн Ламотт

Птица за птицей

Заметки о писательстве
и жизни в целом

3-е издание

МОСКВА

«МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР»

2019

УДК 808.1
ББК 83.02
Λ21

Издано с разрешения The Wylie Agency (UK) LTD

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ: 18+

Ламотт, Энн

Λ21 Птица за птицей. Заметки о писательстве и жизни в целом / Энн Ламотт;
[пер. с англ. Марии Сухотиной]. — 3-е изд. — М. : Манн, Иванов и Фербер,
2019. — 256 с.

ISBN 978-5-00146-179-1

Одна из самых популярных книг о писательстве от профессионального автора. Откровенно и с юмором Энн Ламотт рассказывает о настоящей жизни писателя, которая имеет мало общего с литературными вечеринками. Реальность — это творческие кризисы, зависть и отчаянные сражения за каждый абзац. Эта книга проверена временем — с момента первого издания прошло уже почти двадцать лет, и она до сих пор занимает первые строчки в рейтингах продаж Amazon. Книга для тех, кто мечтает выразить себя в словах, но не знает, с чего начать. А еще для маркетологов, копирайтеров, блогеров и всех, кому приходится много писать.

УДК 808.1
ББК 83.02

*Все права защищены.
Никакая часть данной книги не может быть
воспроизведена в какой бы то ни было форме без
письменного разрешения владельцев авторских прав.*

ISBN 978-5-00146-179-1

© Anne Lamott, 1994
© Перевод на русский язык, издание на русском языке,
оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2019

Дону Карпентеру, Нешаме Франклин
и Джону Кею

Содержание

Вместо посвящения	9
Предисловие	11

I

Мы пишем}

1. С чего начать?	35
2. Малые дозы	47
3. Рабочий мусор	51
4. Перфекционизм	58
5. Школьные завтраки	62
6. Проявляем снимок	69
7. Персонаж	73
8. Сюжет	83
9. Диалог	92
10. Антураж	101
11. Фальстарты	107
12. Что делать с сюжетом?	111
13. Как понять, что книга готова?	118

II

Писательский настрой}

14. Смотрим по сторонам	123
15. Моральный аспект	129
16. Разговор с брокколи	135
17. Отстой FM	140
18. Зависть	146

III

Рука помощи}

19. Карточка	157
20. Консультации	167
21. Групповая терапия	172
22. Читатель для черновиков	182
23. Письма	190
24. Творческий кризис	194

IV

Публикация, или Для чего мы пишем}

25. Книга в подарок	203
26. Обретение голоса	212
27. Дарить себя	218
28. Публикация	223

V

Последний урок}

Об авторе	249
-----------	-----

Вместо посвящения

Хочу выразить горячую благодарность писателям, которые так много рассказали мне о творчестве за годы нашей дружбы: Мартину Крузу Смиту, Джейн Вандербург, Итану Канину, Алисе Адамс, Денису Макфарленду, Орвиллу Шеллу и Тому Уэстону.

Я безмерно ценю поддержку и мудрость издателя Джека Шумейкера, а также помощь моего замечательного агента Чака Веррилла и прекрасного редактора Нэнси Палмер Джонс, которая с любовью и пониманием отнеслась к этой книге (и к предыдущей¹).

Еще раз повторю, что я не представляю себе жизни без моих друзей из пресвитерианской общины при церкви Сент-Эндрю в калифорнийском Марин-Сити.

Мой сын Сэм позавчера сказал: «Мама, я люблю тебя, как двадцать тираннозавров на двадцати горах». Я люблю его точно так же.

¹ Речь о книге «Инструкция по применению. Первый год из жизни сына» (Operating Instructions: A Journal of My Son's First Year. Pantheon Books, 1993).
Прим. ред.

Предисловие

Мои родители читали в каждую свободную минуту и по четвергам водили нас в библиотеку, чтобы запастись книгами на следующую неделю. Почти каждый вечер после ужина отец растягивался с книжкой на диване, а мама со своей забиралась в кресло-качалку. Мы же, трое детей, расходились по своим уголкам для чтения. После ужина в доме становилось очень тихо, если, конечно, к нам в гости не приходили папины друзья — писатели. Мой папа тоже был писателем, как и большинство его знакомых. Это не самые тихие люди на свете, зато, как правило, очень добрые и в их компании есть что-то по-настоящему мужское. Чаще всего они проводили вечера в баре в Саусалито, но иногда заглядывали к нам выпить по стаканчику и в итоге оставались на ужин. Я их обожала, но они, бывало, напивались у нас до отключки. Меня это пугало, я вообще была нервным ребенком.

Каждое утро, как бы поздно отец ни лег накануне, он вставал в 5:30, шел в свой кабинет, пару часов писал, потом готовил нам завтрак. Они с мамой читали газеты, а затем он возвращался за письменный стол и проводил там остаток утра. Прошли годы, прежде чем я поняла, что у него такая профессия, что он сам ее выбрал, что он не безработный и не больной. Мне хотелось, чтоб у него была нормальная работа, как у других отцов: чтобы он надевал галстук, шел в какую-нибудь контору, сидел там за столом

и курил. Но работать на кого-то и сидеть в чужом кабинете мой отец бы не смог; он противился этому всем существом. Думаю, это его убило бы. Он и так умер рано: ему не было и шестидесяти. Но хотя бы прожил жизнь по-своему.

Итак, я выросла в одном доме с человеком, который днями напролет сидел за столом и писал книги и статьи про те места, где бывал, и людей, которых знал и видел. Он читал много стихов. Иногда он путешествовал. Он мог отправиться куда угодно, если ему всерьез хотелось туда попасть. У писательского ремесла есть огромный плюс: оно дает законный повод перепробовать разные занятия и исследовать разные места. Еще один плюс в том, что сочинительство учит вглядываться в жизнь, в ее гущу, в то, как она кипит и движется вокруг.

Творчество научило отца наблюдать за жизнью; он сам учил других наблюдать и записывать подмеченное. Он работал в тюрьме Сан-Квентин¹ с заключенными, которые решили окончить писательские курсы. Но он учил и меня — прежде всего собственным примером. Он советовал мне — и уголовникам — набрасывать хоть что-то каждый день. Читать все толковые книги и пьесы, какие подвернутся под руку. Стихи. Быть смелыми и оригинальными, позволять себе ошибки. Отец любил цитировать Джеймса Тербера²: «Падать можно разным стилем: хочешь — плюхнись на живот, хочешь — завались на спину». Отец помог и заключенным, и мне найти в себе массу чувств, наблюдений, воспоминаний, фантазий, и (о боже!) мнений, которыми мы мечтали поделиться с миром.

¹ Расположена на одноименном мысе в калифорнийском округе Марин. Старейшая тюрьма в штате, открылась в 1852 году, построена заключенными. *Прим. ред.*

² Джеймс Тербер (1894–1961) — известный американский прозаик, публицист, автор многочисленных комиксов. *Прим. пер.*

Но наше счастье омрачала одна мелочь: в какой-то момент надо сесть и начать писать.

Наверное, мне это оказалось проще, чем уголовникам, потому что я была еще ребенком. Но все равно нелегко. Сочинять я начала лет в семь или восемь. Я была странной, очень застенчивой девочкой, больше всего на свете любила читать и весила в то время от силы восемнадцать килограммов. К тому же я была зажатой, постоянно вытягивала голову в плечи по самые уши, как Ричард Никсон. Как-то я посмотрела домашнюю съемку одного дня рождения, на котором побывала в первом классе: трогательные мальчики и девочки играют вместе, как щенки, и вдруг на первом плане прохожу я, словно краб-переросток. У меня явно были все задатки, чтобы стать серийной убийцей — или дюжинами разводить дома кошек. Но вместо этого я научилась шутить. И все потому, что мальчишки постарше меня, даже незнакомые, проезжали мимо на велосипедах и дразнились. Чувство было такое, словно меня расстреливают. Наверное, оттого я и ходила как Никсон: пыталась заткнуть уши плечами, но безуспешно. Так что я сперва научилась шутить, а потом стала писать. Правда, я не всегда писала смешно.

Первые мои стихи, на которые кто-то обратил внимание, были про Джона Гленна¹. Начинались они так: «В небеса взлетел Джон Гленн / На ракете “Дружба-семь”». Там было очень много четверостиший — как в старых английских балладах, которые мы разучивали с мамой и потом пели под ее аккомпанемент. Каждая песня состояла из тридцати-сорока куплетов. От этого представления наши родственники мужского пола буквально

¹ Джон Гленн (1921–2016) — американский астронавт, летчик-испытатель, политик. В 1959 году участвовал в программе по освоению космоса «Меркурий-7». *Прим. пер.*

размазывались по креслам и диванам — будто под воздействием центробежной силы — и смотрели в потолок остекленевшими глазами.

Учительница прочла стихи про Гленна всему классу, и это был мой звездный час. Одноклассники смотрели на меня так, словно я вдруг выучилась водить машину. Потом выяснилось, что учительница послала мой опус на школьный конкурс штата и он даже занял там призовое место. Его напечатали на ротапринте вместе с другими работами победителей. Вот так я и узнала, что за радость, когда тебя издадут. В каком-то смысле это наглядное доказательство бытия: ты издаешься, следовательно, существуешь. Уж не знаю, откуда берется эта потребность: проявить себя, выйти за пределы собственного внутреннего мирка с его хаотическими озарениями, а не просто выглядывать иногда наружу, как обитатель морского дна из глубоководной пещеры. Когда видишь свое слово в печати, происходит удивительная перемена. Ты привлекаешь внимание, и тебе для этого даже не надо куда-то идти. Многие хотят что-то высказать, что-то сделать, чего-то добиться — например, музыканты, бейсболисты, политики. Но им нужно выйти на публику, к людям. А писатели (в большинстве своем народ тихий и застенчивый) могут спокойно сидеть дома. Публика появляется сама. Это очень удобно: например, можно не мучиться с выбором одежды, да и в лицо тебя не освищут.

Иногда я сидела на полу в папином кабинете и писала стихи, пока он за столом сочинял что-то свое. Каждый год или два у него выходила новая книга. Вообще книги у нас дома считались главной ценностью, а великие писатели были нашими героями. Любимые книги лежали повсюду: на кофейном столике, на радиоприемнике, даже на бачке унитаза. Все детство я читала аннотации на обложках

и рецензии на папины книги в газетах и журналах. Потому и мечтала, когда вырасту, стать писательницей, — свободной творческой личностью, которая к тому же работает только на себя и ни от кого не зависит.

И все же я часто переживала из-за трудностей с деньгами в доме. Еще я боялась, что папа станет пьяницей, как кое-кто из его друзей-писателей. Помню, когда мне было десять лет, он написал статью для одного журнала. Там рассказывалось, как он однажды ездил на пляж Стинсон-Бич в компании других литераторов и они весь вечер сидели на открытой веранде, пили красное вино и курили марихуану. В те времена ею баловались только джазмены, а про них все знали, что они сидят еще и на героине. Благополучные белые представители среднего класса не должны были курить косячки; они играли в теннис или ходили под парусом. Папы моих друзей — учителя, врачи, пожарные, адвокаты — не курили марихуану и по большому счету даже не пили. У них уж точно не водилось коллег, которые могли прийти в гости к ужину и упасть лицом в тарелку с рыбой. После той статьи я решила, что мир рушится, а когда я в следующий раз прибегу к папе в кабинет показать оценки, непременно застану его на полу с рукой, перетянутой маминым чулком вместо жгута, и затравленным взглядом. Я была уверена, что после такого мы все станем отщепенцами.

А я больше всего хотела стать своей в мире, чувствовать себя такой же, как остальные.

В седьмом и восьмом классе я по-прежнему весила около двадцати килограммов. Из-за внешнего вида меня дразнили практически все двенадцать лет жизни. Тем, кто сильно отличается от других, в США сложно; не зря же Пол Краснер¹ назвал нашу

¹ Пол Краснер (род. 1932) — американский прозаик, актер, журналист. *Прим. пер.*

страну «Соединенными Штатами Ассимиляции». Если ты слишком тощий, слишком высокий, слишком черный, слишком низкий, слишком странный, слишком кудрявый, слишком бедный или слишком близорукий — растерзают. Как меня.

Зато я умела шутить. Поэтому звезды нашей школы не гнали меня, а даже звали на вечеринки и позволяли смотреть, как они обжимаются. Как вы понимаете, это не слишком повышало мою самооценку. Я считала себя безнадежной. Но однажды мы с отцом (который, насколько я могла судить, так и не начал колотиться) поехали на пляж в Болинасе. Там я взяла блокнот и ручку и сделала зарисовку того, что увидела. Как художник на холсте, только словами. «Я подошла к самой кромке моря, и пенный язык набегавшей волны лизнул пальцы моих ног. Маленький краб стал рыть ямку в нескольких сантиметрах от моей ступни и скоро весь исчез во влажном песке...» Все, больше не буду вас мучить. Этюд вышел довольно длинный. Отец уговорил меня показать его учительнице, и в итоге он попал в самый настоящий сборник школьных работ. Это произвело большое впечатление на моих учителей, родителей и даже нескольких одноклассников. Меня стали чаще приглашать на школьные вечеринки, и я смогла наблюдать еще больше чужих объятий.

Как-то раз одна из королев нашего класса заехала ко мне после школы и осталась ночевать. Именно в тот вечер родители праздновали выход папиного нового романа. Мы все были очень счастливы и взбудоражены, а та девочка решила, что у меня просто отпадный отец (еще бы, писатель! ее-то папа торговал машинами). Пока мы ужинали, вся наша семья поднимала тосты друг за друга. В общем, у нас все шло как нельзя лучше, и моя подружка была тому свидетельницей.

В ту же ночь, перед сном, я утащила к себе экземпляр нового романа, и мы с одноклассницей стали читать его вслух. Мы лежали рядом в спальных мешках на полу в моей комнате. Первая же страница была про мужчину и женщину в постели, про то, как они занимаются сексом. Мужчина там играл с женским соском. Я начала истерично хихикать. «Только этого не хватало», — думала я, лукаво улыбаясь подружке. Прикрыв рот рукой, как смущенный Чарли Чаплин, я сделала вид, что собираюсь выкинуть дурацкую книжку куда подальше. «Ну полный отпад, — думала я, запрокидывая голову и выдавливая из себя беспечный смех. — Мой папа пишет порнушку!»

От стыда я светилась во тьме, как лампочка. При мне в пору было читать. Я ни разу не заикнулась об этой книге при отце, хотя еще пару лет после того случая листала ее по ночам, искала другие постельные сцены. Их там хватало... Все это сильно сбивало меня с толку, пугало и печалило.

Но затем случилось нечто удивительное. Отец написал в один журнал статью под названием «Место, где нельзя растить детей». В ней рассказывалось о побережье Калифорнии, где как раз и жила наша семья, — а ведь место красивей трудно даже представить себе. Как ни странно, по количеству алкоголиков наш округ уступал только трущобам Окленда, где ютились потомки индейцев. От масштаба подростковой наркомании кровь стыла в жилах (так написал папа). Статистика разводов, психических расстройств и сексуальных отклонений тоже удручала.

Отец в резких выражениях отзывался о наших мужчинах, об их системе ценностей и вечной погоне за материальными благами. Про женщин он написал так: «Это дамы без возраста, респектабельные жены врачей, архитекторов, юристов — загорелые,

холеные, подтянутые. Они прогуливаются по супермаркетам в теннисных костюмчиках и легких платьях, а в глазах у них горит безумный огонек». Папа не пощадил никого. «Главная беда Калифорнии, — сказал он в конце статьи, — то, что весь наш образ жизни нацелен на праздность, на отдых. А значит, мы нацелены на смерть: ведь это и есть отдых и покой».

Все бы ничего, но я обожала играть в теннис. Те самые дамы дружили со мной. Каждый вечер я тренировалась в одном клубе с ними; по выходным мы вместе сидели и ждали, когда мужчины (у которых было право первой очереди) доиграют и освободят корты. А мой отец сделал из них каких-то пресыщенных зомби!

Я решила, что мы пропали. Но на той же неделе мой старший брат Джон принес из школы ксерокопию папиной статьи: ее задали прочесть всему классу по обществознанию и литературе. Брат тут же стал героем школы. Наш городок забурился: в следующие месяцы от меня не раз отворачивались знакомые в теннисном клубе, но папу окликали на улице, незнакомцы подходили к нему и брали за руку, словно он оказал им большую личную услугу. Их реакция стала ясна мне чуть позже, летом. Я впервые прочла «Над пропастью во ржи»¹ и поняла, каково это: узнать себя в том, что написал кто-то другой, закрыть книгу с чувством триумфа и облегчения, обнаружить, что ты не одинок в своих переживаниях, наконец-то ощутить родство и связь с такими же, как ты.

В старших классах я стала писать много: дневники, пылкие антивоенные статьи, пародии на любимых авторов. Тогда

¹ «Над пропастью во ржи» — роман американского писателя Джерома Сэлинджера, впервые вышедший в 1951 году. Издавался на русском языке (М.: Эксмо, 2010). *Прим. ред.*

я подметила кое-что важное. Мои приятели вечно просили меня рассказать про всякие случаи из нашей жизни, даже если — нет, особенно если — это произошло у них на глазах. Вечеринки, которые пошли не как надо; взрывы в кабинете химии и на школьном дворе; сцены с участием чьих-нибудь родителей... Из всего этого я могла сплести историю. Я могла сделать ее живой и забавной, даже преувеличить так, чтобы придать событию масштаб легенды. Тогда роль участников истории становилась больше и важнее, и вообще все происшествие казалось очень значимым.

Думаю, папины школьные друзья так же полагались на него, доверяли ему рассказывать истории из своей жизни. Именно эту роль он стал позже играть в нашем городке. Он мог взять большое событие или маленькую бытовую сценку, что-то в них выпятить, а что-то затенить — придать форму, показать фактуру, выявить суть. Передать саму атмосферу мирка, где он и его друзья жили, работали, растили детей. И люди хотели, чтобы он облек в слова происходящее с ними и вокруг.

Подозреваю, что в детстве он сильно отличался от ровесников. Наверное, вел серьезные беседы со взрослыми. Возможно, как и я, рано осознал, что часто будет один, и принял это. Думаю, люди именно такого склада обычно становятся писателями — или закоренелыми преступниками. Все детство мне казалось, что я думаю о совсем ином, чем мои сверстники. Не обязательно более глубоко; и все же мой ум пытался нащупать и выработать какой-то творческий, духовный или эстетический подход к осмыслению мира. Я читала намного больше, чем другие дети. Упивалась книгами. Они были моим убежищем. Я вечно сидела где-нибудь в уголке, тербила мизинцем нижнюю губу и читала как будто в трансе, с головой уйдя в то место и время, куда меня переносила очередная

книга. И вот когда я перешла в старшие классы, у меня потихоньку стала появляться надежда: а вдруг я смогу делать то же, что и другие писатели? Я решила, что надо попробовать взять ручку и сотворить собственные миры.

И тогда я написала несколько отвратительных, чудовищных рассказов.

В колледже передо мной открылся целый мир. Проза и стихи, которые мы читали на семинарах по литературе и философии, впервые дали мне надежду, что когда-нибудь я смогу занять место среди себе подобных. В моих новых необычных друзьях и в некоторых текстах я как будто нашла недостающую часть себя. Кто-то хочет стать богатым и знаменитым, а мы с друзьями желали стать настоящими. Постичь суть жизни. (Вообще-то секса мы тогда тоже хотели.) Я глотала книги, как витамины, боясь, что без них так и останусь аморфной, замкнутой в себе субстанцией, которая никогда не додумается до чего-то серьезного и не достучится до других. На целых пять недель я стала социалисткой, но потом устала мотаться на автобусе к месту партийных сборищ. Меня тянуло к маргиналам, активистам этнических сообществ, в театральные тусовки, к поэтам, радикалам, геям и лесбиянкам. Все они по-своему помогли мне стать тем, кем я так отчаянно хотела быть, — политически активной, интеллектуальной, творческой личностью.

Благодаря друзьям я открыла для себя Кьеркегора, Беккета, Дорис Лессинг¹. У меня голова шла кругом от изобилия духовной

¹ Кьеркегор (Киркегаард) Сёрен (1813–1855) — датский философ, теолог и писатель; Сэмюэл Беккет (1906–1989) — ирландский поэт и драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе; Дорис Лессинг (1919–2013) — английская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе. *Прим. пер.*

пищи. Помню, тогда же я взялась за Клайва Льюиса¹ и в книге «Настигнут радостью» прочла, как он заглянул себе в душу и обнаружил там «зверинец желаний, трясину тщеславия, рассадник страхов, сад любовно возвращенной ненависти». Мне как будто отпустили грехи. До того я думала, что люди, которыми так восхищается мир, — носители добра и знания — не скрывают ничего подобного и тем отличаются от таких, как я и, скажем, Тулуз-Лотрек.

Я стала писать по-студенчески наивные заметки для газеты колледжа. К счастью, я и была студенткой. С учебой и всем прочим у меня не ладилось — кроме одной области. Я получала самые высокие оценки по английскому языку и литературе и писала лучшие работы на курсе. Но этого моему честолюбию не хватало; я хотела славы. Поэтому в девятнадцать лет я бросила колледж, чтобы стать знаменитой писательницей.

Но вернулась в Сан-Франциско и стала широко известной машинисткой в компании Kelly²: прославилась медлительностью и плаксивостью.

Я то и дело рыдала от скуки и нежелания верить, что все это происходит со мной. Затем мне удалось устроиться секретаршей в большую инженерно-конструкторскую компанию. Я работала в отделе контроля безопасности атомных реакторов и буквально тонула в лавине циркуляров и таблиц, которые велено было печатать в трех экземплярах. Это было так тяжело и скучно, что у меня под глазами залегли темные круги, как у енота. В конце

¹ Клайв Льюис (1898–1963) — англо-ирландский писатель, поэт и теолог. Широко известен как автор цикла «Хроники Нарнии». *Прим. пер.*

² Kelly Services — международная компания, специализирующаяся на управлении персоналом. Основана в США в 1946 году. *Прим. ред.*

концов я обнаружила, что изрядную часть бумажек можно просто игнорировать и никто этого даже не заметит. Тогда у меня появилось время писать рассказы.

«Работай понемногу каждый день, — твердил мне отец. — Как будто играешь гаммы на пианино. Договорись сама с собой, что займешься этим. Держи слово, выполняй уговор. И обязательно дописывай каждую вещь до конца».

И вот я украдкой набрасывала кое-что на рабочем месте и еще час-другой писала по вечерам. Нередко я брала блокнот и ручку и устраивалась за столиком где-нибудь в кафе. При этом я выпивала изрядное количество вина, потому что писателям так положено. По крайней мере так делали отец и все его друзья. Им это помогало; правда, к тому моменту наметилась новая нехорошая тенденция: несколько человек из их компании покончили с собой. Конечно, для отца это было страшным ударом. Но мы оба продолжали писать.

В конце концов я перебралась в Болинас: отец и младший брат переехали туда годом раньше, когда родители разошлись. Я зарабатывала на жизнь частными уроками тенниса и уборкой домов. Каждый день в течение почти двух лет я писала разные отрывки и зарисовки, но главным образом работала над шедевром под названием «Арнольд». Это был рассказ с таким вот сюжетом: главный герой — лысый бородатый психоаналитик Арнольд — проводит день в компании начинающей писательницы и ее младшего брата. У обоих молодых людей легкая форма депрессии. Арнольд пытается помочь им профессиональными советами, но в итоге сдается. Он встает на четвереньки и начинает ползать туда-сюда, крикая по-утиному, чтобы развеселить писательницу и ее брата.

Мне всегда нравилась эта коллизия: парочка психов или неудачников натывается на какого-нибудь шута или иностранного чудака. И он выкидывает всякие фортели, которыми как будто говорит: «У меня тоже полно проблем и не все дома! Зато смотрите, как я умею ловить кроликов!»

Рассказ был чудовищен.

Я писала еще много всего: заметки об окружающих, людях из моего города, моей семье, моих воспоминаниях. Я описывала собственное душевное состояние, великие планы и низкую самооценку; заносила в блокнот смешные разговоры, которые довелось услышать. Я стала как корабельная крыса: уши-локаторы все время настороже. И научилась записывать все, что улавливала.

Но усерднее всего я работала над рассказом про Арнольда. Раз в несколько месяцев я отправляла очередную версию Элизабет Макки. Она была папиным литературным агентом в Нью-Йорке.

«В этот раз уже почти получилось», — неизменно писала мне Элизабет.

Это тянулось несколько лет. Я отчаянно хотела издаваться. Недавно один проповедник при мне сказал, что надежда — вечный круговорот терпения. От себя добавлю: писательское ремесло тоже. Из тьмы рождается надежда. Упрямая надежда, что, если ты выйдешь к людям и станешь честно делать свое дело, в конце концов наступит рассвет. Надо ждать, наблюдать, работать — и не сдаваться.

И я не сдавалась, прежде всего благодаря папе и его вере в меня. К несчастью, когда мне исполнилось двадцать три, я получила настоящий сюжет для книги. У отца обнаружили рак мозга. Он сам,

я и мои братья были раздавлены, но кое-как умудрялись держаться. Отец велел мне запоминать и записывать. «Ты расскажешь свою версию, — говорил он. — А я свою».

И я стала писать о том, что происходило с отцом; постепенно из этих заметок вырос сборник рассказов с одной сквозной темой. Туда вплелись все фрагменты и наброски, что я сделала до папиной болезни, и получились пять глав, более или менее связанных между собой. Отец был слишком слаб, чтобы написать свою часть истории, но мой текст одобрил и велел отправить нашему агенту Элизабет. Я ждала, ждала и ждала; кажется, за месяц я постарела на годы. Однако она приняла новый текст с восторгом — наверное, была счастлива, что не пришлось опять читать «Арнольда». Элизабет совершенно не религиозна, но я всегда живо представляла, как она прижимает тот сборник к груди, закрывает глаза, начинает раскачиваться из стороны в сторону и тихонько стонет: «Боже, благодарю тебя!»

Элизабет разослала мои рассказы по нью-йоркским издательствам, и их удалось пристроить в Viking Press. Вот так все и началось. Когда книгу напечатали, мне было двадцать шесть, а отец уже год как умер. Господи! У меня вышла книжка! Вот он, предел мечтаний. Казалось бы, я должна впасть в экстаз. А на деле...

До того как в продажу поступил мой первый опус, я думала, что сам факт публикации как по волшебству придаст мне веры в себя, вознаградит, воодушевит, окрылит. Мне представлялась яркая и романтическая картинка вроде той рекламы, где человек мчится в объятия славы и триумфа через дуг с дикими цветами и его показывают в режиме замедленной съемки.

Ничего подобного не случилось.

Пара месяцев перед тем, как выйдет первый тираж, пожалуй, самое тяжелое время в писательской жизни. Больше всего они похожи на первые двадцать минут фильма «Апокалипсис сегодня»¹, когда герой Мартина Шина сидит в мотеле в Сайгоне и не знает, куда себя деть. Ожидание выматывает; воображение рисует то радужные, то мрачные картины. Прибавьте к этому первые рецензии, которые появляются за несколько недель до книги. В двух-трех отзывах о трепетной истории моего умирающего, а тогда уже умершего отца говорилось, что книга бросовая, скучная, сентиментальная, высосанная из пальца и вообще полный отстой. Это, конечно, не дословно.

Легко понять, почему в следующие шесть недель я не находила себе места. Каждый вечер выпивала и рассказывала посторонним людям в баре, что мой отец умер, а я написала об этом книгу и теперь ее ругают критики. Тут я обычно начинала плакать, выпивала еще и в конце концов рассказывала публике про нашего замечательного пса Льюэллина: как его пришлось усыпить, когда мне было двенадцать лет, и как мне хотелось запереться в туалете и с горя пустить себе пулю в лоб.

Наконец книга вышла. Несколько крупных журналов напечатали прекрасные рецензии. Были и плохие отзывы, но немного. Я начала раздавать автографы; у меня стали брать интервью, мои выступления понравились влиятельным людям. Но в целом оказалось, что почивать на лаврах рановато, безбедную старость я себе пока

¹ «Апокалипсис сегодня» (Apocalypse Now) — военная драма Фрэнсиса Форда Копполы, получившая множество наград и ставшая культовой. Вышла на экраны в 1979 году. *Прим. ред.*

не обеспечила. Я-то втайне надеялась: протрубят фанфары и ведущие литературные критики объявят, что со времен «Моби Дика» ни один американский роман не отображал жизнь во всей ее сложности и полноте так глубоко и верно. Я думала так и перед выходом второй книги, и третьей, и четвертой, и пятой. И всякий раз ошибалась.

Тем не менее я говорю каждому, кто чувствует потребность писать: пишите. Но всегда предупреждаю, что выход книги не венец всего и не ответ на все вопросы. Публиковаться вообще не так важно, как думают многие. Важно писать. Творчество столько может дать, столько открыть, столькому научить. И то, к чему вы себя мучительно принуждаете — сесть и писать, — оказывается, лучше всего. Это примерно как думать, что чайная церемония нужна ради чая и заряда бодрости. А она нужна сама по себе, ради церемонии. И творчество нужно писателю само по себе — чтобы писать.

Я так или иначе работала почти каждый день своей сознательной жизни, хотя и не добилась выдающегося финансового успеха. И все же я не задумываясь сделала бы все это еще раз. Я повторила бы ошибки, срывы, фальстарты — абсолютно всё. Иногда я сама себе не могу объяснить почему — особенно в те времена, когда все видится жалким и бессмысленным, сизифовым трудом (к тому же малооплачиваемым). Но есть дни, когда написанное кажется родным, как живой и близкий человек. Тогда я вспоминаю стихотворение, которое Уэнделл Берри¹ посвятил своей жене. Оно называется «Дикая роза».

¹ Уэнделл Берри (род. 1934) — американский прозаик, поэт, литературный критик.
Прим. пер.

Ты таишься в буднях моих,
 прячешься в их круговерть.
 Я тебя, словно пульс, не всегда
 замечаю.
 Но порой пламенеешь вмиг,
 озаряешь недавнюю тень,
 дикой розой в чащобе цветешь,
 тайной розой — укромной,
 нечаянной.
 И опять, как тогда, выбираю тебя.
 Как тогда, я благословен.

С детства мне казалось, что в писательском ремесле есть нечто высокое и таинственное; что люди, которым дан этот талант — создавать собственные миры, — равны богам или чародеям. Мне виделось что-то волшебное в людях, которые могут проникнуть в чужие мысли и чужую душу, заставляют нас забыть о собственной жизни, вылезти из своей оболочки, переносят в неведомые дали, а затем возвращают обратно. И знаете что? Я до сих пор так думаю.

Теперь я учу писать других. Это случилось как-то само собой. Однажды, лет десять назад, мне предложили подработать — провести мастер-класс по литературному творчеству. Вот с тех пор я и преподаю. «Но нельзя же научить творчеству!» — часто говорят мне. А я отвечаю: «А вы кто? Секретарь Божьей приемной комиссии?»

Если люди приходят ко мне на занятия и хотят просто научиться писать или научиться писать лучше, я могу поделиться тем, что всегда

помогало мне самой, или объяснить, как выглядят и из чего состоят писательские будни. Ведь есть разные мелочи, которых не найдешь ни в одной, даже самой хорошей, книге о литературном творчестве. Например, я могу подсказать, что декабрь — не самое удачное время для сочинительства. Это месяц сплошных понедельников, а понедельник — не лучший день для нашей работы. За выходные обычно расслабляешься: свобода, возможность побыть наедине с собой, неторопливые фантазии... А затем приходит понедельник, как злой бессловесный надсмотрщик, и гонит тебя к столу. Поэтому на семинарах я всегда советую не начинать больших и серьезных работ с понедельника, особенно в декабре. Зачем заранее обрекать себя на провал?

Журналисты все время спрашивают известных авторов, почему они пишут. Поэт Джон Эшбери (если я правильно помню) ответил: «Потому что хочу». Фланнери О'Коннор¹ сказала: «Потому что могу и умею». Когда мне задают этот вопрос, я цитирую то одного, то второго. А затем добавляю, что кроме писательства я просто ни на что не гожусь. Но если не умничать, то я действительно пишу потому, что хочу и умею. Люблю приводить в пример сцену из фильма «Огненные колесницы»². Один из главных героев, Эрик Лидделл, гуляет по прекрасным вересковым холмам где-то в Шотландии со своей сестрой-миссионеркой. Она уговаривает его бросить тренировки, не участвовать в Олимпиаде и вернуться в их миссию где-то в Китае. А он отвечает, что очень хочет в Китай:

¹ Фланнери О'Коннор (1925–1964) — американская писательница и политическая активистка. *Прим. пер.*

² «Огненные колесницы» (Chariots of Fire) — британская историческая драма на спортивную тему (режиссер Хью Хадсон). Вышла на экраны в 1981 году. *Прим. ред.*

чувствует, как Бог зовет его туда. Но сперва он будет тренироваться из всех сил, потому что Бог еще и научил его очень быстро бегать. Так вот, кому-то из нас Бог дал любовь к слову, умение обращаться с ним, страстную тягу к чтению, сравнимую с тягой к природе. Студенты моего писательского семинара страстно любят книги, а некоторым из них дан талант выражать себя в словах. Другие же не могут обращаться со словом так легко и свободно, но тоже любят хорошо написанные тексты и хотели бы научиться хоть чему-нибудь. И мне этого достаточно. Хочешь учиться — добро пожаловать.

Итак, я рассказываю, каково мне бывает садиться утром за стол, с парочкой идей в голове и стопкой чистых листов перед глазами, с непомерными амбициями и заниженной самооценкой. Я говорю студентам: «Вам захочется, чтобы сразу получалось хорошо, но, скорее всего, не получится. И только если вы не сдадитесь и будете все время практиковаться, то однажды, возможно...» Может быть, они даже перестанут мечтать написать что-то конкретное и начнут просто мечтать о писательстве; им захочется работать над чем-то, как хочется играть на пианино или в теннис — ради удовольствия и азарта. Это ведь и работа, и игра. Когда берешься за книгу, за сюжет, захватывает дух от находок, возможностей, новых горизонтов. Мир воспринимается иначе. В дело идет все, что вам довелось увидеть, услышать, узнать. Везде — от светских раутов до очередей на почте — вы замечаете разные сценки, происшествия, слышите обрывки разговоров и тут же мчитесь записывать их. Да, будут дни отчаянной скуки и бессильной злости, когда хочется бросить все раз и навсегда. Но будут и другие дни, когда вас словно подхватывает и несет неудержимой волной.

А затем я говорю ученикам, что публикация не всегда приносит финансовую стабильность, душевное равновесие и даже просто

удовлетворенность. Истерия, проблемы с кожей, нервный тик, беспросветные денежные затруднения — нажать это гораздо больше шансов, чем обрести душевный покой. И все же я считаю, что писать надо. Просто стараюсь дать людям понять, что сочинительство, и даже писательское мастерство, и даже регулярные тиражи сами по себе не открывают тех дверей, в которые нам всем так хочется войти. Вы думаете, сразу станет хорошо, вас признают, перед вами откроются все пути и возникнет чувство, что вы наконец куда-то добрались? Ничего подобного. У меня очень много друзей-писателей; но никто из них не расхаживает с гордой и довольной улыбкой. Наоборот, у большинства на лицах вечно замученное, загнанное, потрясенное выражение — как у собаки, которой в морду брызнули пахучим дезодорантом.

Моим студентам не нравится все это слушать. Не нравится и то, что я перестала быть голодным художником только после выхода четвертой книги. Неприятно слышать, что мало кому из них удастся опубликовать свои книги и почти никто не сможет всерьез этим зарабатывать. Но их представления о том, что значит быть издаваемым автором, очень далеки от реальности. Поэтому я рассказываю им историю про моего сына Сэма. Ему четыре года, и он ходит в младшую группу при церковной школе. Недавно им там объясняли, что такое День благодарения. У сына есть старший друг, тоже Сэм. Ему уже двенадцать, и он активно интересуется политикой. И вот он при встрече стал выпытывать у моего Сэма, что им говорили про этот праздник. Сын пересказал ему трогательную малышковую версию: про пилигримов, индейцев, вкусную еду и большую дружбу. Выслушав ее, Сэм-старший повернулся ко мне и ехидно прокомментировал: «Похоже, про зараженные оспой одеяла он еще не слышал».

Ну, может, их учителя просто не добрались до истребления индейцев и в той части истории, которую они успели пройти, белые люди вели себя прилично. Это я к чему: мои ученики мечтают издаваться, но пока не знают о тех «зараженных одеялах», что ждут их после публикации. Потому я их и просвещаю.

Но еще я говорю, что за работой мы, писатели, иногда чувствуем себя более живыми и счастливыми, чем в другое время. Если текст по-настоящему удастся, вас охватывает чувство свершения. Как будто нужные, верные слова уже есть внутри вас, а вы только помогаете им выйти на свет. Это почти как доить корову: и молоко прекрасно на вкус, и животное радо, что его подоили. Хотелось бы, чтобы мои слушатели тоже познали счастье творчества.

Ради этого я делюсь тем, что обдумываю и обсуждаю, что помогало и помогает мне в работе. Есть вдохновляющие меня высказывания писателей и поэтов; я раздаю карточки с цитатами на каждом занятии. Есть разные хитрости и тонкости, о которых мне напоминают друзья, когда я звоню им в расстройстве и унынии, еле наскребая мелочь на такси. В этой книге я собрала все, что я поняла и выучила; все, что я передаю каждой новой группе студентов. Есть несколько прекрасных пособий для начинающих писателей, но мне хотелось создать что-то более личное, близкое к непринужденной атмосфере семинаров. Пожалуй, здесь собрано все, что я знаю о писательском ремесле на сегодняшний день.

Часть I

Мы пишем}

С чего начать?

Первое, что я говорю каждой новой группе в начале занятий: хорошо писать — значит рассказывать правду. Мы, люди, особый биологический вид: в нас заложена потребность разобраться и понять, кто мы есть. Блоха обыкновенная, например, ее не испытывает (вероятно, поэтому блохи ничего и не пишут). Но мы-то испытываем. Нам очень многое хочется высказать и прояснить для себя. У каждого моего ученика всегда есть истории, которые так и рвутся наружу. Поэтому студенты берутся за письменные работы с радостью и энтузиазмом: наконец-то их кто-то услышит, они смогут посвятить себя делу, о котором мечтали с детства! Но когда проведешь за письменным столом несколько дней, оказывается, что рассказать свою правду, да еще и сделать ее интересной, примерно так же «легко и приятно», как выкупать кошку. Многие разочаровываются. Их вера в себя и в ценность их историй разбивается вдребезги. Обычно такие студенты в первый день похожи на жизнерадостных утят: готовы идти за мной хоть на край света. На втором занятии видно, что прыть резко поубавилась.

— Я даже не знаю, с чего начать! — обязательно стонет кто-то из группы.

Начинайте с детства, отвечаю я. Зажмите нос и ныряйте. Запишите все свои воспоминания по возможности точно. Фланнери

О'Коннор говорила: «Любой, кто пережил детство, набрал достаточно материала на всю оставшуюся жизнь». Если ваше детство было тяжелым и беспросветным — что ж, и мрачная вещь сойдет, была бы хорошо сделана. Насчет «хорошо», правда, пока лучше забыть. Главное — начать.

Материала может оказаться так много, что у вас заклинит мозг. Одно время я писала отзывы о ресторанах, и у меня в голове перемешалось столько мест и блюд, что бесполезно было идти ко мне за советом, где бы поесть. Запрос надо было сузить. Вот если б меня спросили, например, про индийскую кухню, я вспомнила бы один шикарный ресторан-дворец, где мой тогдашний спутник попросил подать «ассорти из Киплинга», а затем рагу из священной коровы. Потом мне на ум пришло бы множество других случаев и других индийских ресторанов.

Так что для начала вы можете записать все, что вспомните о первых школьных годах или даже детском саде. Старайтесь подробно описать каждое воспоминание. Не страшно, если это будет плохо, — все равно никто не прочтет. Двигайтесь постепенно: первый класс, второй, третий. Какие у вас были учителя, одноклассники? В чем вы ходили? Чему завидовали?

Теперь добавим деталей. Вы ездили на отдых всей семьей? Напишите об этом. Помните, насколько солидней выглядели остальные семьи? Помните, как ваши родители потеряли колпачок от той штуки, через которую надувают плавательный круг, и вы все время царапали о ее резьбу бока и бедра? А у других детей родители никогда ничего не теряли!

Если это вас не вдохновит или вдохновит, но материал быстро закончится, попробуйте сосредоточиться на важных семейных событиях и праздниках. Может быть, так вы сумеете воссоздать

атмосферу тогдашней жизни. Запишите все, что помните про каждый день рождения, или Рождество, или седе¹, или Пасху, про каждого родственника, который там был. Запишите все, что вы клялись не рассказывать ни одной живой душе. Что вы помните про дни рождения? Катастрофы, удачные праздники, лица родных, освещенные свечками на торте? Поройтесь в памяти, отыщите самые мелкие штрихи: кто и что ел, какую музыку слушал, во что вы все были одеты: жуткие купальные шапочки с цветами, мешковатые плавки на мужчинах, платье вашей сексапильной тетушки — такое обтягивающее, что, казалось, ее придется вырезать из него автогеном. Вспомните женские бигуди; подвязки, которыми ваш отец и дяди закрепляли на ноге носок; дедушкины шляпы; школьные костюмчики, которые на ваших кузенах сидели как влитые, а на вас почему-то смотрелись так, будто вы в этой форме только что вылупились из яйца. Опишите пальто; мантии, которые надевали студенты на выпускной; полупальто — что они скрывали, что подчеркивали. Попробуйте вспомнить, что вам подарили на Рождество, когда вам было десять лет, и что вы при этом почувствовали. Запишите, что делали родители после пары рюмок, особенно в тот раз, когда ваш папа приготовил «рыбацкий пунш» на День независимости и все взрослые перемещались по дому чуть ли не ползком.

Помните: все, что случилось с вами, принадлежит вам. Если ваше детство было неидеальным, то вам, вероятно, запрещали рассказывать правду о том, что происходит в семье. Возможно, в глубине души вы до сих пор боитесь, что из-за облаков на вас укажет длинный и костлявый белый палец и трубный глас

¹ Пасхальный вечер у иудеев. *Прим. ред.*

прогремит: «Тебе же велели помалкивать!» Но те времена прошли. Выплесните на бумагу все, что помните о родителях, братьях, сестрах, ближней и дальней родне. А с обвинениями в клевете разберемся позже.

— Но как же? — спрашивают меня студенты. — Как все это сделать?

Надо сесть за работу, говорю я. Постарайтесь усаживаться за письменный стол примерно в одно время каждый день. Так вы приучите подсознание включаться в творческую деятельность. Приступайте каждый день в девять утра или, скажем, в десять вечера. Заправляйте страницу в машинку или включайте компьютер и открывайте нужный файл. Потом вы будете смотреть на него битый час. Потом начнете раскачиваться из стороны в сторону, сначала легонько, потом все сильнее, как огромный ребенок-аутист. Вы будете смотреть в потолок, на часы, а потом зевать и снова тарашиться на пустую страницу. Продолав все это, поставьте пальцы на клавиатуру, мысленно прищурьтесь и взгляните в картинку, что начала формироваться у вас в голове. Возможно, это место действия, или персонаж, или какая-то сценка — неважно. Постарайтесь утихомирить собственные мысли и расслышать, что говорит вам эта картинка. Игнорируйте все остальное: голоса беспокойства, вины, страха перед чужим неодобрением, тяжелой ипохондрии. Считайте, что этот хор просто вопли злых духов или пьяных обезьян. Возможно, у вас в голове включится внутренний надсмотрщик и выдаст список дел, которые нужно сделать сию же секунду: достать продукты из морозилки, отменить или назначить какую-то встречу, выщипать брови. Мысленно приставьте себе к виску пистолет и велите оставаться на месте. У вас заболит шея. Вы начнете подозревать у себя менингит. Затем зазвонит телефон.

Вы с ненавистью посмотрите в потолок, кое-как напомним себе, что вы воспитанный человек, и вежливо ответите на звонок (ну, может, с легким раздражением). Звонящий обязательно спросит: «Ты что, работаешь?» И вы ответите: «Да!» — потому что вы и правда работаете.

Но в конце концов как-то удастся расчистить канал для внутреннего писательского голоса, истребляя и искореняя все помехи, и начать рождать фразы. Вы как бусины нанизываете слова, чтобы из них получилась история. Очень хочется прорваться к людям: просветить, развлечь, донести до них моменты радости или озарения, воплотить в слове реальные или воображаемые события. Увы, одного хотения мало. Нужны вера, упорство и тяжелый труд. Так что садимся и начинаем.

К сожалению, у меня нет никакого тайного знания или рецепта, который отец открыл бы мне шепотом на смертном одре, никакого секретного кода, который дает возможность сесть за стол и управлять полетом воображения, как диспетчер в аэропорту. Знаю только, что творческий процесс примерно одинаково проходит у всех моих знакомых. Хорошая новость: бывают дни, когда чувствуешь, будто что-то хочет быть написанным и рвется в этот мир, и нужно просто не мешать, дать ему выйти на волю. Это немного похоже на ситуации, когда надо обсудить какой-то больной вопрос, и очень надеешься, что придешь на встречу, откроешь рот, начнешь говорить и верные слова польются сами собой. Часто бывает, что нужные слова и правда выскакивают и ты... вроде бы «пишешь», выплескиваешь на бумагу много мыслей сразу. Плохая новость: если вы похожи на меня, то наверняка перечитаете написанное и впадете в уныние на весь остаток дня. Да еще и начнете бояться умереть раньше, чем успеете

ЧАСТЬ I. МЫ ПИШЕМ

это все переписать или уничтожить: вдруг мир узнает, как ужасны ваши первые наброски!

От уныния у вас может развиваться бессонница, или же вы к вечеру напьетесь до отключки из отвращения к себе. Но, допустим, вы все же легли в нормальное время и даже заснули. Тогда вы, весьма вероятно, с криком очнетесь часа в четыре утра: вам привидится, что вы умерли, причем не своей смертью. Чтобы успокоиться, вы начнете думать о проделанной работе и вспомните, какой чудовищный отстой сотворили накануне. Тут самое время впасть в мировую скорбь, ощутить полную никчемность жизни, заподозрить, что вас никто никогда по-настоящему не любил. Можно еще испытать всепожирающий стыд за собственную бездарность и осознать, что все уже сделанное нужно выбросить и снова начать с нуля. Но тут вы поймете, что вам не суждено ничего переделать: ведь вы наверняка уже смертельно больны.

И тут происходит чудо: восходит солнце. Вы встаете, совершаете утренний туалет, делаете разные будничные дела и в девять часов оказываетесь за письменным столом. Сначала вы будто в трансе смотрите на исписанные вчера листы и вдруг на четвертой странице находите абзац, полный жизни, красок, запахов, звуков, голосов, даже удачных реплик. И вот тогда вы очень, очень, очень тихо говорите себе: ага! Вы опять смотрите в пространство, но теперь уже барабаните пальцами по столу, и вам наплевать на те первые три страницы, которые придется выкинуть. Это просто три страницы, которые надо было написать, чтобы добраться до четвертой, до того самого эпизода, который вы задумывали в самом начале. Только тогда вы еще не знали, что задумали именно его, и не могли узнать, пока не написали. И вот сюжет начинает обретать фактуру; вы начинаете понимать, что вы *не пишете*, а это помогает осознать, что вы

создаете на самом деле. Представьте художника, который пытается изобразить нечто увиденное внутренним взором. Вот он начинает с одного края холста: рисует то, что вроде бы должно там быть, но выходит не совсем то. Тогда художник замазывает это место белой краской и начинает сначала, но опять выходит не то. И так снова и снова, пока наконец он не увидит: вот как надо!

Как только один фрагмент совпадет с этим вашим внутренним «вот как надо!» — дело пойдет. Даже побежит. Это и правда похоже на стремительный бег; я часто вспоминаю последние строки романа «Кролик, беги»: «...каблуки вначале тяжело грохочут по мостовой, потом, без всяких усилий с его стороны, в нем нарастает какой-то сладкий ужас, шаг становится все легче, быстрее и спокойней, и он бежит. Бежит. Бежит»¹.

Жаль, что я редко чувствую такое вдохновение. Почти никогда. Знаю лишь: если достаточно долго сидеть над страницей, что-нибудь да произойдет.

Студенты молча смотрят на меня минуту-другую.

— А как нам найти агента? — спрашивают они.

Я вздыхаю. Есть справочники, где указаны имена, фамилии, адреса. Когда будет что предъявить, вы можете взять такой справочник, выбрать нескольких агентов, написать им и попросить взглянуть на ваш труд. Скорее всего, они откажутся. Но если вы талантливы и очень упорны, кто-нибудь в конце концов прочтет ваш текст и возьмется за дело. Это я почти могу обещать. Но до тех пор мы сосредоточимся на рабочем процессе и будем учиться хорошо писать. Чем лучше человек пишет, тем лучше он читает,

¹ «Кролик, беги» — роман американского прозаика Джона Апдайка (1932–2009). Пер. с англ. М. Беккер. *Прим. пер.*

тем больше находит в чужом тексте. Учиться писать стоит хотя бы ради этого.

Но мои ученики мне не верят. Они хотят, чтобы у них был агент и чтобы их печатали. И платили гонорары.

Почти все они пишут уже давно, некоторые — большую часть жизни. Многим не раз говорили, что пишут они хорошо. И им хочется понять, почему же тогда они будто сходят с ума, когда садятся за очередной текст, почему сначала у них полно прекрасных идей, а потом они печатают первое предложение и с ужасом видят, что оно никуда не годится. Откуда берутся все эти нервные расстройства, что выходят на поверхность, как форель из омута: тоска, отвращение к себе, то завышенная, то заниженная самооценка, неспособность додумать мысль до конца и даже чрезмерное стремление к чистоте, как у Говарда Хьюза¹ с его боязнью микробов. Ах да, не забудьте манию преследования.

Я говорю им: можно испугаться и поддаться этому. А можно сделать из той же паранойи чудесный материал для творчества. Рассматривайте ее как производственное сырье: например, вы можете создать персонажа-параноика и раскрыть этот образ с новой и неожиданной стороны, сделать его правдивым, выпуклым, страшным или забавным. Я читаю им стихотворение Филиппа Лопейта², которое мне однажды прислал кто-то из друзей. Стихи такие.

¹ Говард Хьюз (1905–1976) — американский промышленник, инженер, новатор американской авиации, кинопродюсер, режиссер. Известен также своим эксцентричным поведением и многочисленными фобиями. *Прим. ред.*

² Филипп Лопейт (род. 1943) — американский поэт, прозаик, кинокритик. *Прим. пер.*

Хочешь правду?
Думаешь, мы все в сговоре?
Мы, друзья и родные,
нарочно тебя пытаем под стать врагам?
Вместе казни выдумываем все новые?
Да, нарочно. Да, вместе. По четвергам.
Только, знай, и мечтаем, как нам опять
растравить тебе душу, да посильнее,
да подольше, да побольнее,
вымотать аж до стога.
Нервы истрепать:
ни к сердцу прижать,
ни к черту послать,
ни пустить уже на все стороны.
Так вот и живем: мучим, а потом
сядем и планируем заново.
Вот тебе, дружок,
и четверг пришел.
Вот такая теория заговора.

Они таращатся на меня, будто в сцене из «Полета над гнездом кукушки». Только троим показалось, что стихи про паранойю — это смешно или что в них есть своя художественная правда. Несколько человек глядят с отчаянием. Те, кто сильнее всего хочет публиковаться, просто думают, что я стерва. У некоторых сломленный вид, кое-кто смотрит с явным отвращением, словно я стою перед ними голая при ярком свете.

Наконец кто-то тянет руку:

— А если сразу послать рукопись в издательство? Без агента никак нельзя?

Пару секунд я молчу, потом отвечаю:

— Нет. Без агента нельзя.

Проблема всякий раз в том, что люди хотят публиковаться. То есть они вроде бы хотят писать, но на самом деле им надо, чтоб их печатали. Я говорю им: «С таким подходом ничего не добьешься. Представьте себе дверь, в которую мы все хотели бы войти. Так вот, чтобы найти и открыть ее, надо писать. Начать писать — почти как завести ребенка: ты встряхиваешься, начинаешь обращать внимание на разные мелочи, становишься более чутким. А сам факт публикации ничего этого не даст. В дверь вы так не войдете».

Однажды, когда моему сыну Сэму было три с половиной года, он нарочно вышел из дома и захлопнул за собой дверь. У него были ключи от игрушечных наручников. Я сидела на диване и читала газету, как вдруг услышала, что он вставил в скважину эти пластмассовые ключи и ломится обратно в дом. Потом он выдал:

— Твою мать!

Рот у меня открылся, как на картине Эдварда Мунка «Крик». Я даже не сразу встала и отперла дверь.

— Что ты сейчас сказал, сынок? — переспросила я.

— Твою мать, — повторил Сэм.

— Сынок, но это же очень плохие слова. Давай мы их совсем-совсем не будем говорить, ладно?

Он потупился, кивнул и обещал:

— Ладно, мам.

Потом подался ко мне и доверительно продолжил:

— А знаешь, почему я сказал плохие слова?

— Почему?

— Из-за этих гребаных ключей!

Игрушечным ключом дверь не отпнешь. А те чудеса, которых люди ждут от публикации, — фантазия, обманка. Как голограмма орла на кредитной карте: летает только понарошку. Есть только один настоящий способ: долби каждый день свои гаммы, бери пьесы все сложнее и сложнее, слушай, как великие музыканты играют твои любимые вещи, — и потихоньку научись. Есть в работе моменты, когда все наскучит и встанет поперек горла, и не знаешь, сможешь ли ты сегодня взять себя в руки и продолжать. Вы думаете, у признанных писателей не бывает этих часов скуки и уныния, когда сам себе кажешься ничтожным и суетливым, как блоха? Все бывает. Но порой чувствуешь, что писать — великое счастье, что именно этим ты хочешь заниматься всю жизнь. Тот, кто вправду всей душой жаждет писать, всегда найдет способ сказать свое слово. И сделать это очень, очень важно.

— Ну и чем же это важно? — спрашивают мои студенты.

Да тем, что для некоторых из нас книги дороже чуть ли не всего на свете. Какое чудо, что в этих маленьких, твердых, почти плоских кирпичиках бумаги таятся новые миры, которые поют тебе, утешают, успокаивают или окрыляют. Книги помогают нам понять, кто мы есть и как нам надо поступать. Они объясняют, что такое родство и дружба, показывают, как надо жить, а как умирать. В них есть то, чего не найдешь в повседневной жизни, например: великолепный поэтический язык; новые, с иголки, слова. И внимание для них нужно новое, другое. Мы многое видим в обыденной жизни, но далеко не всегда даем себе труд остановиться, по-настоящему заметить, запомнить. Писатель же заставляет нас замечать детали, и это огромный дар. Я безгранично

ЧАСТЬ I. МЫ ПИШЕМ

благодарна тем, кто по-настоящему хорошо пишет, почти так же, как благодарна океану за то, что он есть. «А вы?» — спрашиваю я студентов.

Большинство кивает. Вот почему они пришли сюда: они любят читать, любят хорошо написанные тексты и тоже хотели бы писать хорошо. Но некоторые по-прежнему глядят на меня с безнадежной тоской, как будто их предали и они мечтают повеситься. «Деньги за обучение возвращать поздно, — жизнерадостно говорю я. — Но могу предложить кое-что получше». Далее вы найдете два самых полезных совета, какие я могу дать начинающим писателям.

Малые дозы

Полезный совет номер один: писать лучше понемногу, маленькими порциями. Часто бывает так: замышляешь автобиографический роман о собственном детстве, или пьесу из жизни иммигрантов, или трактат о... ну, скажем, роли женщины в истории. Но браться за это сразу — все равно что карабкаться по склону ледника. Ноги скользят, пальцы краснеют, мерзнут, из ран сочится кровь. Затем из глубин подсознания заявляются в гости все твои нервные расстройства и рассаживаются вокруг стола, как больные и чахлые родственники. Они стараются помалкивать, но ты чувствуешь тяжелый дух и знаешь, что они маячат где-то поблизости, за самой твоей спиной.

Что делать в такие моменты, когда захлестывает паника, в висках начинают бить тамтамы и понимаешь, что источник вдохновения иссяк, твое будущее позади, пора искать нормальную работу, только тебя никто на нее не возьмет? Я беру паузу. Останавливаюсь и стараюсь глубоко дышать, потому что в такие минуты я либо сижу за столом, пыхтя, как собака, либо издаю натужный астматический хрип. Так что я заставляю себя дышать ровно и медленно и отпускаю мысли на волю. Через минуту-другую обнаруживается: я обдумываю, не исправить ли мне прикус или я уже для этого старовата; не сделать ли пару звонков; не поучиться ли наконец пользоваться косметикой и не поискать ли нормального мужчину без всяких пунктиков и бзиков, и как прекрасна тогда будет жизнь, и как

я всегда буду счастлива. Еще я думаю про всех тех людей, которым надо было позвонить до того, как я засела за работу, что хорошо бы связаться с издателем, рассказать ему про мой прекрасный замысел и посмотреть, воодушевит ли замысел его. Можно еще спросить у издателя, не надо ли мне исправить зубы. А то он как-то странно смотрит на меня, когда мы вместе обедаем. Потом я вспоминаю какую-нибудь недавнюю ссору или денежную проблему, которая отравляет мне жизнь, и решаю, что нужно немедленно что-то предпринять и исправить ситуацию, прежде чем погружаться в работу. Так я и мечусь, будто собака с игрушечной косточкой: помусолю, потопчу, закину за спину, погоняюсь, полижу, пожую, еще раз закину за спину. Разве что не лаю. Но на все это уходит минута или две, так что времени теряется не очень много. Хотя я все равно выматываюсь. И вот я снова пытаюсь дышать медленно и глубоко — и наконец замечаю рамку для фотографии пять на восемь сантиметров, которую специально поставила себе на стол, чтобы помнить про малые дозы.

Рамка напоминает мне: нужно написать кусочек. Маленький, как фотография пять на восемь. На сегодня это все. Вот сейчас, например, я напишу только один абзац про место и время действия. Место: мой родной городок. Время: конец пятидесятых, когда у нас еще вовсю ходили поезда. Я нарисую это все как картинку, только словами и на мониторе компьютера. Или опишу главную героиню в тот момент, когда мы впервые ее видим. Вот она выходит из дому на парадное крыльцо. Я даже не стану сейчас описывать выражение ее лица при виде слепой собаки, которая сидит у колеса ее машины. Один маленький кусочек; только то, что можно разглядеть через рамку размером пять на восемь сантиметров. Только портрет женщины, которая живет в городе, где родилась и выросла я сама.

Эдгар Доктору¹ однажды сказал: «Писать роман — это как вести машину ночью. Видишь только то, что фары выхватывают из темноты; и все же так можно проделать весь путь». Не надо видеть конечную цель, не надо видеть пункт назначения и все то, что будешь проезжать по дороге. Достаточно видеть на несколько метров вперед. Это, пожалуй, один из лучших советов насчет писательства, какие мне доводилось слышать. Да и насчет жизни вообще.

Поэтому, всласть надумавшись о людях, которые меня бесят, и о финансовых катаклизмах, и, конечно же, о неровных зубах, я мысленно беру маленькую рамку и выделяю для себя кусочек истории, который буду рассказывать сегодня: один эпизод, одно воспоминание, один разговор. Еще я вспоминаю случай из нашего детства (я уже его где-то описывала, но он безотказно помогает мне взять себя в руки). Тридцать лет назад мой старший брат — тогда ему было десять — бился над школьным заданием, которое должен был сдать на следующий день. Им велели описать наших местных птиц; изначально на все отводилось три месяца, но брат ничего не успел. И вот он, чуть не плача, сидел за кухонным столом у нас дома в Болинасе, весь обложенный альбомами, карандашами и непрочитанными книгами про птиц. Объем работы парализовал его. Тогда пришел папа, сел рядом с ним, обнял и сказал: «Птицу за птицей, друг. Описывай птицу за птицей».

Я люблю рассказывать эту историю, потому что после нее чувство полной безысходности у моих студентов обычно идет на убыль. Иногда у них возникает надежда, а она, как говорил Честертон, есть

¹ Эдгар Доктору (род. 1931) — американский прозаик и литературный критик. Прим. пер.

ЧАСТЬ I. МЫ ПИШЕМ

способность не терять бодрость духа в самом отчаянном положении. Сочинительство — довольно-таки отчаянная затея, ведь оно касается наших самых глубоких потребностей: быть увиденными, услышанными, придать осмысленность жизни, проснуться, вырасти душой, найти себе место в мире. Неудивительно, что мы иногда начинаем принимать себя чересчур всерьез. По этому поводу могу рассказать еще одну историю.

Есть такой фильм с Биллом Мюрреем — «Добровольцы поневоле»¹. Главный герой попадает в армию, и в первый вечер весь их взвод собирают в казарме. Новобранцы должны познакомиться друг с другом и со своим сержантом (его играет Уоррен Оутс). Каждый говорит несколько слов о себе: кто он, откуда, чем интересуется. Наконец очередь доходит до злущего и дерганого парня по имени Фрэнсис. Он говорит: «Вообще я Фрэнсис, но меня так никто не зовет. Попробуйте назвать меня Фрэнсис — убью. И еще. Ненавижу, когда меня трогают. Попробуйте меня тронуть — убью». И в этот момент к нему подсказывает Уоррен Оутс и говорит: «Эй, Фрэнсис! Да будь ты попроще!»

Неплохая фраза. Советую распечатать и повесить у себя в кабинете.

Скажите себе мягко и ласково: «Радость моя, мы сейчас просто напишем про речку на закате, или про то, как ребенок плавает в бассейне, или про то, как мужчина первый раз встречает свою будущую жену. Вот и все. Будем описывать птицу за птицей. Но уж этот маленький кусочек доведем до конца».

¹ «Добровольцы поневоле» (Stripes) — американская комедия 1981 года (режиссер Айван Райтман). *Прим. ред.*

Рабочий мусор

Еще одна прекрасная новость: не бойтесь отвратительных первых набросков. Они бывают у всех хороших писателей. Именно наброски дают возможность написать добротный черновик, а затем отличную рабочую версию. При виде известного автора — публикуемого, может быть, даже состоятельного — люди обычно думают: он каждое утро садится за стол в превосходном настроении, чувствует в себе бездну таланта, придумывает великолепный сюжет, а затем вдыхает полной грудью, закатывает рукава, вертит туда-сюда головой, чтоб размять затекшую шею, и начинает выдавать абсолютно готовые абзацы и главы, печатая со скоростью судебной секретарши. Но все это — заблуждение профанов. Я знаю нескольких прекрасных писателей, любимых, популярных; они неплохо зарабатывают и очень талантливы. *Ни один из них не садится за работу каждое утро полный бодрости и энтузиазма. Никто не выдает легкий, искрометный текст с первого раза. Ну хорошо, знаю я одну такую, но мы ее не очень любим. Мы не считаем ее человеком с глубоким внутренним миром или Божьей избранницей. Как знать, вдруг Бог ее вообще терпеть не может. (Правда, когда я озвучила эту версию при моем друге-священнике Томе, он сказал: «Если ваш Бог ненавидит тех же людей, что вы сами, значит, вы сотворили его по своему образу и подобию».)*

Мало кто из писателей понимает, что делает, пока не сделает это. И никто не рвется к работе со слезами восторга и вдохновения. Вы думаете, мы печатаем несколько корявых фраз для разогрева, а потом ныряем в текст, как хаски в сугробы? Один знакомый писатель рассказывал, что каждое утро садится за стол и нежно говорит сам себе: «Ну у тебя же есть выбор, правда? Ты можешь либо писать, либо застрелиться!» Нам часто кажется, будто мы не пишем, а рвем зубы, — даже тем из нас, чьи тексты славятся особой легкостью и естественностью. Нужные слова и фразы крайне редко льются из нас потоком. Правда, Мюриел Спарк¹ утверждала, что ей как будто Господь диктует каждое утро. Видимо, сама она при этом сидела, воткнув наушники в этот Божий диктофон, и молотила пальцами по клавиатуре, блаженно напевая. Но в таких заявлениях есть что-то хвастливое и злорадное; человеку, который их делает, невольно начинаешь желать неприятностей.

Мне и большинству моих знакомых писателей творчество дается нелегко. Единственный способ начать писать — это набросать слабый, ни на что не годный первый черновик.

Эти первые наброски похожи на детский лепет: просто выплескиваешь на бумагу все, что вздумается, даешь себе волю. Ведь никто это не увидит, а внятную форму можно придать и потом. Сперва лучше выпустить наружу ребенка, который сидит в каждом из нас, и дать ему выговориться. Если он захочет, чтоб один персонаж обозвал другого какашкой, — пусть. Все равно никто не увидит. Если дитя ударится в эмоции, слезливость, мелодраму — ничего страшного. Пусть все выльется на бумагу, потому что на этих

¹ Мюриел Спарк (1918–2006) — шотландская писательница и литературный критик. *Прим. пер.*

безумных шести страницах могут потом обнаружиться перлы, каких не создать рациональным, «взрослым» методом. Как знать, вдруг в самой последней строчке самого последнего абзаца на странице номер шесть найдется нечто настолько меткое, красивое, безумное, что вы поймете: вот оно. Вот про что надо писать или по крайней мере вот куда надо двигаться. Но для этого надо сперва родить предыдущие пять с половиной страниц.

Я вела колонку ресторанный критика в журнале California, пока его не закрыли. (Нет, не из-за меня, хотя, бывало, читатели и отказывались от подписки после моих рецензий. Не всем нравилось, что я сравниваю овощное пюре с мозгами некоторых наших президентов.) На статью мне обычно требовалось два дня. Сначала я несколько раз ходила в очередной ресторан и брала с собой парочку друзей — из тех, у кого всегда есть свое мнение и кто не стесняется его озвучить. Пока мы там сидели, я записывала наши разговоры, особенно если звучало что-то хоть самую малость интересное или смешное. Затем в ближайший понедельник я усаживалась за стол со всеми заметками и бралась за статью. Даже после многих лет такой работы меня всякий раз охватывала паника. Я пыталась написать вступление; вместо него выходила пара никуда не годных фраз. Я их зачеркивала, пробовала еще раз, зачеркивала вообще все, впадала в отчаяние. Оно давило мне на грудь, как свинцовый фартук при рентгене. «Все кончено», — думала я с ледяным спокойствием. В этот раз волшебство не сработает. Мне крышка. На карьере можно ставить крест. Может, конечно, мне и удастся снова устроиться секретарем-машинисткой — но это вряд ли. Потом я вставала, шла к зеркалу и несколько минут изучала свои кривые зубы. Затем успокаивалась, вспоминала, что надо ровно

дышать, делала несколько звонков, заходила на кухню и жевала что-нибудь. В конце концов я возвращалась за стол и вздыхала за ним еще минут десять. После чего брала рамку пять на восемь, смотрела на нее, будто ждала ответа, — и он неизменно приходил: надо просто написать «мусорный» первый набросок, например для вводного абзаца. Ведь никто его не увидит.

И тогда я начинала писать, никак себя не обуздывая. В сущности, я просто печатала, заставляя себя двигать пальцами. Текст получался отвратительный. Я размазывала вступление на целую страницу, хотя вся рецензия не могла быть длиннее трех. Затем я начинала описывать еду — одно блюдо за другим, птицу за птицей, — и критики сидели у меня на плечах, как в мультике или комиксе, комментируя каждую новую строчку. Они делали вид, что храпят, или закатывали глаза при слишком длинных описаниях — как бы я ни старалась все это сокращать, как бы часто ни вспоминала совет одной подруги. Как-то раз, на заре моей карьеры ресторанного критика, она мягко сказала: «Энни, это же просто кусок курицы. А вон то всего лишь пирог».

Но поскольку к тому времени мой писательский опыт был уже довольно велик, я в конце концов начинала втягиваться в процесс. Я набрасывала первый вариант; он обычно был раза в два длиннее, чем надо: вязкое, скучное начало, занудные описания блюд, реплики моих друзей с их специфическим юмором, из-за которого они получались больше похожи на персонажей «черной» комедии, чем на гурманов. Никакого внятного окончания не было вообще. Текст выходил такой длинный, бессвязный и тягототный, что до конца дня меня преследовала навязчивая мысль: вдруг я сейчас попаду под машину, не успев ничего переделать, и после моей смерти люди найдут и прочтут это позорище? Чего доброго, решат, будто

я нарочно кинулась под колеса — со страху, что мне разом отказали и талант, и мозги...

Однако на следующий день я садилась за этот набросок, вооруженная ярким фломастером, и вычеркивала все, что могла. Обычно где-нибудь на второй странице находилось нормальное начало, а тогда придумывалась и ударная концовка. Уже можно было писать второй вариант, и он всегда выходил гораздо лучше — забавней, информативней, да и вообще как-то живей. Я просматривала текст еще один раз, а затем отсылала в редакцию.

Потом проходил месяц, и нужно было писать новую рецензию. Весь процесс начинался заново, включая страх, что меня собьет машина и люди обнаружат мой ужасный первый черновик.

Чуть ли не любой хороший текст вырастает из невнятного наброска, потому что его же надо с чего-то начать. Напишите что-нибудь. Что угодно — главное, напишите. Один мой друг говорит, что первый черновик — строительный мусор, ведь его потом просто выбрасываешь. Второй черновик — материал, с ним работаешь дальше. Теперь нужно сказать то же самое, только лучше и точнее. А вот третий вариант уже проверка на прочность. Как у стоматолога, где смотрят каждый зуб: нет ли дырки, не шатается ли, не отмирает ли — а может, боже сохрани, есть и совсем здоровые?

Садясь за первые «грязные» наброски, я научилась глушить голоса совести в своей голове. Первый принадлежит злоязычной госпоже Читательнице; обычно она надменно произносит: «Милочка, вы всерьез считаете, что вот это интересно?» Второй голос — эдакий худощавый ариец; он в оруэлловском духе зачитывает список моих мыслепреступлений. Потом являются родители и начинают сетовать на мою чрезмерную откровенность

и несдержанность. Потом мне видится Уильям Берроуз¹: он либо засыпает, либо вводит себе очередную дозу, потому что в качестве собеседника я не более умна и занимательна, чем комнатная герань. Ах да, еще собаки. Мне часто представляется огромная псарня: как будто, если я перестану писать, на свет божий с рычанием вырвется злобная свора, сметая все на своем пути. Наверное, для многих из нас творчество — единственный способ удержать на цепи своих внутренних демонов.

На усмирение всех этих голосов уходит как минимум половина того времени, что я трачу в борьбе с собой каждый день. Но прогресс налицо: раньше на это уходило восемьдесят семь процентов. Если оставить мой ум без присмотра, он будет без конца вести разговоры с воображаемыми собеседниками. Я то и дело мысленно перед кем-то оправдываюсь, с кем-то пикируюсь, с кем-то объясняюсь, или обмениваюсь сплетнями, или представляю, что я на ток-шоу... Стоит мне, например, проехать на желтый свет или не затормозить вовремя — и через миллисекунду я уже объясняю воображаемому полицейскому, почему мне пришлось так сделать, или доказываю, что вообще не делала ничего подобного.

Когда-то давно я рассказала об этом специалисту по гипнозу, и он подозрительно ласково на меня посмотрел. Сперва я решила, что он потихоньку нащупывает тревожную кнопку; но он посоветовал мне одно упражнение, которое я часто делаю до сих пор.

Нужно закрыть глаза и посидеть тихонько, пока не начнутся все эти внутренние разборки. Затем выделить один из голосов и представить говорящего в виде мыши. Мысленно взять эту мышь

¹ Уильям Берроуз (1914–1997) — американский прозаик, один из основоположников «литературы битников». Входит в число самых знаменитых писателей США в XX веке. *Прим. пер.*

за хвост и посадить ее в стеклянную банку. Далее распознаем еще один голос, представляем в виде мыши, берем за хвост, сажаем в банку. И еще, и еще. Всех в банку: требовательных родителей, ноющих детей, работодателей, коллег, юристов. Всех, кто бубнит у нас в голове. Теперь закрываем крышку и смотрим, как мыши пытаются лезть вверх по стеклу, как у них скользят лапки. Вот они — все, кто внушал нам чувство вины за то, что мы не живем так, как хотят они: мало зарабатываем, мало даем им денег, не строим карьеру, не проводим с ними больше времени. Еще представьте, что на банке есть регулятор звука. Сперва включите его на максимум и всласть послушайте этот хор оскорбленных, укоризненных голосов. А потом убавьте до предела и любуйтесь, как мыши кидаются на стекло, пытаясь достучаться до вас. Оставьте их и садитесь за свой никчемный первый набросок.

Один мой друг, тоже писатель, предложил мысленно открыть банку и перестрелять всех мышей. Но, по-моему, он слишком злой. Уверена, вам в голову не придет ничего подобного.

Перфекционизм

Перфекционизм — глас тирана и враг народа. Он всю жизнь будет держать вас в страхе и напряжении; именно он стоит между вами и первым черновиком. Думаю, перфекционизм рождается из нездоровой веры в то, что, если ходить по жизни очень осторожно, все время думая, куда ставишь ногу, ты не умрешь. На самом деле, конечно, все равно умрешь. А многие из тех, кто даже не думает, куда идет, добьются в жизни большего, чем ты, да и проживут веселее.

Перфекционизм — враг писателя еще и потому, что губит фантазию, игру и жизненную силу (да, мы в Калифорнии все еще пользуемся такими понятиями). Перфекционист обычно стремится оставить как можно меньше мусора, чтобы не надо было потом ничего расчищать. Но беспорядок есть признак живой жизни. Отбросы необычайно плодородны: под завалами нередко можно найти нечто ценное, отряхнуть его, очистить, поправить, отполировать. Безупречный порядок означает, что все навсегда останется так, как есть. Там, где он царит, нужно сдерживать себя, ходить затаив дыхание. А живой текст должен дышать и двигаться.

В двадцать один год мне вырезали миндалины. Я была из тех людей, кто простужается от малейшего ветерка, и мой врач в конце концов решил, что миндалины надо удалять. После операции мне целую неделю было так невыносимо больно глотать, что я пила и ела через трубку. Сначала мне давали обезболивающее,

но потом назначенный врачом срок прошел, а боль — нет. Я позвонила медсестре и попросила выписать мне еще один рецепт, по возможности добавив еще и успокоительное, потому что кроме боли я чувствовала постоянную тревогу. Медсестра отказалась. Я попросила позвать к телефону старшую сестру. Мне сказали, что та сейчас обедает, и велели купить — что бы вы думали? — жевательную резинку. Ее надо было энергично пожевать; при одной этой мысли я схватилась за горло. Медсестра объяснила, что, когда у нас на теле рана, мышцы вокруг нее сокращаются, чтобы защитить раневую поверхность от новых повреждений и инфекции. Надо разработать эти мышцы, иначе они не расслабятся. В итоге моя лучшая подруга Пэмми пошла и купила мне жвачку. С великой подозрительностью и скепсисом я начала жевать. Сначала мне как будто обожгло горло кислотой, но через несколько минут боль исчезла. Совсем.

Наверное, что-то похожее происходит с мышцами нашей души. Они сокращаются вокруг раны: давней детской боли, взрослых потерь и разочарований — чтобы нас снова не ударили по тому же месту, чтобы туда не попало ничего вредного. Поэтому раны не могут зажить до конца. Перфекционизм и есть такое сокращение мышц. Иногда мы и сами не знаем о наличии раны и работе защитных механизмов, но они все равно сковывают нас. Из-за них мы живем и пишем настороженно, с оглядкой. Мы все время пытаемся отойти в сторонку, никак не можем жить свободно и полно, будто прыгнуть в море голышом. Как же нам вырваться на волю?

Это проще сделать, если веришь в Бога, но и для атеиста ничего невозможного нет. Если веришь, значит, твой Бог в силах облегчить бремя перфекционизма. Хотя у него есть один изрядный минус:

он никогда не действует напрямую, не касается тебя волшебной палочкой и не исполняет желание, как добрая волшебница. Можно подумать, от него убудет! Но он может придать мужества и сил, чтобы снова и снова писать невнятные и беспомощные наброски и однажды обнаружить, что из них получаются более или менее пристойные черновики и что весь этот мусор в конце концов не так уж бесполезен.

Некоторым из нас сам Бог видится чопорным, предубежденным перфекционистом (вроде меня). Но один мой друг-священник призывает забыть о Боге из нашего детства: любящем и опекающем, но готовом изжарить за плохое поведение; Боге, похожем на директора школы в сером костюме — имени твоего не помнит, но личное дело листает всегда со скорбной миной. Если вас приучили верить в такого Бога, лучше добавьте в этот образ более приятные черты. Пусть он будет скорее склонен посмеяться над вами, чем покарать. Пусть лучше напоминает какого-нибудь шоумена, или комика, или певца. Подойдет кто-то типа Дэвида Бирна, Грейси Аллен или мистера Роджерса¹.

Если же вы неверующий, почаще вспоминайте прекрасную фразу Дженин Рот²: «Повзрослеть — значит научиться быть своим собственным собеседником». Постарайтесь быть своим добрым и сочувствующим собеседником, как будто общаетесь с дорогим вам человеком и хотите его поддержать. Вы же, наверное, не станете закатывать глаза и фыркать, если прочтете первые наброски близкого

¹ Дэвид Бирн (род. 1952) — шотландский рок-музыкант, основатель группы Talking Heads; Грейси Аллен (1895–1964) — американская комедийная актриса и телеведущая; мистер Роджерс (Фред Макфили Роджерс; 1928–2003) — американский комедийный актер; ведущий и главный персонаж детского телешоу «Наш сосед мистер Роджерс». *Прим. пер.*

² Дженин Рот (род. 1956) — американская писательница. *Прим. пер.*

друга в его присутствии? И вряд ли будете делать вид, что вас сейчас стошнит. Скорее всего, вы скажете что-то вроде: «Для начала неплохо. Со слабыми местами разберешься потом, а пока — вперед и с песней!»

В любом случае главное — понять: если вы хотите писать, то имеете на это полное право. Но вы едва ли далеко уйдете, если не сможете побороть перфекционизм. Допустим, вы хотите изложить какую-то историю, высказать правду так, как вы ее ощущаете, потому что некто внутри вас велит это сделать. Помните, как бывает в мультфильмах: запах от вкусного пирога рисуют в виде пальца, который манит персонажей, или белой струи, которая заползает под двери, забирается в мышинные норы, забивается в ноздри спящим. И тогда персонаж — мужчина, женщина, мышка — встает и идет на зовущий аромат. Бывают дни, когда запах слаб и еле уловим; тогда приходится брести наугад, принохиваясь изо всех сил. Но даже в такие дни понимаешь, чего стоят воля и упорство. А на завтра запах может стать сильнее и явственней (или это просто у вас развился нюх, как у ищейки). Вот это — бесценно. А перфекционизм может только вымотать и свести с ума.

Возможно, вы за целый день не сделали ничего толкового. И что теперь? Курт Воннегут говорил: «Когда пишу, я чувствую себя безруким и безногим калекой, который держит карандаш в зубах». Смелее вперед! Изводите горы бумаги, делайте ошибки. Перфекционизм — тяжелая, закоряченная форма идеализма, а ошибка — настоящий друг художника. Увы, когда мы были детьми, нам почему-то (не нарочно, я уверена) забыли сказать, что разводить вокруг себя беспорядок жизненно необходимо, что только так мы сможем понять, кто мы такие и зачем мы здесь. И еще — что и как нам нужно писать.

Школьные завтраки

Помнится, я обещала рассказать вам все, что сама знаю о писательском ремесле. Но еще я расскажу все, что знаю о школьных завтраках: динамика, процессы и психология и там и там очень похожи. Надеюсь, вам станет понятнее, как работы малого объема и производство бросовых черновиков помогают найти целый ворох потаенных детальных воспоминаний, поднять залежи творческого сырья и найти колоритные прообразы для будущих персонажей. Итак, если мне звонит кто-то из учеников и начинает стенать от невозможности выразить себя в слове, я прошу его рассказать мне о школьных завтраках. Неважно, где и когда человек учился: в государственной школе или частной, в Южной Калифорнии или Нью-Йорке, на двадцать лет раньше, чем я, или на десять лет позже. Чаще всего оказывается, что их еда была очень похожа на то, что брали с собой мы в нашу обычную государственную школу в Северной Калифорнии, где учились дети благополучного среднего класса. Но есть и отличия; именно они интереснее всего. Только сравнив их, можно понять, что у нас общего. Как ни странно, после того как мы поделимся воспоминаниями о школьной еде, мои ученики приходят в гораздо лучшее настроение и снова чувствуют энтузиазм.

Однажды на занятии я попросила студентов написать что-нибудь про их школьные завтраки, отвела на это полчаса и сама стала писать вместе с ними. Вот что у меня получилось.

Главное, что я знаю про школьные завтраки: только кажется, что дети просто собираются и вместе едят. На самом деле мы каждый раз словно выворачивались наизнанку друг перед другом. В каком-то смысле писатель тоже выворачивается наизнанку перед посторонними. Эти завтраки — предвестники совместных душей после физкультуры в седьмом-восьмом классе, когда все могут рассмотреть, что у тебя выросло и чего не выросло, и чувствуют нутряные запахи твоего тела, и ты понимаешь, что можешь подцепить какую-нибудь общую болячку. Содержимое твоего пакета с завтраком очень многое говорило о твоей семье. Некоторые завтраки (как и люди) считались крутыми и престижными. А некоторые не считались. Все очень просто: у нас был свой код, свои понятия о том, что приемлемо, а что недопустимо.

Однако через полчаса стало ясно, что у меня и еще у нескольких членов группы слишком много материала и мы рискуем захлебнуться в нем. Поэтому мы решили не поднимать тему пакетов и родительских подписей на коричневой бумаге: как мы выдумывали, будто эти каракули на самом деле тайный шифр турецких террористов, и что эти фантазии говорят о нас тогдашних. Итак, пакеты решено было пока не трогать, а сосредоточиться на их содержимом. Мысленно берем рамку пять на восемь и выделяем первый фрагмент — сэндвич.

Сэндвич был гвоздем программы, и насчет него существовали очень четкие правила. Во-первых, мы признавали только белый хлеб из супермаркета. Исключений не допускалось. Если ваша мама сама пекла хлеб, оставалось только молиться, чтобы другие ничего не заметили. Этим уж точно не хвастались и, если мама делала домашний сыр, об этом тоже помалкивали. И «правильные» начинки у сэндвичей бывали только нескольких

видов. Одобрялись вареная и копченая колбаса, какой-нибудь нейтральный сыр, а также арахисовое масло с конфитюром (если ваши родители понимали разницу между конфитюром и джемом).

Выше всего ценился виноградный конфитюр: приятно склизкая, убийственно сладкая сплошная химия. Второе место занимал клубничный джем. Остальное считалось дрянью. Вот, например, малиновый...

Тут выяснилось, что я уже точно не помню, за что именно мы так ненавидели малиновый джем. Поэтому в тот же вечер, придя домой, я позвонила своей подруге. Она тоже писательница — очень талантливая, очень успешная и с кучей неврозов. Пожалуй, у нее и таланта, и неврозов больше, чем у всех остальных моих знакомых. Я спросила:

— Помнишь, когда мы завтракали в школе, виноградный конфитюр все любили, клубничный джем считался ничего, а малиновый вообще был за гранью добра и зла? Как тебе сейчас кажется, почему?

И подруга выдала длинный, страстный, довольно бессвязный монолог о том, что в малиновом джеме всего было слишком много. Например, зернышек в одной ложке. В нашем детстве был очень популярен фильм «Вторжение похитителей тел»¹. Там у землян появлялись двойники-инопланетяне, вырастающие в огромных стручках, как бобы. Семена растений занесены на Землю из другой галактики. Вот зернышки в малиновом джеме и напоминали моей подруге эти «семена зла».

¹ «Вторжение похитителей тел» (Invasion of the Body Snatchers) — американский фантастический фильм по одноименному роману Джека Финнея. Снят Доном Сигелом в 1956 году; в 1978 году Филипом Кауфманом создана вторая экранизация романа. *Прим. ред.*

Еще подруга вспомнила про абрикосовый джем, который был даже хуже малинового. Я не думала об этом лет тридцать, но тут все детали всплыли у меня в голове с ужасающей четкостью. Абрикосовый джем был невероятно похож на клей или какую-то липкую слизь. Но почему-то вы непременно получали его в те дни, когда завтрак собирал папа. Все отцы обожали абрикосовый джем, уж не знаю почему. Дочь Фрейда, наверное, много чего могла бы сказать по этому поводу. В общем, в тот вечер я села за письменный стол и продолжила.

Как правило, завтраки, собранные отцами, всегда были из рук вон плохи. Отцы совершенно ничего в этом не понимали, будто с Луны свалились. Например, «правильный» сэндвич с вареной колбасой надо было делать из белого хлеба и класть внутрь один-два кружка колбасы и один мерзлый листик салата-латука. И еще мазать горчицу (католики увлекались майонезом, но об этом позже). Отцы же, во-первых, вечно брали «неправильный» хлеб и мазали его маслом. От этого сэндвич становился таким же неликвидным, как, скажем, тарелка хаггиса¹. Во-вторых, из папиных сэндвичей вечно что-нибудь торчало и вываливалось. Не знаю почему. Отцы хватали первую попавшуюся зелень, обычно свежую и кудрявую, а брать надо было единственный привядший листик латука! Если одноклассники видели, что из твоего сэндвича высовывается огромный лист кочанного салата, можно было сразу записываться в изгой.

В каждом классе обязательно был свой изгой. Иначе как бы мы, остальные, могли почувствовать себя нормальными? Если это был мальчик, то обычно из тех, кто таскал с собой какой-нибудь музыкальный инструмент: футляр всегда болтался где-то

¹ Шотландское блюдо: бараний или телячий рубец, начиненный потрохами со специями. *Прим. ред.*

в ногах, поэтому, чтобы его случайно не пнул кто-то из прохожих, шагать приходилось не по тротуарам, а сбоку, по траве; оттого вся обувь была ободрана, да и собаки тявкали вслед. У таких и завтраки были недопустимо эксцентричные; конечно, остракизму подвергали не только за одно это, но фактор еды играл свою роль...

Наверняка эти мальчики выросли и стали писателями.

Сойдет ли это в качестве материала? Как знать. Чтобы понять, надо записать все. Может, и отыщется фраза, или персонаж, или тема, которые пригодятся вам в будущем. Но прежде надо выплеснуть на бумагу все. Нужно просто *писать*.

Однажды я слышала выступление Натали Голдберг, автора книги «Как надо писать»¹. Из зала спросили, что она все-таки посоветует начинающим писателям. Голдберг взяла со стола папку, сложила пальцы, будто держит ручку, и стала понарошку писать. Возможно, это было что-то из области дзен-буддизма, отсылка к «цветочной проповеди», во время которой Будда просто сидел на вершине холма и молча вертел в руках цветков. Сама-то я добрая христианка, и мне, конечно, очень хотелось бы вспомнить и процитировать ученикам что-нибудь вдохновляющее, что сказал бы о творчестве Иисус. На деле же, когда студенты просят у меня практических советов, я всегда беру лист бумаги и делаю вид, что пишу. Ученики обычно думают, что это очень мудрая и очень дзенская штука. Чаше всего я забываю уточнить, что ее придумала Натали Голдберг.

— А дальше что? — спрашивают студенты.

— А дальше пишите про морковку, — отвечаю я.

¹ Goldberg N. Writing Down the Bones: Freeing the Writer Within. Shambhala, 2005.

«Правильной» считалась мытая морковь машинной обработки. Все морковки должны быть абсолютно одинаковыми и ни в коем случае не длиннее сэндвича. Иногда родители отправляли вас в школу, всучив бумажный пакет корявых разнокалиберных морковок. Тогда ваш морковный рейтинг падал так низко, что вы боялись даже случайно посмотреть в сторону школьного изгоя. Если б вы, не дай бог, встретились взглядом, между вами протянулась бы невидимая нить, и в сознании одноклассников вы были бы связаны навеки.

А еще обертка: сперва вощеная бумага, потом пищевая пленка. Ведь что такое «правильный» завтрак? Символ самой большой, самой главной мечты: быть (или хотя бы казаться) нормальным и благополучным. Если дома нелады, в душе сумятица, а жизнь все время бьет под дых, то очень, очень важно, чтобы сэндвич не был завернут как попало. «Уставной» завтрак — знак того, что родителям не наплевать на тебя (даже если в глубине души ты прекрасно знаешь, что они давно пустились во все тяжкие и махнули на семью рукой). В общем, заворачивать сэндвич — это как заправлять койку в армии. Чтобы остальные видели: нигде ни одной морщинки. Ясно?

Ну ладно, вроде все. Теперь у меня есть материал, который можно отбирать, шлифовать, обрабатывать (или сразу выбросить, спасибо за подсказку). Вот вам моя версия школьных завтраков. У вас может оказаться совсем другая, и мне интересно было бы ее узнать. (Стоп, я не сказала, что нужно немедленно слать мне ее по почте. Но она наверняка многое поведала и объяснила бы о вас, вашей семье и атмосфере, в которой прошло ваше детство.) И хотя я привожу здесь свои «мусорные» рабочие наброски, в них все же есть кое-что ценное — образ мальчика-изгоя с инструментом в футляре. Когда я начинала писать, то понятия не имела, что он засел где-то у меня

ЧАСТЬ I. МЫ ПИШЕМ

в памяти. Для меня он самый важный итог всей этой затеи. Завтра, когда я возьмусь за новый роман, он очень мне пригодится. Отныне он мне безмерно нужен и дорог; с ним я буду работать дальше, его я буду узнавать все ближе и ближе. Посмотрим, что он сможет рассказать, куда приведет меня.

Проявляем снимок

Первый набросок очень похож на проявку фотопленки.

Вы не можете — да и не должны — знать, что именно попало в кадр, пока снимок не проявится до конца. Просто наводите объектив на то, что привлекло внимание, и щелкаете. В предыдущей главе, например, мое внимание привлекло содержимое пакета с завтраком. Но по мере проявки кадров я обнаружила очень четкую фигуру мальчика у дальней стены класса, на отшибе.

А может быть, на вашей снимке как раз должен был быть этот мальчик-изгой и вы только в самый последний момент заметили, что неподалеку от него оказалось чье-то семейство. Возможно, это его семья, а может, кого-то из одноклассников. Так или иначе, эти люди попали в кадр и будут на фотографии. И вот пленка извлечена из аппарата; вы проявляете ее, и теперь уже видно мужчину, женщину с младенцем на руках и двоих детей между ними.

На первый взгляд полная идиллия, но затем становится заметна какая-то драма — беда, что скалит зубы из-за плеча, словно бабуин в зоопарке. А потом на фотоснимке в левом нижнем углу вдруг вспыхивают ярко-красные цветы, на которые вы даже не обратили внимания; теперь же они переносят вас в другое место, в другое время, бередают и тревожат память. И вот наконец вы начинаете понимать внутренние связи, замечать тайные узы между этими персонажами. А ведь узы и делают нас людьми: создают нас,

ЧАСТЬ I. МЫ ПИШЕМ

поддерживают, утешают, показывают нам, что мы есть и что нам по-настоящему дорого.

Нельзя заранее знать, какой получится картинка в итоге. Обычно знаешь только одно: тебя что-то привлекло, зацепило в этих фигурах. И ты разглядываешь снимок до тех пор, пока не поймешь, что именно привлекло внимание.

Всмотримся же как следует.

Лет шесть или семь назад меня попросили написать о спортсменах-инвалидах. Я довольно часто ходила на наши местные чемпионаты для людей с ограниченными возможностями. Во-первых, там выступали несколько моих добрых знакомых, во-вторых, я вообще люблю спорт — неважно, с ограниченными возможностями или безграничными. Так что я пришла на соревнования с большим интересом, но совершенно не представляя, какая из этого выйдет статья.

На таких состязаниях все происходит очень медленно; это ведь не «Формула-1». Тем не менее в них есть свой азарт, и я изо всех сил аплодировала и делала заметки.

Последним «уличным» мероприятием перед обедом был забег на двадцать пять метров. В нем участвовали люди с тяжелой инвалидностью, причем многие явно не очень хорошо понимали, что нужно делать. Они тащились и переваливались в самых разных направлениях: один мужчина медленно, как улитка, подбирался к трибунам, другой — к пьедесталу почета; обоих деликатно вернули на дорожку. Это тянулось до бесконечности. Был уже почти полдень; мы страшно проголодались. Наконец все пересекли финишную черту; мы, зрители, встали и собрались уходить — и тут вдруг заметили, что на дорожке, всего в двух-трех метрах от старта, есть кто-то еще.

Это была девушка-подросток лет шестнадцати, с нормальным лицом, но крохотным, скрюченным тельцем. Она почти висела на металлических костылях и буквально ползла вперед, переставляя один костыль на пяток сантиметров, подвигая ногу, затем переставляя второй костыль на несколько сантиметров, подтягивая вторую ногу. Смотреть на это было мучительно. К тому же я умирала от голода. «Ну давай же, скорей!» — мысленно стонала я, отирая пот со лба. А она все делала свои крошечные шажки. Наконец — по моим ощущениям, часа через четыре — она добрела до финиша и пересекла черту. Видно было, что она абсолютно счастлива — застенчиво, по-девчачьи.

Когда я выбралась с трибун и пошла обедать, со мной поравнялся высокий афроамериканец. Передних зубов у него не было. Он потянул меня за рукав кофты; я обернулась, и тогда он сунул мне в руки моментальный снимок, сделанный в тот же день. На снимке были он сам и его друзья. «Смотри, мы», — сказал он. Речь у него была невнятная, глухая и медленная, как на поврежденной пленке.

У двух его друзей на фотографии был синдром Дауна. Вся их троица выглядела невероятно довольной. Я полюбовалась на снимок и вернула его владельцу. Тот остановился, и мне тоже пришлось остановиться. Мужчина ткнул пальцем в себя на фото. «Крутой чувак», — сказал он.

И вот из этой картинки родилась вся моя статья. В тот момент я еще не знала, чем все закончится, но уже почувствовала, как что-то начинает складываться и оформляться.

После обеда я пошла в крытый зал; оказалось, что там в разгаре мужской баскетбольный матч. Мой беззубый темнокожий знакомец был звездой. Это легко было понять: никто еще ни разу не попал в кольцо, но игроки его команды все время передавали мяч ему.

ЧАСТЬ I. МЫ ПИШЕМ

Вообще-то игроки другой команды тоже передавали мяч ему... Вместо того чтобы забивать, мужчины медленно передвигались по площадке туда-сюда, оглушительно колотя мячом об пол. Никогда в жизни я не слышала такого громкого матча. Во всем этом была какая-то своя дикая красота. Я представила, как буду описывать эту игру в статье, как потом расскажу про нее студентам: про шум, про веселье. У меня в голове все прокручивался момент, когда девушка на костылях добралась до финишной черты. И вдруг моя статья проявилась из серо-зеленой мути. Я поняла, про что она будет: про то, как из самой страшной беды с годами можно научиться извлекать радость. Про красоту бескорыстного усилия. Я видела свой текст почти так же ясно, как фотографию «крутого чувака» с двумя его друзьями.

Зрительские скамьи в зале были заполнены до отказа. Прошло еще несколько минут; счет так и не открыли. И тут высокий темнокожий игрок медленно провел мяч через всю площадку, от края до края, бросил его вверх — и мяч попал в корзину. Зрители ревели, а игроки обеих команд во все глаза смотрели на кольцо — как будто оно вдруг вспыхнуло пламенем.

Вам бы там понравилось, говорю я студентам. Вы могли бы потом писать целый день напролет.

Персонаж

Персонажи тоже проявляются у вас в сознании постепенно, как лица на пленке. Чтобы хорошенько их узнать, нужно время. Есть образ, который всегда помогает мне изучить людей, возникших в моем воображении. Его придумала одна моя подруга: как-то она сказала, что при рождении любой из нас получает свой собственный клочок душевного пространства. Этот личный «участок» есть у вас, у меня, у моего ненавистного дядюшки Фила, у какой-нибудь Триши Никсон с соседней улицы. И там, в его границах, каждый волен делать что угодно — при условии, что это не вредит никому другому. Можно вырастить там фруктовый сад, устроить цветник, разбить овощные грядки и засадить их в строго алфавитном порядке; можно не делать вообще ничего. Хочешь устроить склад автомобильного хлама или выставку-продажу запчастей? Пожалуйста. Однако вокруг участка всегда есть забор, а в нем калитка. И если кто-то повадится ходить на твою территорию и гадить или же станет требовать, чтобы все переделали на их лад, ты имеешь право попросить таких гостей на выход. И им придется уйти, потому что это твое личное пространство.

Точно так же у любого персонажа есть внутренняя территория, которую он обустроивает (или не обустроивает) на свой манер. Одна из главных задач автора — как можно скорее понять, что происходит в душевном пространстве героя. Как очерчена его «делянка», что

на ней растет? Возможно, вы и не станете излагать все это прямым текстом, но надо хорошо представлять себе внутреннюю жизнь тех, о ком вы пишете.

Еще нужно уяснить для себя, как они стоят, что носят в карманах, что происходит с их позой и выражением лица, когда они в задумчивости, когда им скучно или страшно. За кого они голосовали бы на прошлых выборах? Вообще что в них есть такого, что было бы интересно другим людям? Что они прежде всего перестали бы делать, если бы выяснилось, что жить им осталось полгода? Начали бы они тогда снова курить? По-прежнему пользовались бы зубной нитью?

Кого-то из своих персонажей вы крепко полюбите, ведь они — это вы или какая-то ваша частица, грань. Других вы будете ненавидеть, причем за то же самое. Несмотря ни на что, вам придется допустить, чтобы с любимыми персонажами случалось что-то нехорошее, иначе не будет сюжета. С положительными героями плохое происходит оттого, что у наших поступков бывают последствия и никто не может все время вести себя примерно. Если защищать персонажей от расплаты за небезупречное поведение, сюжет станет пошлым и бессмысленным — тут все как в жизни. Поэтому хорошенько изучите героев, поставьте их перед каким-нибудь сложным выбором, а дальше будь что будет.

Мой друг, состоявший в обществе анонимных алкоголиков, рассказывал историю про жену запойного пьяницы: каждую ночь он отрубался на газоне перед их крыльцом и отчаявшаяся женщина перед рассветом втаскивала его в дом, чтобы не увидели соседи. Но как-то раз после заседания общества к ней подошла темнокожая старушка родом из южных штатов и сказала: «Деточка, да оставляй ты его там, где пристроит Господь!» И вот я медленно, очень

медленно учусь делать именно это в творчестве — и еще медленней в повседневной жизни.

Как выразился один мой знакомый, «показания собраны, ты сам себе приговор». Это относится к любому вашему герою. Вы соберете все улики и свидетельские показания, а каждый персонаж будет сам себе вердиктом. Правда, даже вы поначалу можете не знать, что решат присяжные. Вы поймете внешнюю оболочку персонажа, но не внутреннюю суть. Ничего страшного. Со временем вам откроется гораздо больше. А пока подумайте: как выглядят ваши герои? Какое первое впечатление производят? Что они любят больше всего на свете, чего хотят? Что скрывают? Как они двигаются, чем пахнут? Каждый из нас — ходячее объявление о нас самих, о том, кто мы есть. Так кто они, ваши персонажи? Покажите нам. Все их слова и поступки будут рождаться из внутренней сущности; поэтому о каждом из них надо узнать как можно больше. Попробуйте заглянуть себе в душу, изучить разные грани собственного характера. Вполне вероятно, что там вы обнаружите и шарлатана-авантюриста, и сироту, и нянечку, и короля, и проститутку, и проповедника, и неудачника, и ребенка, и старую каргу. Залезайте в шкуру каждого из них и постарайтесь понять, что они чувствуют, что думают, как разговаривают, как живут.

Есть еще один способ познакомиться с собственными персонажами: пусть они будут списаны с реальных людей. Можно комбинировать черты разных прототипов — например, взять вашего дядюшку Эдгара и добавить нервный тик и странный запах, как у того парня, за которым вы десять минут наблюдали в очереди на почте. Мысленно прищурьтесь, рассмотрите все эти типажи и начинайте их выписывать. Правда, чистое описание на несколько

страниц утомит любого читателя. Попробуйте придумать, что и как они сами могут сказать о себе. Удачная реплика в диалоге раскрывает характер лучше, чем дюжина страниц описания.

Что ваши главные герои рассказали бы о происходящем близкому другу перед тем, как вместе выпить? А после? Попробуйте писать под их диктовку; пусть они сами расскажут, кем считают себя, каково им живется. Всякий раз, начиная разговор о персонажах, я раздаю моим студентам вот этот текст Андре Дюбюса¹.

Я люблю малую прозу потому, что рассказ — формат самой нашей жизни. Когда нашим друзьям радостно или больно, когда они охвачены любовью или гневом, когда тоскуют или возмущены несправедливостью, мы слышим истории обо всем этом. Просидите всю ночь с другом, который только что развелся, и он выдаст вам целый сборник рассказов о страсти, нежности, непонимании, горечи, деньгах; о тех днях и часах, когда они с женой были еще вместе, кричали друг на друга, или дулись каждый в своем углу, или занимались любовью. Пока разваливались от ношения, он еще и работал, проводил вечера с друзьями, сидел с детьми — но это другая история. Вот почему, выслушав от близкого человека печальный рассказ, мы при новой встрече спрашиваем: «Ну как ты?» Мы знаем, что теперь, вероятно, у него появились новые истории, — и надеемся, что они более радостные.

Представьте жизнь каждого персонажа в виде корзины: какое переплетение привычек и воззрений образует и скрепляет ее? Какие мелочи ваш герой занес бы в свой личный журнал: «Я съел вот это»? «Ненавижу вот то»? «Сделал вот так»? «Сегодня долго

¹ Андре Дюбюс (1936–1999) — американский писатель-эссеист. *Прим. пер.*

гулял с собакой»? «Поболтал с соседом»? Именно такие детали привязывают персонажа к земле и другим людям; именно из них у каждого складывается собственный смысл жизни.

Корзина — уместный образ еще и потому, что в ней всегда найдутся прорехи. Сознают ли ваши персонажи, что в их картине мира есть пробелы? Насколько полно они ощущают действительность? Кто-то однажды сказал мне: «Я пытаюсь научиться жить здесь и сейчас. Не в том “сейчас”, которое только что было, и не в том, которое вот-вот будет, а в том, которое есть». А в каком «сейчас» живут ваши герои?

Чему они учат детей — на собственном примере и на уровне внушения? К слову, я довольно долго разучивала с Сэмом пацифистские речовки. Ему тогда было два года; как раз началась война в Персидском заливе, и во мне проснулась политическая злость.

— Что нам нужно? — вопрошала я.

— Нужен мир! — прилежно отвечал сын.

— А когда нам нужен мир? — продолжала я.

— Немедленно! — говорил Сэм. Я улыбалась и давала ему конфетку.

Конечно, эти слова для него ничего не значили. С тем же успехом я могла бы приучить его выкликать «козявки!» вместо «нужен мир!» и «в августе» вместо «немедленно». Но все друзья приходили от нашего представления в восторг, и родственники тоже. И что же это говорит обо мне и моих чаяниях? Пожалуй, такой пассаж мог бы поведать больше, чем описание длиной в три страницы. Вон сколько штрихов к портрету героини: вся ее политическая подноготная, стремление к миру, отчаянный поиск единомышленников, готовность повеселить публику, склонность

разряжать бессильный гнев при помощи юмора — и манера использовать собственного ребенка в качестве марионетки вроде Чарли Маккарти¹. Последнее несколько пугает, но придает драматизма общей картине. Может быть, тридцать пять лет назад эта женщина сама служила «говорящей куклой» для родителей и выступала перед их друзьями. Возможно, ей стоило бы обсудить это с психоаналитиком. И как вы думаете, прекратила ли она свои упражнения, когда поняла, какую роль отводит в них ребенку? Нет, и это говорит о ней еще больше. Она так и развлекалась, даже когда война уже кончилась, пока однажды не бросила трехлетнему сыну клич: «Эй! Что нам нужно?» — и не услышала жалобный ответ:

— Покушать...

Однажды я попросила Итана Канина² поделиться главным секретом писательского мастерства. Он не колеблясь ответил: «Повествователь должен располагать к себе, это важнее всего. На этом держится весь сюжет». По-моему, он прав. Если вам нравится авторский взгляд на жизнь, не так уж важно, что происходит в тексте и происходит ли вообще. Я могла бы часами смотреть на Энтони Хопкинса или Джона Клиза даже в самом занудном кулинарном шоу. Симпатичный рассказчик — как друг, в чьем обществе вам всегда хорошо, чьи мысли всегда интересны, комментарии неизменно привлекают внимание, шутки смешат до слез, меткие фразы хочется запоминать и выдавать потом

¹ Чарли Маккарти — кукла; персонаж популярных американских радио- и телепередач, выходивших в 1930–1950-е годы (ведущий — актер-чревовещатель Эдгар Берген). *Прим. пер.*

² Итан Канин (род. 1960) — современный американский прозаик и ученый. *Прим. пер.*

за свои. Когда у вас есть такой друг, он вполне может сказать: «Слушай, мне надо заехать на помойку в Петалуме. Не хочешь со мной?» — и вы совершенно искренне решите, что ничего интересней и придумать нельзя. Если же неприятный, скучный человек предложит сводить вас в дорогой ресторан, а потом на хороший спектакль, вы наверняка предпочтете остаться дома и весь вечер разглядывать формочки для желе.

Пожалуй, больше всего нас располагают к людям их слабости. Мне нравятся те рассказчики, которых я выбрала бы себе в друзья — у кого много недостатков, присущих мне самой. Например, тяга к самокопанию, склонность откладывать дела до последнего, мрачность, завистливость, подхалимство, жадность, слабоволие и зависимость. Рассказчик не должен быть идеальным: идеальные герои поверхностны, нереалистичны и убийственно скучны. Пусть у них будет извращенное чувство юмора; пусть их интересуют важные темы (я имею в виду политику, психологию и духовный поиск). Пусть им хочется знать, кто мы и зачем живем. Еще мне импонирует, когда у них те же пунктики или нервные расстройства, что и у меня. Например, один мой друг как-то сказал: «При желании я мог бы возненавидеть даже океан». И я поняла, что мне страшно нравятся мужчины с таким складом характера. Но при этом пусть в рассказчике чувствуется надежда — если они кажутся безнадежными, я быстро теряю интерес. От безысходности я впадаю в депрессию и начинаю переедать. Можно лишиться надежды, но рассказывать об этом с юмором; тогда я не чувствую отторжения. Впрочем, способность посмеяться над ситуацией обычно свидетельствует о том, что надежда и жизнерадостность еще не утрачены. Мне кажется, в романе обязательно должна быть надежда, по крайней мере в американском романе. Вот французские

ЧАСТЬ I. МЫ ПИШЕМ

вполне могут обойтись без нее. Мы-то обычно выигрываем войны, а они проигрывают. Правда, во Франции евреев прятали больше, чем во многих других странах, и это тоже своего рода победа. Но, как говорит моя подруга Джейн, если бы на месте тех евреев оказались мы с нашим ужасным французским, нас сдали бы не моргнув глазом. В общем, нет никакого смысла писать романы, полные безысходности. Мы все и так знаем, что умрем; важно, как мы себя ведем в свете этого знания.

Даже человек, которому не дано ни чувства юмора, ни красноречия, может стать прекрасным другом или рассказчиком, если у него ясный и проницательный взгляд на мир. Так бывает с теми, кто многое пережил или переживает прямо сейчас. Это неизменно интересный предмет: мы все рано или поздно оказываемся в ситуации, когда надо двигаться потихоньку — одна рука на этом камешке, одна нога вон на том уступе — и нет времени на музыку, шампанское и искрометные остроты. В тяжелом положении от людей не требуется шарм. Достаточно делать то, что нам всем придется осилить когда-то в жизни, причем с достоинством. Тягостный опыт, перенесенный с честью, сам по себе заслуживает внимания.

Да и вообще интерес — дело чисто субъективное. Друзья и знакомые часто приносят мне книги и статьи, которые произвели на них очень сильное впечатление. Начинаешь читать — а затем вздрагиваешь и просыпаешься, как будто задремала во время сеанса в кино и во сне выпала из самолета. Вот этот отрывок из рассказа Эбигейл Томас¹ для меня самое здоровое, что можно сказать об интересе.

¹ Эбигейл Томас (род. 1943) — современная американская писательница. Приводится цитата из рассказа «Современная любовь» (Modern Love). *Прим. пер.*

Для моей мамы в мужчинах самое главное, чтобы они были интересны. В переводе это означает, что они должны ценить мою мать и понимать ее шутки, которые обычно построены на тончайших каламбурах или игре понятий из сферы высшей математики. Думаю, картина ясна. Робби не более интересен, чем пара красных потрепанных кроссовок. Но когда он подводит меня к матрасу на полу, лукаво усмехается, расстегивает на себе ремень и шепчет: «Ложись!» — мне достаточно интересно.

И еще: нам хочется, чтобы рассказчику — важнейшему из персонажей — можно было доверять. Хочется думать, что персонаж не играет в какие-то свои игры и не манипулирует нами, а добросовестно рассказывает всю правду. (Если только главные его качества — не лживость и склонность использовать людей в своих целях.) Мы не желаем, чтобы нами помыкали. Конечно, если мы беремся за чтение художественной литературы, то хотим, чтобы на нас воздействовали, но искусно и приятно. Когда ложишься на массажный стол, ждешь, что тебя будут массировать, а не отлупят выбивалкой для ковра.

И здесь мы подходим к вопросу о том, как мы говорим правду. Ведь писатель стремится раскрыть истину и при этом лжет на каждом шагу — такой вот парадокс. Если вы рассказываете о выдуманном — вы лжете. Но свою неправду вы творите во имя истины, а затем стараетесь предельно ясно воплотить ее в слове. Вы лепите персонажей из разного материала — частично он взят из житейского опыта, частично добыт из глубин подсознания, — и надо стремиться рассказать о них всю правду, даже если они и не существуют на самом деле. Полагаю, здесь применимо главное этическое правило: я не хочу, чтобы мне лгали; я хочу, чтобы мне говорили правду, поэтому и сам постараюсь быть правдивым перед читателем.

ЧАСТЬ I. МЫ ПИШЕМ

Напоследок еще раз повторю: скорее всего, вы по-настоящему узнаете своих героев лишь спустя недели или месяцы после начала работы. Фредерик Бюхнер¹ писал:

Не гоните персонажей к вашей художественной цели, как колонну солдат на марше. Разрешайте им быть самими собой. И если второстепенные персонажи норовят стать главными (что вообще-то бывает нередко), дайте им хоть небольшой шанс. В мире творчества иногда нужно исписать много страниц, чтобы понять, кто ваш настоящий герой. Точно так же в жизни иногда лишь годы спустя осознаешь: случайный попутчик, с которым когда-то полчаса поговорил на вокзале, открыл тебе больше в твоём собственном «я», чем духовник, лучший друг и даже психоаналитик.

Не притворяйтесь, что вы больше знаете о персонажах, чем они сами. Это не так. Откройтесь им. Начинается чаепитие, куклы уже сидят вокруг стола. Прислушайтесь к ним. Вот и весь секрет.

¹ Фредерик Бюхнер (род. 1926) — американский писатель и теолог. *Прим. пер.*

Сюжет

Сюжет — основная история вашей книги или рассказа. Если вам нужно блистательное обсуждение технических тонкостей, почитайте Эдварда Форстера и Джона Гарднера¹. Они разбирают устройство сюжета так точно и вдумчиво, что вы взвоете от зависти. Я добавляю несколько мыслей, которыми делюсь со студентами, когда им становится совсем тяжело и непонятно, что делать.

Сюжет вырастает из персонажа. Если сосредоточиться на тех, о ком вы пишете, на их внутреннем мире, который вы будете все лучше узнавать день ото дня, что-нибудь обязательно произойдет.

Персонажи не должны стать пешками в истории, которую вы задумали. Сюжет нельзя навязывать им как приговор. Мой девиз: не беспокойтесь о сюжете, беспокойтесь о героях. Пусть их слова и поступки раскроют их внутреннюю суть, участвуйте в их жизни и все время спрашивайте себя: а что теперь? Развитие отношений и создает сюжет. В эссе «Тайны и обычаи» Фланнери О'Коннор вспоминает, как дала несколько своих ранних рассказов старушке-соседке, а та прочла и сказала: «Вот-вот, эти люди вечно такое *вытворяют!*»

Это и есть сюжет — поступки, которые люди совершают вопреки всему, что подсказывает: не делай так, лучше тихо

¹ Эдвард Форстер (1879–1970) — английский прозаик и драматург-либреттист; Джон Гарднер (1933–1982) — американский прозаик и литературовед. *Прим. пер.*

отсидись на диване, глубоко дыши, позвони психологу или открой холодильник и ешь, пока зуд не уймется.

Так что думайте о персонажах. Например, все события в романах Фолкнера¹ обусловлены природой его героев. И хотя среди них попадаются малопривлекательные личности, они все равно завораживают, потому что в них веришь, чувствуешь, что их поступки естественны для их характера. Фолкнера читаешь ради красоты его чудовищных порождений, и ради красоты самого текста, и ради того, чтобы увидеть жизнь с его точки зрения. Он выражает свое мировосприятие через персонажей. И это главное: дать другим людям возможность посмотреть на мир твоими глазами. Жизнь ведь не подводная лодка, чтобы изобразить ее устройство со всех ракурсов и во всех разрезах. Тут чертежей не бывает.

Уясните для себя, что ваши герои любят сильнее всего. Тогда вы будете знать, что стоит на кону в каждом конкретном случае. Затем постарайтесь выразить это в их действиях, и пусть герои ищут, или хранят в душе, или активно защищают то, что им всего дороже. Так вы сможете провести их по пути от добра к злу и обратно, или от зла к добру, или от полной растерянности к обретению цели. Какая-то ставка нужна всегда, иначе не будет напряжения и читатель не станет переворачивать страницы. Представьте себе хоккеистов: когда они выходят на лед, там должна быть шайба. Иначе они будут выглядеть довольно-таки нелепо.

У меня обычно получается так: с утра я сажусь за стол и перечитываю написанное накануне. Затем ухожу в себя, глядя куда-нибудь в пространство или на чистый лист. Я представляю

¹ Уильям Фолкнер (1897–1962) — один из крупнейших американских прозаиков XX века, лауреат Нобелевской премии по литературе. *Прим. пер.*

моих героев и фантазирую. У меня в голове как будто начинает прокручиваться ряд картинок, за которыми стоят эмоции; я смотрю этот «фильм» почти в трансе, пока слова не складываются вместе и не образуют предложения. Затем переключаюсь на ручную работу и записываю это, ведь я сама себе машинистка. И вообще я тот, кто держит фонарь, пока кладоискатель копает. Что он думает нарыть? Неважно; *что-нибудь*. Детали, подсказки, образы, находки, штрихи, свежие идеи, интуитивное понимание характера. Уверяю вас: тот, кто светит фонарем, далеко не всегда в курсе, что ищет напарник, — но узнает золото, если увидит его.

История постепенно выстраивается, если внимательно слушать своих персонажей и наблюдать, как они живут, говорят, сталкиваются друг с другом. Вы увидите, как одни начнут влиять на судьбу других, оцените, на что они способны и чем это может закончиться. Нащупать сюжет — дело долгое; оно часто движется рывками или буксует, но волноваться не нужно. Старайтесь продвигаться вперед; «пригладить» и выправить текст можно и позже. Джон Гарднер писал, что автор творит сновидение, в которое приглашает читателя, и что оно должно быть ярким и последовательным. Я заставляю студентов занести себе в конспекты: «сновидение должно быть ярким и последовательным», потому что это жизненно важно. Писатель не преподаватель; он не может сесть рядом с читателями и объяснить нюансы, которые опустил в рассказе, или добавить детали, которые сделали бы происходящее более интересным и правдоподобным. Материал должен работать сам по себе; сон должен быть ярким и последовательным. Вспомните собственные сновидения — в них один эпизод плавно перетекает в другой, и вы

при этом не закатываете глаза и не говорите: «Минуточку! Я же никогда не кололся в компании Розалин Картер¹, и у меня вообще нет никаких лошадей, тем более карликовых аравийских размером с кошку!» Обычно вы смотрите сцену за сценой, потому что сон захватывает вас и не отпускает ни на миг. Вы просто не можете не узнать, что дальше. Именно так себя должен чувствовать читатель.

Неплохо найти кого-то, чтобы опробовать на нем ваш материал: друга, родственника, коллегу. Стороннему глазу легче увидеть, не просвечивают ли швы, не ушли ли вы слишком далеко в сторону, — а то и констатировать, что пока все получается и ваши первые сто страниц совсем не так плохи. Обязательно показывайте работу новым людям. Тяжело всегда быть собственным палачом. К тому же вы сами можете не разглядеть нестыковок, потому что в поисках персонажей и их истории обычно двигаешься на ощупь, а не на глаз. Так что найдите тех, кто взглянет на вашу работу трезво и отстраненно. У меня был знакомый по имени Эл — он время от времени относил чужих кошек на усыпление в клинику, потому что хозяева не могли заставить себя это сделать. Те кошки по разным причинам — из-за болезни или хронического недержания — утратили жизнеспособность и место в мире. Эл было плевать на самих животных; он воображал себя владельцем кошкоусыпительной компании с девизом «Сделаем мир немного чище!». Пусть кто-нибудь сделает это и с вашими рукописями: поможет избавиться от нежизнеспособных сюжетных ходов, которые все равно не сработают, как бы вы ни старались.

¹ Розалин Картер (род. 1927) — супруга бывшего президента США Джимми Картера, 41-я первая леди США. *Прим. ред.*

Если я задам тридцати ученикам написать про мужа и жену, которые собираются разводиться, и вдруг случается что-то совершенно неожиданное, обязательно получится тридцать абсолютно разных версий — ведь за каждой стоит личность с уникальной историей и специфическим мировосприятием. Кто-то напишет про миг откровения, когда жена среди ночи смотрит в окно, видит в лунном свете летящую стаю диких гусей и решает дать мужу еще один шанс. Другой — о том, как муж на утренней пробежке начинает задумываться о примирении, спешит домой, чтобы поговорить с женой, но по дороге его сбивает неопытный водитель. А еще кто-то выберет местом действия Голливуд, потому что недавно читал Натанаэла Уэста¹, и рассказ получится прекрасным в своей абсурдности. Каждый автор по-своему понимает, что такое жизнь и любовь. Одни рассказы будут циничными, другие — горькими, третьи — полными надежды. Какие-то выйдут вязкими и ходульными, какие-то будут искриться от напряжения.

Межличностное напряжение — верный способ сохранить читательское внимание. Рецепт тут такой же, как у хорошей шутки: завязка, развитие, кульминация. В завязке мы расписываем участников игры и ее правила. Дальше игроки начинают делать ходы и продвигаться вперед; развитие — самая фактурная, «сочная» часть текста. В конце же мы должны ответить на вопрос: к чему все это было? Ради чего затевалась игра? Напряжение должно расти и дойти до высшей точки, иначе стулья, на которых сидит публика, станут очень жесткими и неудобными. И сама публика не подойдет. В конце концов она разочаруется и потеряет терпение. Движение необходимо.

¹ Натанаэл Уэст (1903–1940) — американский прозаик. *Прим. пер.*

Пусть персонажи совершают какой-то путь, хотя бы медленно. Представьте, что они плывут в лодке по пруду с кувшинками. Если каждый цветок тщательно, любовно выписан, читатель проследует за вами до другого берега и ему будет достаточно даже пунктирной связи: ритма, тональности, настроения.

Возможно, вам понадобятся особые приемы, с помощью которых вы станете продвигать действие и напоминать нам, кто есть кто среди персонажей. Пусть, например, у героя будет неизменная сигара, а у героини — поросячьи глазки, заплывшие от пьянства. Но если что-то в тексте притянута за уши, это всегда видно. Если вы сознательно латаете прорехи в сюжете чем попало — например, берете героиню, чей характер так для себя и не уяснили, и приписываете ей чувства, которых не испытывали сами, — вам это вряд ли сойдет с рук. Читатель перестанет вам доверять, а то и вовсе обидится и разозлится. А это худшее, что может произойти в ваших с ним отношениях. Исходите из того, что читатели очень внимательны и умны (пусть в последние годы верить в это стало труднее). Так что, если их попытаются обмануть, они легко разоблачат мошенника.

Если вы поймали себя на подобных натяжках, возьмите паузу и еще раз хорошенько посмотрите на персонажей. Вам надо побыть в шкуре всех этих людей. А поскольку вы с ними незнакомы, надо заглянуть в себя любимого, со всеми своими проблемами и пунктиками, — и понять, что этим людям свойственно, а что нет и что они сделали бы в определенной ситуации.

Как-то я читала интервью Кэролин Шуте¹ (автора «Египетских бобов») и нашла там прекрасное описание того, как происходит

¹ Кэролин Шуте (род. 1947, урожденная Кэролин Пенни) — американская писательница и политическая активистка. По ее роману «Египетские бобы» в 1994 году был снят кинофильм (режиссер Дженифер Уоррен). *Прим. ред.*

переделка собственных текстов. «Когда пишешь, у тебя как будто есть двадцать ящиков елочных игрушек, но нет самой елки. И вот сидишь и думаешь: куда же это все пристроить? А потом тебе вроде как говорят: ну ладно, так и быть, иди за своей елкой. Только мы тебе завяжем глаза и ты должна спилить ее чайной ложкой». Именно так я несколько раз добывала сюжеты для книг. У меня накапливалось множество прекрасных сверкающих шариков — и не на что было их повесить. Но я сживалась с персонажами, проникалась ими, узнавала все лучше и лучше, садилась за работу каждое утро и перебирала их в уме. И вдруг, как по волшебству, ко мне приходила их история. Порой кажется: герои сами прекрасно знают, кто они такие, что с ними происходит, где они были, куда отправятся и на что способны. Но им нужна я, чтобы записать все это. Может, у них просто очень плохой почерк?

Некоторые писатели утверждают, что знают кульминацию чуть ли не в начале пути, задолго до того, как дойдут до нее в тексте. Кульминация — главное событие, обычно ближе к концу, которое сливает все ваши ноты в один мощный аккорд, после чего как минимум в одном из героев происходят резкие перемены. Какой смысл в истории, где никто не меняется? В кульминационный момент должно произойти убийство, или исцеление, или порабощение. Убийство может быть как физическим, так и метафорическим: гибель духа или, напротив, уничтожение чего-то темного и страшного в душе, конец мертвящей пустоты, после которого начнется возрождение личности. Под исцелением может пониматься примирение, возвращение, спасение чего-то хрупкого и драгоценного. В любом случае мы должны чувствовать, что случившееся было неизбежно; даже если оно поражает нас, пусть оно будет естественным, вытекает из всех предыдущих событий, пусть станет их закономерным следствием.

Эффект неизбежности хорошо выходит тогда, когда сюжет открывается не сразу, а с течением времени. Поначалу может казаться, что с кульминацией все понятно. И конечно, план действий полезен всегда. Но я бы советовала не слишком зацикливаться на изначальном замысле. Лучше сосредоточьтесь на том, что ваши герои чувствуют друг к другу, что говорят, чем от них пахнет, кого они боятся. Пусть они танцуют под собственную внутреннюю музыку, и пусть она сама приведет их, куда хочет. Подсматривайте за этим процессом, как ребенок, расковырявший шоколадное яйцо с сюрпризом. Возможно, ваши персонажи сами для себя придумают нечто более яркое и осмысленное, чем то, что вы пытались им навязать.

Словом, ставьте цель, но не связывайте себя ею. Когда кульминация наконец соберется и оформится у вас перед глазами, можете наваливаться на работу.

И последнее: как-то я слушала лекцию Алисы Адамс о малой прозе. Один ее рецепт так взбудоражил публику, что теперь я все время делюсь им с учениками (и даже обычно не забываю упомянуть первоисточник). Адамс сказала, что в рассказах часто использует формулу ПФРКИ: Происшествие, Фон, Развитие, Кульминация, Итог. Начать надо с какого-то случая или происшествия, достаточно интересного, чтобы читателю захотелось узнать, что дальше. Фон — когда мы узнаем, кто эти люди, с которыми все случилось: откуда они взялись, как оказались вместе, что было до начала истории. Затем нужно добавить деталей, сделать образы объемными, показать, чем персонажи дорожат больше всего. Сюжет — внутренняя драма, поступки, напряжение — вырастет именно из этого. Ведите персонажей дальше и дальше, пока все линии не сойдутся в точке кульминации, после которой для главных героев многое всерьез

изменится. А в конце нужно показать, какими они стали, с чем остались, что произошло и что это для них значит.

Формула — прекрасное подспорье на начальном этапе. Зайдя в воду, всегда чувствуешь себя замечательно: пусть даже сперва булькаешь и барахтаешься, но по крайней мере ты уже окунулся. Дальше пытаешься плыть любым стилем, какой помнишь, и пугаешься: осознаешь, как трудно перемещаться и как далеко твоя цель. Но все же ты окунулся, и держишься на плаву, и продвигаешься вперед.

Диалог

Хороший диалог — одно из главных удовольствий от чтения, когда нам предлагают сменить темп и отдохнуть от изложения и объяснения — словом, от всей этой писанины. Внезапно начинается разговор, и мы можем следить за ним без зазрения совести: персонажи понятия не имеют, что их подслушивают. Мы оказываемся в курсе их переживаний, не вникая лишний раз в их раздумья. Не люблю, когда герои в книге постоянно размышляют; хватит и того, что я сама все время вынуждена думать. Чужие навязчивые мысли, чужая паранойя — это уже перебор.

Но ничто не портит текст сильнее, чем неудачный диалог. Мои ученики ужасно расстраиваются, когда мы на занятиях читаем вслух вроде бы неплохой рассказ и вдруг натываемся на ходульный и неестественный обмен репликами, как будто написанный сестрами Габор¹ на заре юности. В тексте сразу появляется эмоциональная фальшь и режет ухо; он не звучит. На лицах у студентов проступает изумление: как же так, ведь на бумаге реплики смотрелись нормально, а теперь кажется, будто это подстрочный перевод с хинди. Беда в том, что автор просто придумывал разговор слово за словом; если произнести фразы

¹ Марда (1915–1997), Жа-Жа (род. 1917) и Эва (1919–1995) Габор — знаменитые американские актрисы венгерского происхождения. *Прим. пер.*

вслух, в них не бьется живой ритм, уникальный для каждого человека.

В документальной прозе случается, что персонаж на самом деле выразился так, как записано. В художественной вся ответственность ложится на плечи автора. Речь здесь — дело слуха, так же как подбор физических деталей — дело глаза. Ваша задача — не воссоздать фактически произнесенные фразы, а отобразить на бумаге звук и ритм того, что говорит герой. Вам нужно облечь в слова собственное представление о его манере речи.

Чтобы слышать и записывать все, что говорят люди вокруг — и что могут сказать персонажи, — нужны опыт и мастерство. Причем речь персонажей должна быть более яркой и емкой, даже более правдоподобной, чем то, что произносится в реальности. Литературный диалог ближе к кино, чем к повседневной жизни: он должен быть насыщенным и драматичным. Раньше, до появления кинематографа (и, скажем, до Хемингуэя), диалог в романах был куда более витиеватым и сложным. Персонажи изъяснялись так, как вряд ли станет говорить нормальный живой человек. С появлением Хемингуэя речь в литературе начала упрощаться. Удачным стал считаться «острый» и лаконичный обмен репликами. В наши дни умело выстроенный диалог может обеспечить тексту захватывающую динамику.

Есть несколько приемов, которые помогают в создании диалога. Во-первых, всегда озвучивайте реплики: читайте их вслух или хотя бы проговаривайте про себя. Это требует практики, причем упорной и регулярной. Потом, когда вы окажетесь «в большом мире» — не за рабочим столом — и услышите разговор живых людей, вас потянет править реплики, играть с ними; вы невольно станете представлять это все на книжной странице. Слушая, как говорят

ЧАСТЬ I. МЫ ПИШЕМ

в повседневной жизни, вы постепенно научитесь брать чью-нибудь пятиминутную речь и превращать ее в одну-единственную фразу, ничего при этом не потеряв. Если вы писатель или хотите им стать, нужно все время слушать, присматриваться, подмечать, запоминать, то есть извлекать как можно больше пользы из положения стороннего наблюдателя. Нужно приносить домой все, что удалось подцепить за день, и добывать золото из этой руды (ну по крайней мере пытаться).

Во-вторых, помните: персонаж опознается по тому, что и как он говорит. У каждого должна быть своя манера речи. Они не могут все говорить как вы; любой персонаж — отдельная личность. Если вы сумеете создать речевой портрет героя, то будете знать о нем все: как он одевается, как водит машину, о чем думает, где вырос и воспитывался, что чувствует. Нужно развить в себе способность слышать, что говорят персонажи, а не то, что за них говорите вы. По крайней мере дайте им шанс высказаться: это покажет вам, кто они и что с ними происходит на самом деле. Ух ты! А ведь эти двое не поженятся! Она-то, оказывается, лесбиянка — а вы и не догадывались!

В-третьих, попробуйте проделать такое упражнение: сведите двух персонажей, которые не переносят друг друга, не хотели бы даже оказаться в одном городе и отдали бы все на свете, лишь бы избежать встречи. Признаться, мне попадались такие личности, что хотелось попроситься в программу защиты свидетелей, — так пугала мысль о дальнейшем общении. А с вами бывало подобное? Пусть персонаж, которого терпеть не может ваш главный герой, и он сам окажутся вместе в лифте. А затем лифт застрянет. Ничто так не оживляет действие, как предельно напряженная атмосфера. Конечно же, им обоим есть что сказать, но они боятся выйти

из себя, бояться того, как они это скажут. Возможно, произойдет взрыв эмоций — а может, и нет. Есть лишь один способ узнать наверняка. В любом случае, когда читаешь удачный диалог, возникает ощущение, что ты подслушиваешь, что никакой автор не стоит между тобой и говорящими. Хорошо написанный диалог включает и то, что сказано, и то, что не произнесено вслух. Невысказанное будет караулить за дверями лифта или метаться по полу кабины, как стая крыс. Так что пусть ваши персонажи оставят кое-какие мысли при себе, а какие-то выкрикнут вслух. Пусть несколько бомб все же рванет.

Если повезет, ваши герои устанут ждать, пока вы пытаетесь угнаться за их репликами, и возьмут вожжи в свои руки. Тогда станет ясно: вы на правильном пути.

Диалог — ключ к образам персонажей, так что необходимо придать каждому из них неповторимый голос. Нет смысла часами биться над тем, чтобы вложить им в уста верные слова. Вряд ли они уже существуют у вас в голове; их нет и в головах героев. Они обитают в ином пространстве. То, что возникает в нашем воображении, на самом деле фрагменты фраз и мыслей, которые мы слышали и запомнили. Потом мы роемся во всем этом, будто в мешке со скарбом, извлекаем что-то — и тут включается подсознание. Например, герой идет по улице в холодную погоду, а вам всегда хотелось носить кожаную куртку. И вот вы надеваете на него кожаную куртку. Затем вы идете по улице вместе с ним. Опишите все, что видите вокруг, и хорошенько прислушайтесь.

Допустим, навстречу герою попадает девушка. Итак, парень в кожаной куртке видит на улице симпатичную девушку с заячьей губой и сумкой Gucci в руке. Он не может просто подойти и сказать:

ЧАСТЬ I. МЫ ПИШЕМ

«Привет, давай поженемся». Произойдет много событий; эти двое должны хоть чуть-чуть узнать друг друга. Они будут общаться, рассказывать друг о друге семье, друзьям. Запишите все эти разговоры. Когда вы проведете в компании персонажей много времени, у них прорежутся собственные голоса — потому что вы узнаете их получше. Возможно, тогда вы осознаете, что от кожаной куртки лучше избавиться: она слишком пижонская. А первые написанные вами диалоги надо полностью переделать. Но не бросайте все и не кидайтесь исправлять их прямо сейчас. Двигайтесь дальше, пусть персонажи еще пообщаются, пусть их отношения как следует созреют. Отредактировать вы сможете и позже.

Чем ближе вы будете знакомы со своими героями, тем чаще начнете смотреть на мир их глазами. Нужно поверить в свою способность прислушиваться и приглядываться к людям, подмечать, как они одеваются и двигаются, схватывать присущий им строй речи. Ни в коем случае не списывайте своих персонажей с тех, кто уже населяет пространство мировой литературы. Вы должны изучать людей по людям, а не по книгам. То, что вы читаете, должно только *подтверждать* ваше знание жизни.

До конца поняв суть своих персонажей, вы станете сильнее им сострадать. Нельзя ограничиваться состраданием одному главному герою. Нужно сочувствовать всем, даже злодею — особенно злодею. Жизнь не бульварное чтиво. У злодеев есть сердце, у героев бывает куча недостатков. Обращайте внимание на все, что персонаж поведает вам о себе. Только так вы познаете его душу.

Только в комиксах и жанровых фильмах мы испытываем радость от гибели мерзких, отвратительных злодеев, потому что там зло нарочно обезличено. Антигерои совершают акты жестокости

и насилия, угрожают всем направо и налево, а в конце мы получаем возможность ритуально их уничтожить. Нам дают шанс испытать облегчение от того, что правосудие свершилось.

Нельзя перенести на бумагу умозрительное представление о герое или злодее и ждать читательского интереса. Придется поискать эти образы в кладовых собственного «я». Давайте ненадолго обратимся к другому виду искусства и вспомним Энтони Хопкинса в «Молчании ягнят»¹. Если бы он не прочувствовал характер Ганнибала Лектера до самой глубины души, его повадки вряд ли выглядели бы так естественно и внушали бы такой ужас. Когда мы впервые видим его на экране, он просто стоит с каменным лицом и держит руки по швам — и от его вида кровь стынет в жилах. Помню, мне казалось, что от страха у меня все тело вот-вот пойдет красными пятнами. Шея будто стала отдельным живым существом, которое мечтало сбежать из зала и подождать меня в фойе кинотеатра. Чтобы добиться такого эффекта, Хопкинсу надо было пропустить Ганнибала Лектера через себя и понять на эмоциональном уровне.

Так и писатель должен стараться понять каждого своего героя. Иногда вас будут охватывать пессимизм и чувство собственной никчемности; единственный способ их побороть — работать понемногу каждый день. Поверьте, вам это под силу: найти в себе все нужные образы и научиться слышать, что подсказывают сами персонажи.

Представьте, например, что ваш главный герой очень раним и тяжело переносит резкие слова в свой адрес (ну совсем ничего

¹ «Молчание ягнят» (The Silence of the Lambs) — знаменитый триллер Джонатана Деямы по мотивам одноименного романа Томаса Харриса, вышедший на экраны в 1991 году. *Прим. ред.*

общего с вами, ха-ха!). Допустим, что, когда он подавлен или нервничает, его — как и вас — тянет во всякие забегаловки поесть жирного жареного мяса. Поэтому он, возможно, полноват (нет-нет, я не хочу сказать, что у вас лишний вес). Ну так вот: сделаем его офисным сидельцем, ведущим тепличный образ жизни. Как показать это в его речи? Продумаем все детали костюма — тщательно, может быть, даже с издевкой. Например, узел на галстук безупречен, его явно завязывала жена. Одежда, обручальное кольцо, туфли — все должно о чем-то рассказывать, передавать информацию. Но еще важнее, чтобы герой разговаривал сам: общался с секретаршей, коллегами, клиентами; ему будут подавать ответные реплики, и читателям нужно слышать всех участников беседы.

Что, если начальник скажет нечто вроде бы безобидное, но нашего героя это резанет как ножом? И он вдруготреагирует самым непредсказуемым образом, совсем иначе, чем *вы* задумывали, но его поведение будет убедительным и правдоподобным? Возможно, он в ответ бросит начальнику что-то оскорбительное и окажется на грани увольнения, а затем, вместо того чтобы идти и заедать стресс, проведет весь перерыв в книжном магазине «для взрослых». Что ж, вероятно, вы с самого начала заблуждались насчет него. Может быть, он вовсе не юрист из Лиги плюща¹, а малоуспешный продавец ковролина. И все это выяснилось из небольшого диалога. Конечно, это создаст определенные неудобства, зато вы точно знаете, с кем и с чем предстоит работать.

Теперь хотелось бы услышать, как он будет описывать свой рабочий день жене: что упомянет, о чем умолчит. Покопайтесь

¹ Лига плюща — ассоциация восьми американских частных университетов. Считается, что ее члены высокообразованны. *Прим. ред.*

в себе, поищите: что должен чувствовать обидчивый, слабонервный человек, которому устроили выволочку? Набросайте черновики диалога, мысленно проговорите реплики; отберите то, что попадает в нужную тональность, и отбросьте остальное. К сожалению, более мягкого и щадящего способа нет. Любой удачный текст рождается методом проб и ошибок. И помните: ваши ужасные первые наброски никто не прочтет.

Небольшое отступление: мы создаем персонажей и постепенно выясняем, кто они и что им нужно. Но все это происходит в области, к которой у нас нет прямого доступа, — в подсознании. Именно там идет процесс творения. Мы начинаем с неясных абрисов, заготовок, а подсознание превращает их в настоящих, жизнеподобных, почти осязаемых людей. Мой друг Карпентер сравнивает наше бессознательное с чуланом, в котором сидит ребенок и создает персонажей, а потом передает их наружу через дверь. С тем же успехом он мог бы вырезать бумажных кукол. Ему ничего не нужно; он просто играет.

Невозможно выходить на связь с этим ребенком как по заказу, нельзя купить ключ от этого чулана. Нужно расслабиться, ни о чем не думать, отключить внутреннего критика, почти впасть в транс — а затем начать работать, *практиковаться*. Нельзя до бесконечности сидеть за столом и медитировать. Вы должны водить ручкой по бумаге или шевелить пальцами на клавиатуре. Пусть сначала из-под ваших рук выйдет плохой текст — не бросайте работу. Помните, что в какой-то степени вы всего лишь секретарь-машинистка. Хорошая машинистка умеет слушать, когда ей диктуют.

Иногда вместо играющего ребенка в чулане я представляю какого-нибудь долговязого добродушного чудака из сказок доктора

ЧАСТЬ I. МЫ ПИШЕМ

Сьюза¹. Он хмурится от усердия, но это всего лишь игра. Он крутит головой, прислушиваясь к диалогам персонажей, но не как репортер в суде, а скорее как посетитель в кафе, которому интересно, о чем говорят за соседним столиком, но при этом не хочется смущать людей откровенным любопытством. Попробуйте придумать какой-нибудь свой образ для того, что находится вне рациональной сферы сознания, для потаенной части вашего «я», с которой вам предстоит работать. Тогда вам уже не будет так одиноко.

И последнее: не увлекайтесь акцентами и диалектами. Диалог, перегруженный экзотикой, очень трудно читать. Прекрасно, если вы мастерски с этим работаете. Если коллеги-писатели восторгаются колоритной речью ваших персонажей — так держать. Но вы должны абсолютно точно знать, что владеете этим искусством. Не заставляйте читателя продираться сквозь малопонятный текст, как часто бывает в романах и рассказах, где используются диалектные формы. Нам в жизни хватает своих проблем; не усложняйте ее еще больше. (Правда, вчера на рынке во время ливня какая-то женщина у меня за спиной громко сказала: «Некароши пагод!» — хлестко ударила себя по лбу и махнула рукой в сторону залитой улицы. Весь остаток дня меня так и подмывало написать о ней роман. С китайским акцентом.)

¹ Доктор Сьюз (полное имя — Теодор Сьюз Гейзель; 1904–1991) — американский детский писатель и мультипликатор. *Прим. пер.*

Антураж

Иногда полезно разрешить персонажам потолкаться за кулисами без вас. Пусть учат роли или импровизируют, а вы пока подготовите сцену для их выхода. Представьте, что вы художник-декоратор в театре или на киностудии, работаете над постановкой или экранизацией вашей истории. Это помогает понять, как должна выглядеть комната (или каюта, или поляна, или контора), где происходит действие. Нужно знать обстановку, температуру, цветовую гамму, атмосферу. Каждый человек сам себе рекламный постер и обложка, а место, где он обитает, — витрина его интересов и ценностей. В любой комнате живут воспоминания. Дом очень многое рассказывает о нашем прошлом и настоящем, внутренней сути, святынях, странностях, надеждах, потерях, попытках доказать, что мы существуем и более или менее успешны. Попадая в чьи-то комнаты, узнаешь, сколько света нужно их владельцу — лампочек, свеч, окон. А по тому, как человек освещает свое жилье, можно вычислить его представления об уюте и покое. Хаос в доме и трещинки на стенах говорят о внутреннем разладе и унынии; фотографии и сувениры — предмет гордости, выставка успехов и достижений.

Как выразилась фотограф Кэтрин Вагнер, все эти комнаты — будущие руины.

Итак, садитесь за работу и представьте себе, как выглядят декорации, в которых вот-вот появятся персонажи. Возможно, ваши

герои богаты, а вы нет (я вовсе не хочу сказать, что вы им завидуете). Тогда придется позвонить родственнику или знакомому, у которого есть или когда-нибудь было большое состояние, и предельно тактично попросить консультации. Пусть помогут вам обставить, например, родовое гнездо старинной дворянской семьи. «Предельно тактично» означает: вы получите гораздо больше ценной информации, если сдержитесь и умолчите о бедственном состоянии вашего жилья и о том, что собаку вот-вот придется усыпить, потому что вы не в силах прокормить ее. Просто скажите: «Я работаю над главой, где впервые появляется очень родовитое и богатое семейство, и мне нужны идеи насчет того, какие ковры, люстры и антиквариат могут быть у них в доме. Например, гостиная. Можешь подробно описать какую-нибудь очень красивую гостиную?» Расспросите вашего знакомого о том, какие запахи доносились из кухни, какое было освещение, было ли в комнатах эхо, какие ощущения вызывала тишина. Точно так же можно обратиться к человеку, выросшему в бедности: пусть в мельчайших деталях опишет дом своего детства, кухню, спальню, скамейку на заднем дворе.

Несколько лет назад я написала роман о женщине, которая обожала растения и все время возилась в саду. Сама я садоводство не люблю. Я люблю бывать в садах других людей, люблю срезанные цветы. Перед домом у меня вкопано несколько качественных искусственных кустов. Они хорошо смотрятся и напоминают о стихах Эдварда Каммингса¹.

Раньше мне часто дарили живые цветы и деревья в горшках; их судьба сложилась слишком трагично, чтобы описывать ее здесь.

¹ Эдвард Каммингс (1894–1962) — американский поэт, прозаик, художник и драматург. *Прим. пер.*

В конце жизни они выглядели так, будто я поливала их хлоркой. Я объясняла людям, что не уживаюсь с растениями; они обязательно приходили к выводу, что я просто «не встретила свою судьбу» и они непременно помогут мне прозреть и раскрыть в себе неведомые глубины. Мне приносили очередной горшок с цветком для тренировки. Я честно старалась поливать его по расписанию, держать в тени или на солнце и вообще делала все, что требовалось по инструкции. Я даже выносила его из дому на прогулки. Примерно через месяц растение теряло весь свой хлорофилл. Казалось, что оно хватается за горло, задыхается и укоризненно смотрит на меня глазами-бутонами. Впрочем, особых угрызений совести я не испытывала: проблем в жизни мне и так хватает.

Одно зеленое чудовище в громадной кадке прожило у меня несколько месяцев. Я даже не знаю, как оно называлось, но при жизни оно достигало трех футов в высоту и было ядовито-зеленого цвета. Я поливала его, срезала отмершие листья — и чем же оно мне отплатило? Исчухло и иссохло, как Говард Хьюз перед смертью. Казалось, вот-вот придется закупить для него несколько ящиков резиновых перчаток и тонны салфеток, чтобы прикрывать еду между откусами. Я давала ему воду, свет, дорогой подкорм — что еще я могла сделать, позвать к нему психиатра? В конце концов я опомнилась, вынесла кадку на улицу и поставила к задней стене дома, где она не попадалась бы мне на глаза. Вы, наверное, думаете, что зеленое чудище тут же выздоровело и пошло в рост? Ничего подобного. Оно сдохло.

Словом, когда пришло время придумать сад для главной героини, я не могла опереться на личный опыт. Но мне почему-то было абсолютно ясно, что эта героиня — страстная садовница. Я очень люблю наблюдать за людьми, которые возятся с растениями. Люблю

сидеть одна в саду и тихонько медитировать, люблю все символы и образы, которые связаны с землей и ростом.

Сад — одна из двух главных метафор человеческой жизни. Вторая — конечно же, река. Метафора — прекрасный инструмент: она объясняет неизвестное при помощи знакомого. Но она работает только тогда, когда отзывается в душе самого писателя. Поэтому я чувствовала себя недостаточно оснащенной: мне очень нравилась эта метафора, очень хотелось с ней поработать, а вот любви к садоводству не было.

Я не знала, с чего начать, но одно знала точно: сад не сразу стал символом. Сначала он был просто раем. Тогда, как и теперь, сад был апофеозом жизни, красоты и переменчивости всего сущего. Он кормил детей, снабжал пищей все племя. Садоводство — вид захвата территории и, вполне вероятно, восходит еще к заначкам еды, которые делают все животные. Это способ добиться превосходства и продемонстрировать его: вырастить самые вкусные помидоры, самые крупные чайные розы, обеспечить свою общину самым лучшим, а заодно доказать, что у тебя правильные ценности, развитой вкус и высокая работоспособность. Кроме того, очень удобно жить, когда знаешь врага в лицо, а в саду или огороде врагом может стать все: сорняки, погода, время. И вот ты целиком отдаешься борьбе, вкладываешь в работу всю душу, созерцаешь рождение, рост, красоту, опасность, победу — а потом это все умирает. Но ты каждый год начинаешь снова. Какая прекрасная метафора! Она ужасно мне нравилась; мне так хотелось, чтобы у меня в книжке был сад! И вот наконец я сообразила позвонить в питомник растений.

Меня соединили с очень приятным человеком; я объяснила, чем занимаюсь, и попросила помочь придумать сад для героини,

которая живет на севере Калифорнии в коттедже с большим участком.

Мы решили, что начнем с описания того, как сад выглядит летом, а потом он поможет мне с остальными временами года и с сезонными переменами.

— Фруктовые деревья будем делать? — спрашивал он.

И вот в течение полчаса мы вдвоем сочиняли сад, полный самых разных цветов и деревьев. Помню, у меня в голове возникла картинка: увитая чем-нибудь белая стена в глубине сада. Я спросила, какие вьюнки хорошо смотрелись бы на такой стене. Он предложил декоративную фасоль. Потом мы посадили кое-какие овощи, добавили земляничную грядку — и сад был готов. Потом я каждые месяц-два звонила этому милому человеку и уточняла: «А как себя должна вести яблоня? На ней уже есть плоды или хотя бы листья? А что сейчас полагается делать с клумбами?»

Еще я повадилась заходить на участки к разным знакомым и выспрашивать про растения: как они называются, как за ними надо ухаживать. Если хозяева говорили что-то очень умное или смешное, я пускала это в ход. Я купила справочник садовода и изучила по нему цветы, деревья и вьюнки. Честное слово, люди, которые потом прочли мой роман, не верили, что я терпеть не могу ковыряться в земле! Любители этого дела даже заводили со мной беседы о всяких хитростях и нюансах, думая, что мы сейчас углубимся в милые их сердцу дебри. Приходилось объяснять, что я все просто сочинила с помощью других людей, которые знают о садоводстве гораздо больше моего; что в литературе, как и в жизни, мне на выручку пришли друзья.

— Вы не любите растения? — потрясенно спрашивали меня. Я качала головой и молчала о том, что люблю срезанные цветы.

ЧАСТЬ I. МЫ ПИШЕМ

Это прозвучало бы жестоко и надменно; так Сальвадор Дали однажды сказал, что его любимое животное — жареная камбала.

С тех пор я многократно просила разных людей помочь мне с антуражем. Мне описывали жизнь в маленьких американских городках и в африканских деревнях, салоны автомобилей, вагоны тех времен, когда иммигранты еще разъезжали по стране на поездах в поисках работы. Затем я пыталась представить себе, как все это выглядело бы на экране, вплоть до мельчайших деталей. Иногда я закрывала глаза и видела очень четкую картинку. Но чаще всего просто таранилась куда-то перед собой, как кошка.

Фальстарты

Я уже сравнивала писательское ремесло с работой художника, который пытается перенести на холст мысленные образы, но всякий раз обнаруживает, что представлял себе что-то совсем иное.

Он снова вынужден грунтовать холст, но становится чуть ближе к задуманному. Со мной постоянно так бывает, когда я пишу.

Кажется, уже все понятно про кого-то из персонажей или про ход мысли в статье — и вот я пытаюсь воспроизвести на бумаге тот призрак текста, что сложился у меня в голове. Но вдруг выясняется, что я ошибалась (например, перепутала костюм и имидж героини с ее подлинным характером). Так что приходится все перечеркивать и начинать сначала.

Я узнала кое-что важное о неудачном начале, когда стала ходить в один хоспис вместе с другими членами нашей общины. Мы проводили там церковные службы. После первого, совершенно провального визита я была уверена, что все знаю про тамошних постояльцев: кто они, что могут делать, к чему стремятся. Если бы я тогда начала какую-нибудь статью про них, то писала бы очень самоуверенно — и была бы абсолютно права.

Я хожу туда уже четыре года. Не могу сказать, что это доставляет мне радость, но я всегда возвращаюсь, сама не знаю почему. Возможно, меня подсознательно тянет в волонтеры — или в монахини. Но когда я вхожу в это здание, втягиваю в себя запах

старости и болезни и вижу в коридорах десятки пожилых людей, брошенных, словно машины на обочине, я молю Бога, чтобы он не послал мне такой конец. Но Господь не официант в ресторане, а все эти люди когда-то были в моем нынешнем возрасте и наверняка тоже не желали себе такой старости.

Поначалу они все на одно лицо — точно так же участники Параолимпийских игр кажутся очень похожими друг на друга. Потом замечаешь, что кто-то кутается в одеяло, а кто-то в куртку, кто-то делает маникюр, кто-то сохранил все зубы, у кого-то есть пролежни, а у кого-то нет. Видишь, что некоторые женщины в молодости явно были красивы, а другие нет. Кто-то осознает, где находится, кто-то уже нет. Кто-то помнит наизусть «Отче наш», кто-то спит, кто-то пытается подпевать псалмам и хлопать в такт. И даже те, кто хлопает, делают это по-разному. Одни очень слабо, почти беззвучно. Какая-то старушка хлопает громко и весело, будто мы не молимся, а танцуем польку. Старичок хлопает в ладоши всего один раз за всю церемонию — будто муху убивает. У меня там есть любимица — моя тезка Энн. Сначала я воспринимала ее как худую нечесаную женщину, от которой пахло тальком и мочой, — почти растение, овощ. Потом оказалось, что все не так просто. Я до сих пор толком не в курсе, кто она, но уже точно знаю, как ошибочно было первое впечатление.

Она все время забывает, как меня зовут. Каждый месяц я представляюсь заново, и она театральным жестом бьет себя по лбу. Не исключено, что она меня разыгрывает. Когда мы хором тянем «аминь», она сидит, сложив руки на коленях, и будто держит в ладонях маленькую птичку. Когда начинаем хлопать в такт, она лишь чуть раскрывает ладони — словно ей очень хотелось бы похлопать, но страшно, что птичка вылетит.

Если бы я сочинила что-то про нее и других стариков после первых двух-трех посещений, в моем рассказе преобладали бы тяжелые запахи и всеобщая путаница. Я пересказала бы странные беседы: как одна женщина почему-то решила, что я ее одноклассница, а другая думала, что Сэм — моя собака. Я бы попыталась передать чувство пустоты и тщетности, которое овладело мной тогда. Но я пошла к этим людям еще и еще раз и честно попыталась найти какой-то смысл в их унылом существовании. Неожиданно мне помог образ, найденный одним средневековым монахом, братом Лоренцо. Он писал, что человек бывает подобен дереву среди зимы — бесплодному, лишенному листьев, красок и соков; но и такое дерево угодно и любезно Богу. Этой цитатой поделилась моя подруга Маргарет; она миссионер и работает с престарелыми. Ей хотелось, чтобы я поняла: эти люди бесполезны в общепринятом смысле, но они существуют именно для того, чтобы их любили бескорыстно. Как деревья зимой.

Когда мы читаем книгу, то, конечно, хотим видеть героев во всей красе и в расцвете сил. Но желательно без мишуры, поверхностного блеска. Чтобы по-настоящему глубоко узнать своих персонажей, вы должны провести с ними много времени и научиться видеть их насквозь, без всего постороннего и случайного. Можно заставить их поступать так, как удобнее вам для развития сюжета; можно попытаться сделать их своими марионетками и наслаждаться властью. Но если повезет, они все равно вылезут из той коробки, куда вы их сложите. И придется признать, что они совсем не те, кем вы их считали.

Человек на пороге смерти очень многому может научить всех нас. Ведь он день за днем теряет внешние атрибуты, которые создавали его образ в глазах окружающих: волосы, линии тела, навыки,

ЧАСТЬ I. МЫ ПИШЕМ

ухищрения. И в конце концов выясняется, что внутри вовсе не то, что представлялось снаружи. Без внешней оболочки становится заметна совсем иная красота. Например, моя добрая знакомая Пэмми за десять дней до смерти обнаружила, что больше не может нацарапать подпись на квитанции из процедурного кабинета. Тогда она повернулась ко мне и сказала:

— Ну вот, даже расписаться больше не могу. Совсем жить незачем!

Я не нашла ответа, только пожала плечами и покачала головой. Но позже выяснилось: суть Пэмми была вовсе не в том, что она могла делать руками. Ее смысл вообще заключался не в действиях.

В первую годовщину ее смерти я пошла в сад памяти при онкологической клинике, где она лечилась. Оказалось, что в ее честь кто-то посадил тисовое дерево. Этот тис был больше меня и мохнатый, как Альф¹ из кино. Он стоял с таким видом, будто вот-вот кинется обниматься. Рядом с ним росли высокие цветущие кусты — возможно, из семейства маковых. Но почти все лепестки с них уже осыпались, так что видно было только массу переплетенных ветвей, тянувшихся ввысь. И вдруг я поняла, что все эти ветви идут от общего ствола и на всех остались семена, которые прорастут и дадут новые цветы по весне.

Именно так и движется жизнь — в будничном круговороте, и в больничной тишине, и даже на смертном одре. Литература — настоящая литература — иногда помогает нам понять это. Только сорвав покров суеты, можно увидеть подлинную суть, обнаружить тайные связи мироздания.

¹ Персонаж одноименного комедийного сериала производства США, самоуверенный, жадный и капризный инопланетянин с планеты Мелмак. *Прим. ред.*

Что делать с сюжетом?

Мои студенты обычно уверены: садясь за новую книгу, успешный писатель уже знает, куда его выведет сюжет. Ведь он, конечно, заранее продумал всю канву. Поэтому у именитых авторов такие прекрасные книги, и такая легкая, безоблачная жизнь, и такая высокая самооценка, и такое блаженное детское доверие к полноте бытия. Если честно, я не встречала ни одного писателя, похожего на этот идеальный портрет. Все, кого я знаю, за работой страшно мучаются, мечутся, тычутся туда-сюда и регулярно впадают в отчаяние. Добро пожаловать в наш клуб!

С другой стороны, можно не заикливаться на сюжете, а наметить себе промежуточную цель — например, эпизод, который вы замыслили как кульминацию. Пишите, подбираясь к этой сцене; но учтите: дойдя до нее, вы, скорее всего, обнаружите, что идея уже не работает. Обретенное в процессе знание о персонажах может изменить всю картину. Возможно, та придуманная сцена изначально вдохновила вас на работу. Только теперь она не кажется уместной, и развязку надо сочинять заново.

Именно такая история вышла с моим вторым по счету романом. Меня будоражил и подгонял один-единственный образ; я очень остро и полно чувствовала каждого из персонажей. Однако, когда дело дошло до главного пируэта, оказалось, что ничего не вытанцовывается. Так что я взяла паузу на несколько дней

и выждала, пока герои сами придут ко мне со своими речами и поступками. Казалось, я начинаю понимать, как стыкуются сюжетные линии, какой должна быть концовка. Я билась над книгой уже два года, отправляя фрагменты моему редактору в Viking Press.

Редактору с самого начала нравились персонажи, тон и стиль. Но когда он целиком прочел мой новый — уже второй — вариант, он отправил мне письмо. Оно начиналось так: «Дорогая Энн, мне очень тяжело Вам это писать, но...» У меня перед глазами заплесали серые мушки, как будто я ударилась головой прямо там же, на почте. Все закружилось. Далее редактор писал, что персонажи и диалоги очень хороши и мой роман — настоящее пиршество, только стол на нем накрыли, а поесть так и не дали. И читатель остался голодным. И вообще (тут редактор сменил метафору) книга напоминает дом без фундамента и несущих конструкций: он вот-вот развалится, ремонт бесполезен. Этот текст лучше оставить в покое и начать с нуля что-нибудь другое.

А я-то уже потратила почти весь аванс...

Еще на почте я впала в панику и депрессию, которые не отпускали меня неделю или две. Я сходила с ума от унижения и страха за будущее. Но все же позвонила одной подруге, которая всегда охотно меня читала и очень поддерживала. Та сказала, что моей книге нужен простор, солнечный свет и свежий воздух. Еще она велела не трогать текст целый месяц и завершила меня, что все будет хорошо. Правда, что именно «все» и как именно «хорошо», она уточнить не смогла.

И вот я отправилась в глушь и дебри: сняла комнату в громадном старом доме на берегу реки Петалума. Там было очень пусто и тихо. Никто из местных меня не знал. Практически никто из домашних не был в курсе, где я. За окном можно было видеть луга с коровами,

травой и стогами сена. Пару недель я зализывала раны и ждала, когда восстановится уверенность в собственных силах. Я старалась не принимать серьезных решений насчет того, что спасать: неудачную книгу или мою писательскую карьеру в целом. Одно я знаю точно: хочешь рассмешить Бога — расскажи ему о своих планах.

Наконец я почувствовала, что готова опять засесть за роман. Я перечла его запоем и пришла в восторг. Да, мешанина — но очень добротная.

Дозвонившись редактору, я сказала, что теперь знаю, как исправить проблемы, и скоро это докажу. Тот очень обрадовался.

В доме, где я поселилась, была огромная обшарпанная гостиная. Однажды утром я принесла туда все триста страниц рукописи и разложила их на полу, главу за главой. Я выкладывала страницы рядком, с начала до конца главы, как гигантский пасьянс или плитки садовой дорожки. Некоторые части из начала явно были уместней в середине; на последних пятидесяти страницах нашлись эпизоды, которые так и просились в начало; там и сям попадались сценки, которые можно было собрать и переписать, — и вышли бы прекрасные штрихи к портретам героя и героини. Я ходила вдоль разложенных страниц, подбирала и скрепляла пригодные фрагменты, делала для себя пометки о том, как лучше дополнить, переделать или урезать некоторые главы. Теперь стало заметно, чего и где не хватает: переходов между фрагментами, информации, без которой не поймешь происходящего. Я записывала это на отдельных чистых листах и прикладывала каждый из них к соответствующей кучке страниц. Там оставалось еще много места, хватило бы на целые сцены. Так хороший друг после тяжелой утраты предоставляет вам уголок, где можно погоревать и прийти в себя. Я прикинула

и набросала, что еще может стрястись с героями, которых я прежде так оберегала, что стоит на кону, что решается в каждом эпизоде. Я нашла, где и как еще можно надавить на персонажей, подтолкнуть их так, чтобы крах стал неизбежным, — и сценарий самого краха записала тоже. И наконец, когда была уже во всем уверена, я сложила главы в новом порядке и села писать третий вариант.

Я писала маленькими порциями, стараясь довести до совершенства каждый кусочек, даже самый маленький и вроде бы пустяковый. Удалила пассажи, которые мне раньше были очень дороги и которые я впихнула в текст потому, что мне нравился стиль, или образ, или какой-нибудь каламбур. Я работала так восемь или девять месяцев и наконец прислала редактору первую часть, которая его удивила, и вторую, которая его очень порадовала. Третью часть я закончила примерно в то же время, когда рассталась с очередным «мужчиной моей жизни». Меня озарило: а что, если отправить текст почтой, одолжить денег на билет до Нью-Йорка и пробыть там неделю-другую — заняться финальной правкой романа на пару с редактором, заодно отдохнуть от личных проблем? Кстати, и забрать в издательстве причитающиеся мне остатки аванса и устроить оздоровительный поход по магазинам.

Я написала редактору, что вылетаю в Нью-Йорк. Возражать он не стал. Бывшему «мужчине жизни» я велела собирать чемоданы и съезжать из моего дома. Заняла у тети тысячу долларов, обещала вернуть в конце месяца. И улетела.

В первое же утро по прибытии я надела нарядное «платье девушки-писателя» и туфли на шпильках и пошла встречаться с редактором. Я решила, что мы сразу приступим к правке, а потом он выдаст мне остаток аванса. Всем станет ясно, что истина и красота снова восторжествовали, а я с блеском преодолела полосу

творческих неудач. Читатели будут в шоке, если узнают, что эту великую книгу чуть было не выбросили на свалку.

Но редактор сказал:

— Мне очень жаль...

Я посмотрела вопросительно.

— Мне очень, очень жаль, — повторил он. — Но у вас опять ничего не получилось. Концы не сходятся.

Редактору было непонятно, что, как и почему случается в моем романе — и почему в нем происходит так мало. Я сидела и смотрела так, будто у него внезапно расплавилось и потекло лицо.

— Очень жаль, — еще раз сказал он.

Сначала я была слишком потрясена, чтобы заплакать, и все время трогала свой лоб, будто проверяла, в порядке ли прическа. Наверное, я была похожа на Бланш Дюбуа¹ под сильной дозой. Потом я все-таки разрыдалась и сказала, что мне срочно нужно идти. Он попросил позвонить ему через день. Я пообещала, хотя сама не верила, что буду жива.

К счастью, в те времена я еще пила. Я вернулась в дом, где жила у давних родительских друзей, опрокинула в себя несколько бокалов за встречу, а потом взяла такси и поехала к другим друзьям. Там я выпила еще бокалов сто или двести и употребила немного кокаина (если честно, губа у меня в какой-то момент была как у муравьеда). Затем я пошла в магазин и прикупила литр ирландского виски, вернулась туда, где остановилась, и тянула виски прямо из бутылки, пока не вырубилась.

Проснувшись я в несколько подавленном состоянии. Взглянув на рукопись, засунутую в чемодан, я вспомнила всех тех прекрасных, веселых, страдающих людей, которых сотворила и с которыми

¹ Героиня пьесы Теннесси Уильямса «Трамвай “Желание”». Прим. ред.

прожила почти три года. И тут меня охватило бешенство. Я набрала домашний номер редактора. В тот день он не собирался на работу и явно тоже пребывал в унынии.

— Сейчас приеду, — сказала я. На том конце провода долго молчали, потом послышалось робкое:

— Ну ладно... — как будто редактор хотел, но боялся спросить: — Надеюсь, хоть без ножей?

Я вышла на улицу и поймала такси.

Редактор впустил меня к себе и попытался усадить, но я была слишком зла, унижена и подавлена. Я прижимала рукопись к груди, как младенца. В ней были места, над которыми смеялись или рыдали мои друзья. В ней было очень много забавного и важного, такого, о чем больше никто не писал. Я это точно знала. Вроде бы. Я металась по редакторской гостиной, как неопытный адвокат перед присяжными, и объясняла разные моменты, которые — боясь, что выйдет слишком очевидно, — опустила в рукописи. Пришлось заполнять пробелы, реконструировать отношения персонажей, которые мне прежде казались вполне ясными. Наверное, я выглядела дико: двадцативосьмилетняя похмельная доходяга, — но все же сумела рассказать, про кого и про что должна быть моя книга. Я изложила биографии главных героев, а потом долго вслух размышляла, что делать с сюжетом и концепцией, как упростить одни коллизии и развить другие. Слова лились из меня сами собой. Когда поток иссяк, редактор внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Спасибо.

Какое-то время мы сидели бок о бок на диване и молчали. Наконец он снова заговорил:

— Послушайте, я бы очень хотел увидеть ту книгу, которую вы сейчас мне рассказали. Пока вам не удалось ее написать. Поезжайте

куда-нибудь и составьте краткий план, какой-то конспект сюжета. Разложите по пунктам все, что вы тут говорили целых полчаса. Тогда получите остаток аванса.

Так я и сделала. Меня на месяц приютили друзья в Кембридже, и там я каждый день садилась и составляла план одной из глав, объемом от пятисот до тысячи слов. Я прописывала образы персонажей, разъясняла мотивы их поступков, происходящие с ними перемены. Иногда я брала готовые фрагменты из рукописи, выбирала самые удачные места, чтобы внушить доверие редактору и самой себе, и постепенно определяла для каждой главы точку А — начало и точку Б — финал. Затем нужно было понять, как привести персонажей из точки А в точку Б, а потом перекинуть мостик от точки Б в конце одной главы до новой точки А — начала следующей. Книга сделалась стройной и связной, как алфавит, четкой и яркой, как сновидение. Краткое изложение развернулось на сорок страниц. Я отправила его в редакцию еще из Кембриджа и улетела домой.

План сработал. Редактор выдал аванс; я вернула долг тете, а на остальное жила, пока писала окончательную версию. Теперь я предельно точно знала, что делаю. У меня был рецепт. Книга вышла на следующий год и до сих пор остается моей самой удачной работой.

Всякий раз, когда я рассказываю про нее студентам, они просят показать им тот самый план-конспект. Когда я приношу его на занятия, ученики благоговеют, будто увидели редкий музейный экспонат. Бумага, на которой он напечатан, стала ломкой от старости. Он весь пестрит пометками, кляксами, кругами от кофейных чашек и бокалов с вином. Пожалуй, я и сама воспринимаю его как исторический документ — памятник храбрости и упорству.

Как понять, что книга готова?

Мои студенты все время задают этот вопрос. А я и не знаю, что тут отвечать. Ты просто чувствуешь, и все. Кажется, мои ученики рисуют себе примерно такую картину: когда профессиональные писатели заканчивают очередную вещь, они ставят последнюю точку, откидываются на стуле, зевают и довольно улыбаются.

Лично я ни разу не встречала автора, у которого бы это получилось. Чаще всего приходится бесконечно перечитывать текст, править, дописывать, подчищать; потом рукопись читает кто-нибудь еще и выдает замечательные идеи, которые непременно нужно добавить в книгу. И так до тех пор, пока внутренний голос не заявит: все, пора взяться за что-то новое. Конечно, совершенству нет предела, но нельзя забывать, что перфекционизм — глас тирана.

Есть одно сравнение, которое я услышала от врачей-наркологов. Они говорят: обуздать свои вредные привычки — все равно что запихать в кровать осьминога. По-моему, очень яркий образ и очень верно передает то, что происходит, когда правишь последний вариант текста. Кажется, что все щупальца аккуратно упакованы в обложку — сюжет придуман, конфликт между главными героями благополучно разрешен, тон выбран верно, — но тут наружу высовывается парочка отростков и начинает шевелиться. Может

КАК ПОНЯТЬ, ЧТО КНИГА ГОТОВА?

быть, диалоги в начале и в конце выдержаны в разной тональности. А может, один из персонажей так и остался картонной нежитью. Запихиваешь под одеяло и эти щупальца — тут же вылезает что-то еще.

По всей вероятности, в конце работы вы будете сидеть над рукописью, мять лицо руками и ощущать себя старой истертой автомобильной крышкой. Но в один прекрасный миг вам вдруг станет наплевать и на щупальца с присосками, и на издевку в узких осьминожьих глазках. Да, осьминог смотрит так, будто вот-вот проглотит вас живьем просто со скуки; да, ваш текст далек от совершенства и вы ждали от себя гораздо большего. Но вы уже выпустили весь пар, сдулись и ничего лучшего точно не сделаете. Пожалуй, в этот момент и надо закончить работу.

Часть II

Писательский настрой}

Смотрим по сторонам

Чтобы писать, нужно научиться внимательно смотреть вокруг и сообщать другим, что происходит. А что, собственно, с нами происходит? Главное, по-моему, вот в чем: мы все варимся в одном котле и надо *приспособиться* друг к другу и не озвереть. Иначе мы станем ежесекундно лаяться, как собаки: «Полюбуйся, что ты сделал! Ты испортил мне жизнь! Это все из-за тебя!» Быть писателем — значит замечать людские страдания и, как выразился Роберт Стоун¹, стараться найти в них смысл. Но это получается, только когда смотришь на людей с уважением. Тот, кто видит только дорожную одежду или лохмотья, никогда их не поймет.

Писатель всегда немного в стороне от житейского бурления, но пристально наблюдает и старается подметить как можно больше. Да, ты на обочине, но ведь детали можно рассмотреть в бинокль. Твое дело — четко и ясно изложить свою точку зрения, показать любую ситуацию с уникального ракурса. Нужно видеть людей такими, какие они есть, а для этого необходимо и к себе относиться с сочувственным пониманием. Только тогда сможешь по-настоящему вжиться во внутренний мир другого человека. Мысль вроде бы простая, но на практике почему-то все гораздо

¹ Роберт Стоун (род. 1929) — американский ученый, педагог-экспериментатор, прозаик. *Прим. пер.*

сложнее. Лет двадцать назад мой дядя Бен прислал мне письмо, и там были такие строки: «Иногда встречаешь человека — неважно, какого пола и возраста, — и сразу чувствуешь в нем часть Великого Целого, которое живет и внутри тебя. У вас даже соринки в глазах одинаковые. Ты кровью чувствуешь, что вы с ним одного племени, и узнаешь его как родного». Вот это и должно происходить с читателем: пусть при встрече с персонажами он заметит в их глазах родные соринки и почувствует соплеменников. Но создать столь узнаваемых героев может только тот, в ком есть сострадание к себе.

Легко смотреть с нежностью и пониманием на ребенка — особенно своего и особенно если он умудряется быть смешным и трогательным, даже когда делает что-то не очень хорошее. Еще можно умиляться при виде, скажем, бурундука. Можно разглядеть его как следует; осознать, что у наших ног живая жизнь (по крайней мере одна из ее низших форм). Если хорошо всмотреться, начинаешь различать особые повадки и привычки; если вслушаться, начинаешь даже разбирать какие-то интонации в звуках, которые издает зверек. Не хочу углубляться в эзотерику, но бывают моменты, когда остро чувствуешь: ты и этот бурундук — части великого мирового целого. Наверное, мы чаще ощущали бы такое слияние, если бы не рациональная составляющая нашего «я». Разум как будто подавляет в нас чувство единения со всем сущим, чтобы мы могли успешно устраивать свои дела и устраиваться в мире (например, вовремя заполнять налоговую декларацию). И все же можно ощутить внутреннее родство, когда смотришь — по-настоящему внимательно — на полицейского и замечаешь, что он такой же человек, как все: тоже живет, дышит, страдает. Тогда перестаешь видеть жестокость, хаос и опасность, с которыми ассоциируется служба в полиции, а видишь существо, подобное и равное тебе.

Очевидно, на себя гораздо сложнее посмотреть с тем же отстраненным состраданием. Помогают только тренировки. Как от любой нагрузки, у вас поначалу все будет болеть. Но потом станет легче и вы сможете делать больше с каждым днем. Я сама очень медленно учусь возвращать мой бешено скачущий ум в состояние спокойного приятия и дружеского уважения к себе. Попробуйте представить собственное сознание в виде несмысленного щенка, которого надо приучить делать свои дела на подстеленную газету. Вы же не станете выкидывать его в соседский двор каждый раз, как он нальет лужицу на полу. Надо просто относить его на газетку. Вот так и я стараюсь возвращать ум туда, где действительно есть на что посмотреть и над чем подумать. Ведь если я не научусь это делать, то ничего толком не пойму в жизни.

Я искренне полагаю, что быть писателем — значит с почтением относиться к жизни. Иначе зачем писать? Зачем вообще жить?

Давайте понимать почтение как благоговение, сознание своего присутствия в мире и готовность открыться ему навстречу. Иначе мы обречены на внутренний застой и затхлость. Вспомните моменты, когда вы читали поэзию или прозу, которые поразили вас красотой или мудростью, дали возможность заглянуть в душу другого человека. От таких прозрений мир открывается нам во всей своей полноте или хотя бы на миг обретает смысл. Думаю, в этом и есть миссия писателя: помочь нам пережить чувство — простите за банальность — изумления и новизны; встряхнуть и вывести из спячки, разомкнуть границы наших маленьких личных мирков. Когда это происходит, жизнь обретает новый простор. Представьте себе прогулку с ребенком и его радостно-непосредственное: «Ух ты! Смотри, какая грязная собака! Ух ты! Смотри, а там дом сгорел! Ой, смотри, какое небо красное!» Ребенок тычет пальцем, и ты сам

ЧАСТЬ II. ПИСАТЕЛЬСКИЙ НАСТРОЙ

заражаешься и начинаешь восклицать: «Ух ты! Какой здоровенный куст! Какой хорошенький малыш! Смотри, какая там страшная туча!» Мне кажется, именно так мы и должны воспринимать мир — с постоянным восхищением. У меня над столом висит листок с замечательными строками суфийского мистика Руми¹:

*Божья радость идет от котомки к котомке,
из хижины в хижину.
Словно влага дождя, питает цветы.
Словно розы, растет из земли.
Она кроется в яствах, и в лозах, и в беге коня.
Она спит до поры,
но однажды пробьет скорлупу
и птенцом упорхнет на волю.*

Внимание к миру приносит большое счастье. Можно вспомнить заветы Уильяма Вордсворта² и достичь полной открытости бытию, когда во всем видишь святыню, знак присутствия Бога в любом творении. Но даже если вам чужд религиозный пыл и вы не склонны считать внешний мир воплощением невидимой тайной благодати, это не значит, что вы бездуховный филистимлянин. Любой человек способен остро ощутить красоту или боль в природе и человеческом сердце, попытаться передать детали и нюансы своих переживаний. Когда присматриваешься, начинаешь видеть.

¹ Джалаладдин Руми (1207–1273) — средневековый персидский поэт и философ. *Прим. пер.*

² Уильям Вордсворт (1770–1850) — английский поэт-романтик, представитель Озерной школы. *Прим. ред.*

Если увиденное поражает и пробуждает нас и мы пишем об этом правдиво и открыто, рождается надежда. Мы смотрим вокруг и говорим: «Ух ты, вон опять тот же пересмешник! А вот снова идет женщина в красной шляпке!» Женщина в красной шляпке символизирует надежду: ведь она тоже по уши погрязла в этой жизни, но все равно каждый день надевает свою дурацкую шляпку и выходит на улицу. Возможно, один из этих образов смутно проступит в нижнем углу вашего воображаемого фотоснимка. Поначалу вы и не знали, что он попал в кадр, но он есть и пробуждает в вас нечто мощное, глубокое, безымянное. Вот что писал Гари Шнайдер¹:

*Рябь на воде —
след глубинной серебряной рыбы —
иная, чем рябь, что от ветра.*

Здесь нет и двадцати слов, но перед глазами будто встает поверхность пруда, и сколько нового замечаешь в ней! В моей фонотеке есть одна запись: тибетская монахиня поет мантру соболезнования. В ней всего восемь слов; они повторяются снова и снова более часа, но всякий раз звучат иначе. Слышно, что певица обдумывает и переживает каждое слово. Ни разу не возникает ощущения, что она смотрит на часы и думает: «Господи, неужели я отмучилась всего пятнадцать минут?» Сорок пять минут спустя она по-прежнему четко выпевает каждую строку, и так до последнего слова.

¹ Гари Шнайдер (род. 1930) — американский эссеист, поэт и литературный критик.
Прим. пер.

ЧАСТЬ II. ПИСАТЕЛЬСКИЙ НАСТРОЙ

Редко встречается что-то такое же простое и чистое, как будто с каждым слогом тщательно выпевается сама жизнь. Но тем драгоценней пристальное, любовное внимание к миру. Выйти за пределы своего «я» — значит вырваться из тюрьмы разума. Иначе рассудок замкнется в себялюбивой узости, погрознет в собственных испражнениях и никому больше не даст ни радости, ни надежды.

Моральный аспект

Если вы то и дело начинаете тексты и бросаете, не закончив, если быстро теряете интерес и желание дописать до конца — вполне возможно, в них просто нет того, что для вас по-настоящему важно. Стержнем любого произведения должны быть вы сами, ваши ценности, ваши убеждения. Моральный кодекс, по которому вы живете, и есть тот язык, на котором вы пишете.

Чаще всего мы воспринимаем этические принципы как должное: то, что дано свыше, а не придумано человеком. Нам кажется, что они одинаково верны для всех времен и народов. Выражать эти истины и есть наша работа. В конце концов, о чем еще нам говорить! Но, конечно, истину не выскажешь в одном предложении или даже абзаце, это не лозунг. Бывают прозрения, которые укладываются в одну строку, в один выкрик; но добротные повседневные истины нашей жизни нельзя передать двумя-тремя словами. Они должны сквозить во всем тексте, а не сверкать в отдельных фрагментах, как в эпigramме. Нужно, чтобы основная идея разворачивалась и углублялась, чтобы читатель понимал все больше. Приходится вести невыразимо тонкую и сложную игру: балансировать между уже знакомым и еще не познанным, стараясь переплести и по-новому осмыслить то и другое. Неудивительно, что на это нужна целая книга.

Я не говорю, что писать нужно лишь затем, чтобы преподать урок или показать моральный пример. Как говорил Сэмюэл Голдвин¹, «если желаете сообщить нечто важное — отправьте телеграмму». Но у каждого из нас есть убеждения, в моральной правоте которых мы не сомневаемся (даже если знаем, что в другом нередко ошибались), и потребность поделиться ими. Я сама, например, долго считала, что в жизни есть полюса, ненависть — противоположность любви, хорошее противопоставлено дурному. Однако теперь я часто думаю: мы так охотно в это верим потому, что проще мыслить шаблонами и абсолютами, чем принять действительность. Я больше не считаю, что у любви вообще есть противоположность. Реальность бывает чудовищно сложна.

Если вы в чем-то похожи на меня, то поначалу, наверное, попытаетесь заполнить каждую страницу остротами и блестящими откровениями — чтобы всему миру стало ясно, как вы умны, догадливы и восприимчивы. Со временем, когда научитесь и привыкнете работать каждый день, вас почти неизбежно потянет изображать в лицах трагедию рода человеческого. А трагедия, как правило, не располагает к остротам и афоризмам. Скорее она требует перевести разговор в область морали; цель литературы — подлинной литературы — в том, чтобы показать человеческую суть с точки зрения этики. Мне очень нравится одна сцена в последнем фильме с Жанной Моро — комедии под названием «Летний домик»². Сцена происходит на кухне; героиня заявляет,

¹ Сэмюэл Голдвин (1879–1974) — американский кинопродюсер и режиссер.
Прим. пер.

² «Летний домик» (The Summer House) — британская драма 1993 года, экранизация романа Элис Томас Эллис «Одежда в гардеробе» (режиссер Уорис Хуссейн). *Прим. ред.*

что у любого человека всегда есть повод заплакать. Когда владелец дома начинает над ней смеяться и требует уточнить, над чем она предлагает поплакать, героиня запрокидывает огненно-рыжую голову и отвечает:

— Например, над ветрами одиночества, которые ревут на краю вечности.

Как мы все — по отдельности или группами — ведем себя, когда слышим рев этих ветров? Стараемся сохранить достоинство и способность к состраданию или решаем, что каждый сам за себя?

Чем дольше мы живем, тем лучше понимаем, что помогает в жизни, а что только ранит; наши герои разыгрывают наши представления, как пьесу. Это и есть мораль. У слова «мораль» плохая репутация: оно навеивает мысли о религиозном фанатизме, ханжестве, лицемерии. От этих ассоциаций надо избавиться. Если творчество станет для вас возможностью выразить идеалы и убеждения, ваши тексты никогда не будут вымученными; к тому же вы скорее поймете, что движет каждым персонажем. За разными масками и позами могут обнаружиться вполне приличные люди, с которыми читателям приятно познакомиться, чьей компании они всегда рады. Мы любим хороших, достойных героев, ведь в них воплощается все светлое, что дает им способность рискнуть или пожертвовать собой ради ближнего. Они показывают, что в мире еще уцелели какие-то идеалы и принципы и мы можем ориентироваться на них, если решимся.

Когда читаешь хорошую книгу, обычно следишь одним глазом за положительным героем, а вторым — за злодеем, который может оказаться намного интересней. Сюжет заводит персонажей (и нас вместе с ними) все дальше в дебри, где в самый неожиданный момент встречается кто-то, у кого есть моральные ориентиры,

ЧАСТЬ II. ПИСАТЕЛЬСКИЙ НАСТРОЙ

своего рода компас, который неизменно и безошибочно указывает на север. Это и есть настоящее чудо, и мы не устаем ему поражаться. Луч света — пусть даже слабый проблеск — сгущает тьму, но он же и разгоняет ее.

Вспомним средневековые моралите — пьесы-притчи. Всегда радостно, если добро торжествует над злом, если спасена хрупкая человеческая жизнь. В массовой литературе зло ведет в счете до последнего момента, а затем добро каким-то чудом побеждает, герой может облегченно выдохнуть и поцеловать грудастую героиню. Наша жизнь, конечно, сложнее, чем средневековая драма, но что-то общее у них есть: страх, насилие, хаос, чума, воры, убийцы... Тем отраднее заметить посреди всего этого уцелевший, неиспорченный проблеск добра. Когда в заурядном персонаже — в меру добром, в меру эгоистичном — открывается источник мужества и бескорыстия, мы переживаем момент истины, желанное откровение. Тогда и возникает родство с героями. Именно такие книги мы потом помним всю жизнь, подсовываем друзьям, перечитываем снова и снова.

Но вы должны твердо верить в собственную точку зрения — иначе не будет мотивации для работы. Если сам не веришь в то, что говоришь, нет смысла говорить. Уж лучше тогда все бросить и пойти, например, в боулинг. Зато когда вам что-то очень и очень небезразлично — например, вы консерватор в лучшем смысле слова, стремитесь сохранять и беречь землю, природу, весь живой мир, — убежденность в своей правоте заставит довести дело до конца.

Чтобы стать хорошим писателем, мало все время писать — нужно еще иметь взгляды, которые вы готовы отстаивать. Необязательно выстраивать сложную этическую философию. Но писатель, как мне кажется, всегда старается понять что-то важное и поделиться

этим с другими. Даже когда мрачный и не склонный к сантиментам Сэмюэл Беккет творит образы сумасшедших с городской помойки, чей смысл жизни сводится к тому, чтобы перебирать барахло в мешке и любоваться каждой мелочью, он тоже высказывает свою истину, тоже помогает нам жить. Да, словно говорит он, мы рождаемся уже на краю могилы. Да, этот мир бывает холодным и бесприютным, как лунный пейзаж. Зато над ним можно посмеяться. Беккет делится с нами еле заметной, сокровенной и оттого бесценной улыбкой. Она меняет наш взгляд на мир. В фокус внимания вдруг попадают мелочи, за которые можно зацепиться, чтобы окончательно не пропасть, — а это уже путь к спасению. («Спасение» — такое же проблемное слово, как и «мораль». Оно звучит решительно и позитивно, а у нас, возможно, уже и нет шансов на позитивное решение. Может быть, нам только и осталось, что скрасить последние дни доброй улыбкой.)

Или возьмем четырнадцатого Далай-ламу (а он, по-моему, самый здравый человек из всех ныне живущих). О своих религиозных убеждениях он говорит просто: «Я верую в доброту». Вот великий этический принцип: исповедовать доброту, держать сердце открытым для любого страждущего. К сожалению, из этого не сделаешь шедевра литературы. Придется как-то расширить тему, иначе выйдет роман в одну строку и потенциальные издатели решат — как говорят в Техасе, — что вы «не самый яркий фонарь на этой улице».

Итак, моральный кодекс не может быть главной идеей книги. Это ваша личная глубокая вера во что-то. Каждый день нас подстерегает новая опасность, и нет смысла собирать публику и обращаться к ней, если вы не можете сказать ничего конструктивного и жизнеутверждающего. Как говорит мой друг Карпентер, нам

ЧАСТЬ II. ПИСАТЕЛЬСКИЙ НАСТРОЙ

больше не нужен цыпленок Цыпа¹, который предупредит, что небо падает, — потому что оно уже обрушилось. Теперь главное — суметь позаботиться друг о друге. Некоторым пригодится любой лучик света, а если вы еще и можете повеселить нас, мы готовы заплатить за это любые деньги. Для многих добрые книги, красивые тексты — неизменное утешение, даже лучшее, чем самые изысканные яства. Пишите о том, что для вас по-настоящему важно. Любовь, смерть, страсть, стремление выжить важны для всех нас. Вера в Бога и спасение природы тоже интересуют многих.

Возможно, для вас важнее всего на свете диета и микрофлора кишечника — скажем, двенадцатиперстной кишки. Это прекрасно, но писать об этом не нужно. Большинство читателей втайне подумают, что вы пытаетесь придать высокий смысл собственному неврозу. Это и так уже делают миллионы — в церквях и на фестивалях ню-эйдж.

Уж лучше пишите о свободе, за которую стоит бороться. Ваши персонажи — даже самые отталкивающие — все же обладают правами человека. Нужно уважать в них те качества, которые делают их личностями. Моральный кодекс не лозунг, который вы навязываете всем вокруг. Он не приходит извне и не дается свыше; он зарождается и растет в сердце персонажа. Выражайте истину, пишите о свободе и борьбе за нее. Пишите как можете, и вам воздастся. Говоря словами Молли Айвинс², борцы за свободу не всегда в выигрыше, но всегда правы.

¹ Герой одноименного комедийного мультфильма по мотивам басни, веривший в то, что небо падает (идиома «небо падает» в английском языке обозначает истерическую или ошибочную веру в неизбежную катастрофу). *Прим. ред.*

² Молли Айвинс (1944–2007) — американская журналистка, писательница, защитница прав человека. *Прим. пер.*

Разговор с брокколи

В старом шоу Мела Брукса под названием «Двухтысячелетний человек» есть эпизод, когда психиатр говорит пациенту: «Прислушайтесь к капусте брокколи у вас в тарелке, и она расскажет, как ее надо есть». Когда я цитирую это студентам, они смотрят на меня как на буйнопомешанную. Но на самом деле в творчестве этот принцип так же важен, как и в жизни.

Расшифровывается он так: когда вы сами не знаете, что делать, и не можете решить, как поступит в определенной ситуации ваш персонаж, остановитесь и прислушайтесь к внутреннему голосу. Он подскажет решение. Беда в том, что очень многие теряют связь со своей внутренней «капустой» еще в детстве. Если мы в юном возрасте прислушивались к своей интуиции, а потом сообщали взрослым результат, нас часто одергивали, высмеивали, даже наказывали. Не дай бог, у ребенка заведутся собственные взгляды и убеждения — уж лучше вши! Если мы невинно спрашивали, почему мама плачет в ванной, нам частенько отвечали: мама вовсе не плачет, просто у нее аллергия. Или, например, спросишь, почему папа не ночевал дома. А в ответ говорят: папа ночевал, просто он вчера очень поздно пришел, а утром очень рано ушел на работу. И ты киваешь, хотя и видишь, что они врут. Ведь взрослых лучше не злить и не расстраивать, а то кто же будет заботиться о тебе? Приставать к ним себе дороже — еще оставят без сладкого или

запретят гулять. А вдруг и вовсе закуют в кандалы и сдадут в полицейский участок?! Вот так потихоньку мы учились глушить в себе голос, который подсказывал, что происходит на самом деле, и переставали ему доверять. Но теперь его необходимо воскресить в себе.

Связь с «внутренней брокколи» очень важна для того, чтобы хорошо писать. Иначе вы каждое утро будете садиться за работу и ждать указаний от разума и логики. В неудачные дни, когда сил мало, вы перегорите за полчаса и махнете на все рукой — может быть, даже уйдете от рабочего стола. А это очень плохо: если не сдаваться и делать хоть что-то и хоть как-то, усидчивость обычно вознаграждается. Допустим, сейчас 9:15 утра; если переломить себя и не бросить работу, у вас в сознании может возникнуть сценка или картинка, которая подготовит явление персонажа, и вам останется отойти в сторонку и не мешать. Возможно, герой вырвется на свободу и заговорит, даже поведаст что-то очень важное, отчего сюжет сразу сдвинется с мертвой точки. Например, вам стало бы ясно, как провести героя по пути от добра к злу и обратно. Но вместо этого вы бросаете текст и до конца дня мучаетесь сознанием своей никчемности и безнадежности. А назавтра будет еще тяжелей, ведь сегодня вас хватило всего на пятнадцать минут работы. Помните фильм «Кэт Баллу»¹? Герой Ли Марвина напивается в стельку и сперва ничего не соображает, потом начинает рычать и огрызаться, затем впадает в экстаз, быстро переходит к унынию,

¹ «Кэт Баллу» (Cat Ballou) — американский комедийный вестерн, снятый Эллиотом Силверстейном в 1965 году. Ли Марвин (1924–1987) — голливудский киноактер, прославившийся необычными внешними данными (высокий рост, белые волосы, «загробный» голос); за роль в фильме «Кэт Баллу» получил премию «Оскар».
Прим. ред.

обреченно стенает и в конце концов падает без признаков жизни. Один из собутыльников уважительно смотрит на все это и говорит: «Ух ты! За пять минут целый день прожил!» Пусть с вами такого не случится.

Нужно вернуть себе уверенность и интуицию, отвоевать их у жизни. Для этого надо полагаться на память и воображение, особенно когда пишешь первый черновик. На этом этапе обычно заедают тревога и сомнения, поэтому так важно выпустить на волю фантазию, дать ей разгуляться и порезвиться. Тут все как в танце: нельзя поминутно смотреть на ноги и проверять, как они движутся. Надо просто танцевать.

Интуиция вернется, только если найти ей место, немного отодвинуть в сторонку рассудок. На одной логике далеко не уедешь. Кажется, что именно она открывает путь к истине, ведь логика и разум — золотые тельцы, которым поклоняется наша культура. На деле это не так. Трезвый расчет вытесняет и душит живое, красочное и лакомое.

Наша интуиция бывает застенчивой, ее нужно подбадривать и уговаривать. Только не переусердствуйте: душевные движения и работа подсознания раздувают пламя, но потом от него остается слабый мерцающий язычок. Он задохнется и совсем погаснет, если бесконечно суетиться вокруг, но станет гореть долго и ярко, если окружить его спокойным и ласковым вниманием.

Так что постарайтесь успокоиться, помолчите, дышите глубоко и слушайте. Представьте, будто у вас в голове экран, на котором можно увидеть все, что нужно: детали, антураж, ход сюжета. Конечно, это произойдет не сразу, но, если долго приглядываться, должно получиться. Дайте отдых разуму, перестаньте напрягать его — пусть интуиция поможет дорисовать образы и портреты.

ЧАСТЬ II. ПИСАТЕЛЬСКИЙ НАСТРОЙ

Что, если ваша героиня внезапно вынет из кармана огрызок моркови? Может быть, так и надо? Тренируйтесь, учитесь разбирать подсказки внутреннего голоса. Как часто интуиция гибнет под диктатом здравого смысла, житейской логики! Любое озарение, проблеск подлинного чувства может показаться затертым и банальным, если все время вспоминать, кто и что говорил по этому поводу раньше. Нужно учиться отличать свежее, новое и живое от застывших, окаменелых клише.

Давайте считать, что наши мысли и чувства по определению ценны; позволим себе наивную роскошь переносить их все на бумагу. Только будьте внимательны и осторожны: если интуиция подсказывает, что текст никуда не годится, удостоверьтесь, правда ли это она, а не голос вашей матери, например. Допустим, у вас в голове стукнуло: «Вижу этого персонажа в багровом костюме из акульей кожи». И тут встревоженный материнский голос начинает шептать: нет, нет, одень его поприличней. Но если все время слушаться маму, вы скоро заснете от скуки, и читатель тоже. Интуиция предложит что-нибудь дерзкое и захватывающее; в ее лесах порой водится диковинное зверье. Конечно, у вас в голове не всегда будет раздаваться трубный глас: «О да! Багровая акуля кожа!» Чаше всего слышится тихий шепот, какой-то шелест, журчание подземных вод. Или приходит что-то загадочное и невнятное, как обрывки шифрованного письма. Если чересчур рьяно тащить это все на свет, оно может навсегда кануть в глубины подсознания.

Мне кажется, ключ к сотрудничеству с собственной интуицией в том, чтобы подобрать для нее пригодную метафору. Брокколи — это, конечно, абсурд, но мне помогает. Один мой друг представляет свою интуицию в виде животного. Он так и говорит: «Мой зверь думает, что...» или «Нет, зверь не одобряет». Неважно, какой символ

выберете вы. Главное, чтобы он обозначал независимый голос, который не обязан вам подчиняться. Если заблудились в лесу — пусть конь сам найдет дорогу домой. Вам надо дать ему волю, иначе будете только мешать.

По большому счету творчество похоже на самогипноз. Вы внушаете себе веру в свой труд, в то, что вы его закончите. Потом нужно «расколдоваться» и окинуть сделанное трезвым взглядом. Конечно, обнаружится много ошибок и недоделок, много лишнего. Решения не всегда окажутся верными. У меня есть подруга Терри; она любит говорить: «Если не можешь решить, сделать так или эдак, сделай как-нибудь. Худшее, что может случиться, — какая-нибудь ужасная ошибка». Так вот, пусть ваш сюжет пойдет налево, а не направо; например, пусть героиня вернется к своему отвратительному мужу-садисту. Может, так и надо, а может, и нет. Если нет, вернитесь и попробуйте по-другому. Не стоит думать, будто все, что мы говорим, и делаем, и выбираем, и пишем, так уж важно. Вселенная не рухнет без нас. Вы запутались и не сообразите, куда повернуть? Будьте проще. Слушайте «голос брокколи». Возможно, он знает выход. Но уж если вы в поте лица работали пару часов, а голос так и не вышел на связь, — идите обедать.

Отстой FM

Поговорим о радиостанции ПО, она же «Полный Отстой FM». Она сильнее всего мешает писателю прислушаться к голосу «внутренней капусты». Обещаю, что больше мы этой темы нигде касаться не будем.

Если вы дадите слабину, радио «Отстой» включит в вашей голове круглосуточное вещание в режиме стерео. Из правого динамика будут литься самовосхваления в духе «Ты же особенный, ты же гораздо талантливей (и скромней) всех остальных и гораздо больше знаешь о жизни, а тебя никто, никто не понимает!». В левом ухе будет молотить унылый рэп с перечнем ваших слабостей, недочетов, сегодняшних ошибок и ошибок всей жизни — словом, песнь о презрении к себе с припевом «Ты ничтожество, ты неспособен на нормальные отношения, ты никого не любишь, кроме себя (да и себя-то не любишь), ты бездарность, и все твои тексты — дерьмо». Работать под эту какофонию немислимо; с тем же успехом можно запустить в наушниках тяжелый рок и пытаться писать под него. Нужно учиться глушить лишние шумы в голове, иначе персонажи не смогут пробиться в эфир и рассказать свою историю.

Чтобы устранить помехи — не прибегая к услугам клинической психиатрии, — надо для начала осознать, что у вас в голове играет это радио. «Отстой FM» начинает вещание каждый раз, когда

я утром сажусь за работу. Поэтому я сперва произношу короткую молитву: «Пожалуйста, пусть они все заткнутся, и я смогу написать то, что просится на бумагу». Иногда обряды помогают. Найдите свой способ изгнать злых духов: алтарь, свечи, куклы вуду... Между прочим, Верховный суд США недавно разрешил приносить в жертву мелких животных. (Я вырезала заголовок из газеты, где напечатали эту новость, и приклеила над кошковой миской для воды.) Шутки шутками, но маленькие житейские ритуалы помогают включить подсознание.

Еще можно попробовать глубокое дыхание. Я нечасто этим пользуюсь и вообще избегаю фанатов дыхательной гимнастики — боюсь нарваться на длинную и подробную лекцию об ароматерапии. Но все же тут есть рациональное зерно: трудно отвлекаться на посторонние шумы, когда надо сосредоточенно дышать!

Итак, садимся за стол в девять утра, шепчем молитву (или приносим в жертву мелкое животное), потом глубоко дышим и вспоминаем, где в прошлый раз оставили персонажей, — но тут обнаруживаем, что мысль ушла, причем далеко. Вот, например, один писатель (абсолютная бездарность): интересно, как у него дела? И почему у него все всегда так хорошо? А еще — вот бы выступить на шоу Дэвида Леттермана¹! Интересно, он бы издевался надо мной или смеялся моим шуткам и позволил стать его новым лучшим другом? А что бы мне такого съесть на обед? А что чувствуешь, если тебе поджигают волосы? А если кто-нибудь (например, критик) ткнет тебе в глаз чем-то острым? Ладно, не пугайтесь. Потихоньку возвращайтесь мысленно к работе.

¹ Дэвид Леттерман (род. 1947) — американский комик, ведущий популярного в США вечернего шоу с участием знаменитостей, теле- и кинопродюсер. *Прим. ред.*

Допустим, главный герой сидит со своим взрослым сыном под кипарисами на склоне холма цвета львиной гривы и с тоской вспоминает редкие светлые моменты пролетевшей жизни. Сегодня утром надо мысленно прищуриться, всмотреться в прошлое вместе с героем и вычислить его радости. Через пару минут уже видится зеленый дворик, где персонаж — чуть помоложе, чем теперь, — играет в пинг-понг с каким-то юным хиппи. Они не соревнуются, просто отрабатывают подачи. Вроде бы можно это все записывать — и тут в голову начинают лезть мысли о грядущей финансовой катастрофе. Кстати, а каково жить в машине? В разгар паники вдруг звонит мама. Она только что узнала потрясающую новость про какую-то девушку из вашей школы: «Ну она еще тебе пакостила в восьмом классе, не помнишь?» После беседы чувствуешь себя лабораторной лягушкой, которой ученые впрыскивают в мозг кофеин. Теперь опять надо сосредоточиться и мысленно вернуться в тот дворик, где остался герой. Дышим ровно. Начинаем снова.

Очень жаль, но более эффективных и радикальных способов не существует. Терпеть не могу простые, очевидные решения; по крайней мере к ним я прибегаю в самую последнюю очередь. Пару вечеров назад я пришла вести семинар с хрипами в груди и зверской болью в горле; ощущения были такие, будто у меня рак гортани. В той группе двое студентов-медиков. Один из них сразу же кинулся уверять, что это не рак гортани, просто в городе ходят заразные осенние болячки и многие уже слегли с теми же симптомами. Второй посоветовал пить очень горячую воду.

— Горячую воду? — возопила я. — Горячую воду?!

По моим ощущениям, впору было залечь дома под капельницей с антибиотиками и ведрами хлестать сироп от кашля. А он прописал мне горячую воду! Я пригрозила снизить ему оценку (вообще-то

у нас факультативный семинар, оценки в диплом не идут, так что студенты от этих угроз только закатывают глаза). На перемене мой медик принес кружку с кипятком — как для чая, только без пакетика. Я выпила. Боль в груди и горле прошла секунд через двадцать.

Ненавижу, когда все так просто.

Но дыхательная гимнастика и правда помогает, если надо успокоиться, отключить радио «Отстой» и прислушаться к людям, которые населяют вашу историю. Вы сами поймете, когда начнет получаться. Не хочу бросаться клише вроде «достичь гармонии с собой». Поэтому лучше расскажу еще один случай из жизни.

Прошлым летом мне позвонила одна телеведущая из Нью-Йорка. Она предложила слетать на Восточное побережье, провести там сутки, выступить у них в передаче, а потом вернуться домой. Лететь надо было через два дня. Я надолго задумалась — секунд на тридцать. В Нью-Йорк очень хотелось. Но для этого нужно было договориться с родителями, чтобы взяли Сэма к себе с ночевкой. Прилететь домой надо было рано, чтобы не отменять семинаров. Подходящий рейс нашелся всего один, да и то с длинной пересадкой в Далласе. А долгое сидение в аэропорту Форт-Уорс для меня смерти подобно. Я выплеснула это все на телеведущую и отбыла на встречу церковной общины.

В голове у меня включилась волна «Отстой». В правом динамике репетировали мое триумфальное выступление в телешоу и последующие выходы у Опры Уинфри¹ и Арсенио Холла². В левом

¹ Опра Уинфри (род. 1954) — американская телеведущая, актриса, продюсер, общественный деятель, ведущая ток-шоу «Шоу Опры Уинфри», которое выходило на экраны в течение 25 сезонов. *Прим. ред.*

² Арсенио Холл (род. 1956) — американский кино- и телевизионный актер-комик, ведущий авторского шоу. *Прим. ред.*

уже вещали о жертвах авиакатастроф и подробно описывали, что происходит с телами при крушении самолета.

Когда я пришла в церковь, наш благотворительный комитет еще не собрался, но четыре старейшины общины — все женщины, три афроамериканки и одна белая, — устроили совместную молитву. Они молились за бездомных детей.

— Можно я вам расскажу кое-что личное? — попросила я.

Они кивнули, и я выложила все про свой страх перед самолетами и про то, сколько неудобств мне доставит эта поездка на восток. Они покивали снова. Им явно казалось, что Иисус вместе с турагентством как-нибудь решит мои проблемы. Потом в соседнем зале началось наше заседание, и я пошла туда. Мне мерещились то фанфары ток-шоу, то авиакатастрофы и террористы в масках и с автоматами в аэропорту Далласа. Сосредоточиться на повестке дня было трудно. Наконец заседание кончилось; выходя, я краем глаза заметила на столе небольшой молитвенник. Зачем-то я взяла его и украдкой сунула в сумку — решила почитать за ужином и вернуть в церковь на следующем заседании.

По дороге обратно я ужасно боялась, что попаду в аварию и молитвенник потом найдут при моем холодном трупе. Родные и близкие узнают, что перед смертью я таки слетела с катушек и сделалась полоумной фанатичкой из тех, кто считает, что завтра конец света. Однако я благополучно добралась до ресторанчика, устроилась за столом и раскрыла книжицу. Причем раскрыла еще до того, как вытащила из сумочки, как будто это было что-то из разряда жесткого порно, вроде «Большие прекрасные зады». В глаза бросилась замечательная фраза: «Воды Гольфстрима пройдут через соломинку, если развернуть ее по течению, а не поперек».

Проще говоря, я слетала в Нью-Йорк и все прошло как по маслу. Мне даже не пришлось торчать в Далласе. На вечерний семинар я тоже успела. И теперь обязательно рассказываю студентам про Гольфстрим. Для нас, писателей, эта маленькая притча означает: нужно войти в собственный сюжет, как в реку, и ждать, куда вынесет поток воспоминаний, ощущений, подсознательных образов, из которых и складывается жизнь наших персонажей. Надо пропустить это все через себя, плыть вдоль по течению. А посторонние шумы в голове разворачивают нас поперек. Так что садимся за стол, дышим ровно, успокаиваемся, закатываем рукава — и снова за работу!

Зависть

Из всей белиберды, что выходит в эфир на радио «Отстой», труднее всего заглушить голос зависти. Она без промаха бьет по самооценке и вере в себя — обычно и без того хрупкой. Но в писательской жизни от нее никуда не денешься: блистательный и ошеломляющий успех почему-то часто приходит к злобным, бездарным, недостойным личностям (то есть не к вам).

Да-да, публике свойственно стадное чувство; ее не задевает волшебство, которое возникает, когда ум, душа, рука и вдохновение сливаются в едином порыве. Телешоу, реклама и продюсеры работают куда эффективней. Но будем честны с собой: нам же хочется, чтобы однажды стадо ринулось в нашу сторону? Всем хочется. Однако стадо пасется себе на травке, а потом бредет к какому-то жалкому графоману. И вот его писанина уже возглавляет список бестселлеров, у него покупают права на экранизацию, ему платят заоблачные авансы. Графоман красуется на обложках крупных журналов: глянцевые портреты подретушированы, чтобы скрыть морщины, клыки и рога. Ваши литературные кумиры пишут о нем теплые отзывы; Times публикует восторженные рецензии. Графоман покупает дом — большой; затем второй, еще лучше первого. А тебя так и тянет выброситься из окна, особенно если тот самый графоман — твой близкий знакомый.

Муки зависти не выразить словами. Иногда целыми днями ненавидишь всех и ни во что не веришь. Если успех пришел к человеку, которого знаешь лично, он обязательно начнет подбадривать и обещать, что скоро твой черед. То же самое говорят невесты на каждой свадьбе, только ты все сидишь в старых девах. К стыду своему, начинаешь желать этому другу мелких пакостей — например, чтобы ему на голову упал кирпич. Или чтобы у него разыгрался простатит. Будь ты хоть какой богатый и успешный, а ректальный массаж слаще не станет. Злобные фантазии затягивают: чувствуешь себя ребенком, которому разрешают только смотреть на витрину кондитерской. А твой друг (бывший) уже сидит и лопают конфеты! Почему-то кажется, что его жизнь — сплошной праздник, что он достиг вечного комфорта, покоя и обеспеченности. Теперь он доживет до ста двадцати лет или вообще никогда не умрет — ведь умирают всегда лучшие (такие как ты). Но это, конечно, глупости. Деньги гарантируют только одно: проблемы обходятся дороже. Так что стресса в жизни у наших успешных друзей только прибавится.

Так им и надо, думаешь ты. Пусть прибавится! Чтобы не расслаблялись.

Правда? Мы этого правда хотим?

Да, я этого правда хочу.

А ведь известны случаи, когда одинокие, несчастные, унылые, задержанные невротики достигали невероятных высот в жизни!

Ну да... но у меня-то все будет по-другому! Я не стану коллекционировать статьи о себе. Не буду тыкать людям в нос своими успехами: «Смотрите, какой сегодня дождь! Вот, помню, в тот год, когда мне дали гуггенхаймовскую стипендию, тоже было очень дождливо!» Уж я-то никогда — не то что некоторые.

Прекрасная позиция; но все равно найдутся люди, которые станут себя вести именно так. Можете не сомневаться. Ревность и зависть к чужому успеху — издержки творческих профессий, и довольно неприятные. Я сама когда-то была чемпионом по зависти. По моему опыту, помогает тут немного. Во-первых, легче становится с возрастом. Во-вторых, лучше не держать все в себе, а выговориться и выпустить пар. В-третьих, можно использовать собственные терзания как материал для творчества. И совсем замечательно, если найдется человек, который поможет увидеть в них смешную сторону. Кто посмеялся над собой — тот практически выздоровел.

В прошлом году я пережила тяжелейший приступ ревности: одна моя приятельница (скорее, уже бывшая) резко пошла на взлет. Каждый день она делилась новостями о том, как прекрасно принимают ее книги. Казалось, ей обеспечен пожизненный триумф. Меня это очень задевало. Я пишу лучше, чем она. Объективно лучше. У меня много друзей-писателей, успешных и признанных. К ним я не испытываю никаких дурных чувств. Но эта знакомая часами вынуждала меня висеть на телефоне и расписывала, как у нее все хорошо. От каждой такой беседы мне хотелось заорать. Недовольство сочилось из меня, как смола из дерева.

Я твердо верю в то, что жить надо как будто завтра умрешь. Только тогда будешь свободна. Близость смерти учит внимательно относиться к людям, прощать, не копить мелочных обид. Так что всякий раз, когда звонила та приятельница, я старалась быть добрей и прощать нас обеих. В те дни мне много доводилось общаться с одной дамой с юга. Та все время и по любому поводу восклицала:
— Потрясающе! Просто пат-ррря-са-ю-ще!

И вот когда мне звонила заклятая подруга и выдавала очередную порцию новостей (всегда очень скромно, как благовоспитанная

протестантская девочка на конкурсе красоты своего штата),
я выслушивала и говорила:

— Да ты что? Пат-ррря-са-ю-ще!

Она отвечала:

— Я знаю, ты за меня рада. А вот кое-кого просто бесит, что
у меня все так сложилось!

На что я твердила:

— Ну конечно, я рада! Это же просто пат-ррря-са-ю-ще!

Хотя мне очень хотелось попросить адреса и телефоны тех, кого
бесил ее успех.

Иногда я клала трубку и плакала.

Вскоре пришлось звать друзей на помощь.

Один из них напомнил мне слова Джин Риз¹: «Все мы,
писатели, — реки и впадаем в одно море; когда прибудет у одного,
прибудет у всех, и нет личного успеха, а есть общая победа».
Я сказала ему, что он бесчувственный и злобный тип.

Психотерапевт объяснил мне, что зависть — эмоция вторичная
и порождается чувством отверженности и ущерба. Если
я справлюсь с застарелыми обидами и перестану считать себя
обделенной, то и зависть утихнет. Я попросила выписать
успокоительное, но он сказал, что заклиная подружка послана
в мою жизнь, чтобы я могла примириться с собственным прошлым.
Что во мне говорит память тех лет, когда я считала, будто все
окружающие семьи счастливей и благополучней, чем наша.
Что я сравниваю свой внутренний мир с внешним впечатлением

¹ Джин Риз (настоящее имя Элла Гвендолин Риз Уильямс, 1890–1979) —
писательница-романист из Доминики. Самое известное произведение —
«Широкое Саргассово море» (приквел к роману Шарлотты Бронте «Джейн
Эйр»). *Прим. ред.*

ЧАСТЬ II. ПИСАТЕЛЬСКИЙ НАСТРОЙ

от другого человека. И что надо просто переболеть этим всем, чтобы изжить его. Я и болела, да еще как!

Приятельница все звонила и томным голосом южной аристократки изрекала:

— Даже не знаю, за что Господь послал мне столько денег в этом году.

Я делала несколько глубоких вдохов и отвечала:

— Ну это же просто пат-ррря-са-ю-ще!

Никогда в жизни я не чувствовала себя такой убогой.

Потом я позвонила одному очень мудрому писателю. Когда-то он состоял в обществе анонимных алкоголиков; теперь помогает другим бросить пить и вообще сориентироваться в жизни. Я спросила, что он посоветовал бы человеку на грани нервного срыва, вызванного, скажем, завистью.

— Обычно я просто слушаю, — ответил он. — Мне вечно рассказывают длинные запутанные истории о себе любимых. А я потом говорю одно из трех. Или «угу», или «хм-м-м», или «какой ужас!».

Я засмеялась и выложила все про свою отвратительную подружку и ее творческие успехи. Он выслушал, помолчал секунду и сказал:

— Угу...

Затем я пошла еще к одному другу — полноватому пьющему католическому священнику-гею. Я спросила:

— Ты кому-нибудь завидуешь?

Он ответил:

— Сложный вопрос... Иногда видишь — идет вроде бы ровесник, только стройный, подтянутый. Смотришь на себя, понимаешь, что тебе таким не быть. А с другой стороны, смотришь на него: так бы и ущипнул! Как думаешь, это у меня зависть или вожделение?

Ни от кого мне не удалось добиться слов, которые прогнали бы мою зависть или хотя бы превратили ее во что-то плодотворное. Я чувствовала себя злобной сводной сестрой из «Золушки». Когда я пожаловалась очередной подруге, она прочла мне строки, написанные одним индейцем сиу: «Иногда я жалею себя. Однако и в такие часы великий ветер несет меня от края до края неба». Это очень красиво, сказала я, но мне так плохо!

И все же от этих строк во мне что-то сдвинулось. Как будто первая трещинка прошла по стене моей тюрьмы. Я ждала мгновенного избавления: чтобы меня коснулась волшебная палочка Бога и я снова стала бы нормальной и цельной, как тостер после ремонта. Но вышло совсем иначе: меня отпускало понемножку, день за днем.

В одном из воскресных выпусков New York Times мне попался шуточный стишок Клайва Джеймса¹; он назывался «Посрамленный враг» и начинался строками:

*Книга моего врага
не распродана. Ура!*

Ох, как же мне сразу полегчало! Как прекрасно было открыть, что не я одна такая ревнивая и завистливая, да еще обнаружить, что над всем этим можно посмеяться! Я обзвонила всех, к кому ходила за советом, и прочла им стишок. Каждый сразу узнал ситуацию и разрыдался от хохота.

Еще один шаг к выздоровлению мне помогла сделать подруга Джуди. Она подсказала, что главное — не *прекратить* ревновать и завидовать, а просто не позволять этим чувствам перерасти

¹ Клайв Джеймс (род. 1939) — британский теле- и радиоведущий, публицист, литературный критик, писатель, режиссер. *Прим. ред.*

ЧАСТЬ II. ПИСАТЕЛЬСКИЙ НАСТРОЙ

в презрение к себе. За попытки радоваться успехам другой писательницы Джуди обозвала меня дурой. Вы не представляете, как мне это помогло. Все же я выросла в культуре, где поощряется состязательность и ненасытная жажда победы, где внушают, что необходимо зарабатывать сотни тысяч долларов в год, — и стыдят, если ты завидуешь или боишься навсегда остаться в тени более удачливых соперников. Моя реакция была обусловлена всей моей жизнью.

Поняв это, я начала заново обретать чувство юмора. Я сказала себе: хочешь знать, как Господь относится к деньгам, — посмотри, кому он их посылает. Сразу стало очень весело, хоть у меня и есть вполне «денежные» близкие друзья. Я припомнила, что люди, которые стремительно богатеют, часто плохо кончают: взять хотя героев греческих трагедий. Значит, я (человек, богатеющий медленно, а если совсем честно — не богатеющий совсем) застрахована от ударов судьбы! Я не буду влачить остаток жалких дней среди отбросов городского дна. Это уже кое-что. В конце концов, у меня и так плохо с нервами. Не хватало еще напоследок стать героиней отвратительной драмы трущоб и каменных джунглей! Кому это надо?

Затем я начала писать про зависть. Стоило исследовать темные закоулки собственной души, чтобы пролить свет на наши общие человеческие слабости. Что ж, иногда мы бываем жалкими и отталкивающими — особенно когда завидуем другим. Но лучше прочувствовать это, и обсудить, и преодолеть, чем всю жизнь молча отравлять себя изнутри.

Наконец я почувствовала, что сдвинулась с мертвой точки и больше не барахтаюсь в луже собственных эмоций, холодной, как Ла-Манш. Как раз в это время я посмотрела фильм о паре геев, инфицированных ВИЧ. И тогда у меня в голове все окончательно встало на место.

В фильме без прикрас показывали изуродованные болезнью тела. Обычно мы в ужасе отшатываемся от подобных зрелищ. У одного из мужчин вся спина была багровая, изъеденная саркомой Капоши. Но стоило присмотреться — и проступала сила духа, проявлялась внутренняя красота этого полутрупа, что лежал под горой лоскутных одеял, сшитых его друзьями. С каким мужеством и духовным благородством человеческое существо может смотреть в бездну и принимать то, что выпало на его долю! Кому-то послана болезнь. Кому-то — невыносимая зависть. Так или иначе, с этим надо жить. Изувеченное тело, израненная душа равно требуют ласки и заботы.

Чем больше я писала и чем дольше думала про тот фильм, тем сильнее злилась на подругу-писательницу. Как часто и охотно она говорила мне о своем богатстве! А ведь в то лето мы с Сэмом сидели на мели, и она это прекрасно знала. Я снова и снова писала о детстве, о том, как мне не хватало того, что было у других девочек, в других семьях. У себя над столом я повесила цитату из Гиллеля¹: «Я встаю. Я иду. Я падаю. Но все это время танцую».

Я танцую при помощи слов. И все это время я писала о внимании к миру, о том, как не принимать себя чересчур всерьез, не спешить и не выбиваться из сил, почаще покидать свой привычный мирок. Постепенно в моих текстах зазвучали нотки юмора и сочувствия — к себе самой и к той писательнице. Тогда же я сказала ей — как можно мягче, — что мне нужно отдохнуть от нашей дружбы. Жизнь ведь так коротка. И вот наконец я ощутила, что во мне самой и в моей зависти есть особая, странная красота, как в тех больных из фильма. Ведь мы все танцуем танец преобразования — медленно, осторожно, словно старые длинноногие птицы.

¹ Гиллель (Хиллел Вавилонянин, 75 г. до н. э. — около 5–10 гг. н. э.) — раввин, законоучитель, поэт. Один из самых значительных теологов иудаизма. *Прим. пер.*

Часть III

Рука помощи}

Карточка

Мне очень хочется думать, что Генри Джеймс¹ сказал свое знаменитое «Писатель — это тот, от кого ничего не ускользает» в момент, когда искал очки, а они как раз сидели у него на лбу. В наши дни приходится запоминать так много, и оно все такое важное, такое важное! Мы составляем бесконечные списки и надеемся, что они не дадут забыть про покупки, звонки, письма, идеи, наметки для будущих рассказов или статей. Но все равно, когда подходишь хоть к какому-то пункту в одном списке, у тебя уже масса просроченных дел из другого. Однако я верю в списки, заметки, а еще в карточки, которые помогают и с первым, и со вторым.

У меня везде в доме валяются карточки и ручки: возле кровати, на кухне, в ванной, у телефона и даже в бардачке машины. Еще я всегда сгибаю одну карточку пополам (вдоль, если хотите знать) и сую в задний карман брюк, когда иду гулять с собакой. Вдоль — чтобы она меня зрительно не наполнила. На всякий случай делюсь этой маленькой хитростью — хотя у вас, наверное, хватает других забот.

Итак, когда я выхожу из дому без сумки — в которой обитают блокноты, не говоря уже о тоннах карточек, — я кладу одну карточку вместе с ручкой в задний карман и точно знаю: если по дороге меня

¹ Генри Джеймс (1843–1916) — англо-американский писатель, один из крупнейших прозаиков-модернистов рубежа XIX и XX веков. *Прим. пер.*

ЧАСТЬ III. РУКА ПОМОЩИ

озарит идея или встретится что-то красивое, странное, да и вообще достойное внимания, я всегда смогу набросать пару строк, чтобы ничего не забылось. Иногда, услышав занятную фразу или придумав реплику для диалога, я дословно заношу их на карточку. Бывало, гуляешь вдоль пруда, или ждешь посадки на поезд, или едешь на озеро Феникс и вдруг слышишь что-то такое замечательное — аж мысленно щелкаешь пальцами, будто ты это всегда знал, только забыл. Берешь карточку и стенографируешь.

Сейчас я смотрю на карточку, где написано: «Пэмми. Деми Мур». За этими словами для меня стоит целый день — за полгода до того, как Пэмми умерла. Я могу прокрутить его в памяти, как кино.

Мы сидели у нее во дворе. Небо было очень синее и ясное, все цвело, на Пэмми была кепочка лавандового цвета. Пэмми чувствовала себя очень хорошо, если не считать того, что была смертельно больна. (Папин онколог как-то сказал ему: «У вас прекрасное здоровье для пятидесяти пяти лет — если не считать рака мозга».) Мы валялись на шезлонгах в шортах и майках и грызли шоколадные батончики. Сэм катал двухлетнюю Ребекку — дочь Пэмми — по саду в маленькой красной коляске.

— Что-то мне грустно, — сказала Пэмми. Незадолго до того она говорила, что стоит только подумать о Ребекке, ей делается очень скверно на душе. Но при этом и очень радостно. — Если честно, я быть готова.

— Почему?

— Говорят, во всем надо находить светлую сторону. Но у меня сегодня не получается.

— Хм... Ну, например, тебе больше не придется видеть журналы с беременной голой Деми Мур.

Несколько секунд Пэмми изумленно смотрела на меня.

— Господи, а ведь правда, — наконец сказала она. — Как это я не учла!

Весь остаток дня она была бодра и охотно возилась со мной и детьми.

Казалось бы, такую сцену не забудешь до конца дней. Я сама раньше думала, что по-настоящему сильный момент легко донесу в памяти до дома, где можно сесть и спокойно записать все в блокнот, как делают нормальные, собранные люди.

Не тут-то было.

Чаще всего я направлялась домой, придумав хороший образ или услышав фразу, которую герой мог бы сказать про вечеринку в старом доме, или про первый день на новой работе, или про возвращение в родные места. А дома замирала на месте и пыталась увидеть все заново, прокрутить в голове, как сон. И что-то вроде мелькало перед глазами, даже почти вертелось на языке, но не возвращалось. Образ уходил. Хуже нет, когда тебя вот так озарит, случится чудесная находка — а ты всепустишь. Ужасное чувство. Поэтому я стала использовать карточки.

Когда мысленно разрешаешь себе писать, начинаешь думать как писатель — воспринимать мир как сырье для творчества. Бывает, сидишь или гуляешь где-нибудь, а все мысли — в работе, перед глазами стоит сценка или набросок персонажа. А иногда впадаешь в уныние, и дело никак не движется, и впору идти на кухню и хлестать теплый джин прямо из кошачьей миски. И вдруг, откуда ни возьмись, возникает идея или картинка. Иногда она всплывает в сознание золотой рыбкой — яркая, прелестная, невесомая; и ты смотришь с восторгом, словно ребенок глазеет на прежде пустой

ЧАСТЬ III. РУКА ПОМОЩИ

аквариум. А в другой раз нужный образ выплывает из темного угла, как привидение, и ты отшатываешься в испуге. Эти неожиданные наития бывают так богаты, что, кажется, их и не осмыслишь.

Но записывать все равно надо.

Хотя у меня есть знакомые писатели, которые не делают заметок. С их точки зрения, жизнь надо не конспектировать, как профессора на лекции, а просто внимательно *слушать*. Наверное, это зависит от склада ума и особенностей памяти. Если ваше сознание легко удерживает творческие находки (то есть у вас еще не развился склероз), то вы редкий счастливчик. Не удивляйтесь, если у вас появятся завистники и недоброжелатели. Один мой друг-писатель — пожалуй, скоро нашей дружбе конец — недавно сказал: «Если идея пришла и тут же ушла, значит, в ней не было ничего ценного». Я сразу почувствовала себя восьмилетней девочкой, которая хотела сообщить что-то ужасно важное, но оно выпало через какую-то дырку в памяти. И тут снисходительный взрослый бросает свысока: «Ну, значит, тебе и сказать-то особо нечего».

Словом, каждый решает для себя. Возможно, у вас прекрасная память и вы способны три часа спустя воспроизвести все, что пришло в голову во время прогулки по холмам или в очереди к стоматологу. А может, и нет. Если вам это удобно, если помогает — делайте заметки. Это же не списывание на экзамене и ничего плохого не говорит о ваших способностях. Если ваш мозг не может удержать большой объем информации — это всего лишь рассеянность. Возможно, в студенческие годы вы любили забить косячок (нет-нет, ничего противозаконного, только травка!) и память несколько пострадала. А может, у вас родился ребенок; появляясь на свет, дети прихватывают с собой примерно пятую часть материнского мозга. Причина не так уж важна; главное — записывайте, не стесняйтесь.

Мою картотеку не назовешь упорядоченной или хорошо организованной. Язвительные, враждебно настроенные студенты часто спрашивают, что именно я делаю со всеми своими карточками. Единственное, что я могу ответить: они есть. Я на них пишу. Сам процесс записывания дает процентов пятьдесят вероятности, что мысль зацепится у меня в памяти. Когда я работаю над книгой или статьей, то добавляю карточки к собранному материалу — просто прикалываю их к тем страницам черновика, куда могли бы вписаться эти идеи. Или раскладываю на столе рядом со стопкой набросков для главы или статьи, над которой бьюсь в этот момент. Когда работа встает, я теряю мысль и в голове у меня начинают гудеть тамтамы (верный сигнал, что вдохновение иссякло), я перебираю карточки. Ищу в них то, что могло бы стать очередным небольшим фрагментом и снова взбодрить меня, прибавить энтузиазма, заставить сцеплять друг с другом эти чертовы слова, — в чем, собственно, и состоит ремесло писателя.

На столе у меня лежат карточки с увиденным, услышанным и подмеченным на прошлой неделе, но есть и записи двухлетней давности. Если хорошо покопаться, можно найти даже заметку, которую я сделала шесть или семь лет назад, когда шла вдоль соленого озера от Саусалито до Милл-Вэлли. Мимо меня то и дело проезжали велосипедисты, но я не обращала на них особого внимания. Вдруг мимо пронеслась какая-то женщина, и меня обдало лимонным запахом ее духов. Запах — прямо как у Пруста — перенес меня лет на двадцать пять назад. Я увидела себя на кухне в доме моей тети, в компании ее многочисленной детворы. Был жаркий летний день; тетя только что развелась с дядей и сильно переживала. Видимо, чтобы успокоить нервы и поднять самооценку, она устроила поход по магазинам. В итоге была куплена довольно дорогая и сложная штукovina для приготовления лимонада.

ЧАСТЬ III. РУКА ПОМОЩИ

Вообще-то, чтобы сделать лимонад, нужны графин, маленькая соковыжималка для цитрусовых, кубики льда, вода, лимоны и сахар. Вот и все. Ах да, еще ложка с длинным черенком. Но моя тетя тосковала и, видимо, надеялась, что чудо-машина развлечет ее и напоит пустыню ее жизни холодным сладким освежающим лимонадом. Конструкция состояла из стеклянного кувшина, на который надевалась специальная крышка. В крышке помещались выжималка и емкость, куда стекал сок. Нужно было налить в кувшин воды, кинуть лед, насыпать сахар — а затем надеть на него крышку, зарядить в соковыжималку лимоны, выжать их, слить сок из емкости в кувшин и размешать все длинной ложкой. Лимонная кожура, семечки и прочие ошметки оставались в соковыжималке. Очень эффективная штука — и абсолютно бессмысленная, если вдуматься.

Итак, мы собрались на кухне — я, старшая (мне было лет восемь), и пятеро тетиных детей. Столпившись возле раковины, мы наблюдали, как тетя с гордым видом делает лимонад. Она налила в кувшин холодной воды, добавила кубики льда, щедро сыпанула сахару, водрузила сверху крышку, выжала с дюжину лимонов — и полезла в буфет за стаканами. «Эй! — хотелось крикнуть тем из нас, кто был постарше, — это же еще не все! Ты не слила сок в кувшин!» Но тетя достала пластмассовые стаканы, стеклянные стаканы и пару блестящих металлических стаканов и налила семь порций напитка. И вот мы, шестеро беспомощных иждивенцев, затаили дыхание и зажмурились от яростного желания, чтобы все было хорошо и тетя перестала горевать. Она подняла стакан, как будто говорила тост, и мы стали прихлебывать ледяную воду с сахаром. У тети руки были в лимонном соке — она ведь порезала и уложила в машинку несколько лимонов, — поэтому ей, видимо, чудился в напитке кислый вкус. Она ничего не заметила.

Мы растерянно посмотрели на нее и снова отхлебнули сладкой воды, но затем улыбнулись и тоже подняли стаканы — как в рекламе всякого питья. И попросили добавки.

Шагая вдоль соленого озера, я отчетливо вспомнила растрескавшийся линолеум в тетиной кухне — серо-бежевый с темными пятнами. Возле раковины он был истерт до черноты; в одном месте проглядывало подгнившее дерево пола. Мои двоюродные братья и сестры толпились у этой раковины вокруг тети. Некоторые были еще совсем малы — наверное, они даже не удивились воде с сахаром, решили, что так и надо. Помню, какими родными и близкими они были мне в тот миг, как я чувствовала себя частью этого круга.

До сих пор щемит в груди, как вспомню тот истертый линолеум, и тетино горе, и то, как она гордилась своей лимонадной машинкой. Каждый человек утешается по-своему: тетя старалась приготовить нам самый вкусный лимонад на свете, мы — подбодрить ее. С каким энтузиазмом мы поднимали стаканы с сахарной водой — будто кружки на празднике пива! А ведь все это выпало у меня из памяти лет на двадцать пять.

Может, эта сценка мне и не пригодится. На карточке написано просто: «Лимонадная штуковина». Но для меня это как фрагмент фильма, зарисовка о тяжелых временах в одной семье, о том, как люди их переживают, как из разочарования и любви вдруг рождается единение и на краткий миг жизнь становится если не прекрасной, то хотя бы терпимой.

Иногда бывает так: я веду машину и вдруг у меня в уме выстраиваются слова, которые до того я тщетно искала все утро. Вот, например, техническая проблема: как в романе показать, что проходит время? В кино это сделать легко: можно дать крупным

ЧАСТЬ III. РУКА ПОМОЩИ

планом календарь или стрелки часов. В тексте подобные приемы работают гораздо хуже. Очень радостно бывает читать книгу, где автор удачно играет с «говорящими» деталями: например, меняется время года, или дети идут в школу, или у кого-то отросла борода, или у собаки поседела шерсть. Но в своих текстах далеко не всегда находишь способ естественно и ненавязчиво показать ход времени. Сколько ни сиди за столом и ни сверли взглядом страницу, это не поможет. Можно отвлечься, поиграть с собакой, покрутить в руках счет за электричество, почувствовать, как что-то замаячило на периферии сознания, только ты его все никак не ухватишь... Ты будто сидишь с больным, подключенным к дыхательному аппарату: он вроде без сознания, но иногда на секунду приходит в себя, даже моргает. Если караулить достаточно долго, нужный образ тоже придет и подмигнет. Тогда сразу же записывайте!

На одной моей карточке нацарапано: «Даже шесть лет спустя ее мучили воспоминания о сырых рыбных палочках». Когда-то мне казалось, что это замечательная переходная фраза. Правда, я так и не нашла, куда бы ее приспособить. Может, вам пригодится? Пользуйтесь, если что.

Многие карточки я в конце концов выбрасываю — либо потому, что уже использовала написанное на них, либо потому, что оно оказалось не таким уж интересным. На некоторых вообще полный бред: это я вскочила и нацарапала что-то среди ночи. Выглядят они так, будто гениальный студент-математик наелся ЛСД и решил порассуждать об истине или об апельсинах. На других карточках чьи-то афоризмы, которые я люблю цитировать студентам; жаль только, что чаще всего я забываю написать, кто автор. Вот, например: «То, что кроется во тьме веков, и то, что сокрыто во тьме грядущего, ничтожно рядом с тем, что таится в человеческой

душе»¹. Скорее всего, это слова Ральфа Уолдо Эмерсона; однако с моим везением я вполне могу нарваться на критика, который скажет, что на самом деле их написала Жоржет Мосбахер². (Интересно, а кто сказал, что «критик всегда приходит на поле битвы уже после сражения и добывает раненых»?) Остальные карточки просто живут со мной годами; вероятно, сыну придется куда-то их девать после моей смерти. Полоумные старые девы разводят десятки кошек; я развожу горы карточек. Они хотя бы не пахнут, не линяют и не писают на пол — так что Сэм еще дешево отделается. Большинство записей ему ни о чем не скажет; для меня за этой абракадаброй стоят целые эпохи, но Сэму останется только почесать в затылке и убрать их куда-нибудь.

Правда, он откопает несколько карточек из начала девяностых и там найдет целые истории о том, как приводил меня то в отчаяние, то в изумление, то в восторг. Вот, например, запись от 17 сентября 1993 года.

После ужина мы с Сэмом проводили Билла и Адера до машины. Вечер был холодный, звездный. Билл взял Сэма на руки, втянул в себя воздух:

— Здорово пахнет, а, Сэм?

Сэм тоже потянул носом, будто нюхал что-то очень вкусное.

Потом посмотрел в небо и сказал:

— Пахнет луной!

¹ По данным исследования сайта Quote Investigator, на самом деле высказывание принадлежит Генри Стенли Гаскинсу, трейдеру с Уолл-стрит. Подробнее см.: <http://quoteinvestigator.com/2011/01/11/what-lies-within/> (информация дана на английском языке). *Прим. ред.*

² Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882) — американский эссеист, поэт, философ и общественный деятель; Жоржет Мосбахер (род. 1947) — американская предпринимательница и политик. *Прим. пер.*

ЧАСТЬ III. РУКА ПОМОЩИ

Теперь это воспоминание не пропадет. Не знаю, использую ли я его в книге (вообще-то только что использовала!), но оно точно не потеряется.

Или вот подробности одного раннего утра, которое мы с сыном провели в больнице: у Сэма тогда в первый раз случился приступ астмы. Мы оба были напуганы и подавлены, плохо понимали, что происходит. Сэм лежал под ингалятором, его рот и нос закрывала маска, а я сидела рядом с ним на кровати и жалела, что не догадалась прихватить из дома какую-нибудь игрушку. Порывшись в сумке, я обнаружила там маленькую подарочную коробку карандашей из одного ресторана и две использованные карточки. На одной был список покупок, на другой — краткое описание вечернего неба.

На чистой стороне обеих карточек я намалевала по великану. Сопевший в маску Сэм наблюдал с некоторым испугом. Затем я проколола по дырке в правой руке у обоих великанов и вставила в каждую дырку по медицинскому шпателью. И разыграла бой великанов на шпагах. Глаза Сэма расширились; он засмеялся. Прошло довольно много времени, но наконец он начал дышать свободно, и нас отпустили домой. Прежде чем мы ушли, я вернула шпатели на место, сунула карточку со списком покупок в задний карман брюк, а на обороте второй карточки записала эту историю.

Консультации

В мире есть много людей, которые могут поделиться бесценной информацией. Достаточно воспользоваться телефоном. Люди обожают, когда к ним обращаются за советом, когда их спрашивают о том, в чем они разбираются. Я, например, очень люблю, когда меня просят рассказать о чем-то, что я много раз обдумывала. Представьте, что вы очень много знаете про макраме, или про пингвинов, или про сыр и к вам пришли за консультацией по этому вопросу. Какая замечательная, редкая возможность! Ведь обычно нас спрашивают про такие вещи, что сразу и не сообразишь, как отвечать. Например, зачем ты зашла на кухню или что случилось 4 июля 1776 года. И ты стоишь и думаешь — тьфу ты, ну я же знала... Конституция? Нет? Черт, ну я же помнила! А вот когда действительно много о чем-то знаешь, так приятно отвечать на вопросы!

Уже ради этого стоит заняться обзвоном знакомых. К тому же, если вы беретесь за телефон, сидя за компьютером, можно смело считать, что вы работаете. Вы не отлыниваете. Писатель много времени проводит в одиночестве, и это сказывается на состоянии разума. Когда работаешь в небольшом замкнутом пространстве, мозг начинает расширяться и сокращаться, как декорации в «Докторе Калигари»¹.

¹ «Кабинет доктора Калигари» (Das Cabinet des Dr. Caligari) — немецкий триллер 1920 года (режиссер Роберт Вине), один из самых знаменитых немых фильмов. Первое в истории кинематографа произведение, рассказывающее об измененных состояниях человеческого сознания. *Прим. ред.*

ЧАСТЬ III. РУКА ПОМОЩИ

Иногда проявляются симптомы откровенной шизофрении: например, смотришь на слово «шизофрения» так долго, что не понимаешь, правильно ли оно написано. Ищешь его в словаре; не можешь найти; начинаешь подозревать, что ты сам его придумал. Или, например, обнаруживаешь во рту болячку — из тех противных трещинок, куда все время лезет язык. На ощупь кажется, что она уже раздулась, как шарик для пинг-понга. Идешь к зеркалу, видишь, что на самом деле это просто белесое пятнышко размером с булавочную головку. Но ты уже твердо уверен — *плохо, когда все время сидишь один*, — что у тебя рак челюсти, как у дедушки Фрейда. Конечно, теперь тебе срежут весь подбородок, чтобы рак не сожрал всю твою голову (вместе с тараканами), и ты до конца жизни будешь ходить в плаще с капюшоном, и никто больше не захочет тебя поцеловать — хотя желающие и сейчас не толпятся.

Мнительность сама по себе не порок, только она абсолютно непродуктивна. Уж лучше делать хоть что-то. Желательно в контакте с другими. О воспитании детей я точно знаю одно: ребенку жизненно нужна дисциплина. Так что дисциплинируйте себя: назначьте абсолютный рабочий минимум, например триста слов в день, и неукоснительно его выполняйте. Но детям нужен еще и отдых. Считайте телефонные консультации своего рода переменкой, как в школе.

Если серьезно, для работы бывает необходимо знать, скажем, как выглядел ваш родной город в те времена, когда был крупным железнодорожным узлом. Или каковы стадии развития герпеса. Или что чувствует женщина, когда начинает ходить в школу фитнеса. Узнайте, кто может дать вам достоверную информацию, и свяжитесь с ним. Лучше всего найти консультанта с чувством юмора и педагогическими способностями (чтобы присвоить его мысли

и находки). Конечно, разговаривать с умным и ярким собеседником гораздо интересней. Но эти качества не обязательны: иногда просто требуется факт, мнение или даже одно-единственное слово. Тут не нужна ученой степени или остроумия. Иногда бывает и так: ищешь одно, а в беседе всплывает что-то совсем другое, но тоже важное. А ты бы этого никогда не узнал, если бы не начал задавать вопросы.

Например, в моем втором романе был такой эпизод: мужчина приходит на первое свидание с женщиной и приносит бутылку шампанского. Он обдирает с горлышка фольгу; у него очень красивые руки: крупные, с широкой ладонью и длинными пальцами, с белыми полумесяцами в основании ногтя. Руки так хороши, что можно даже простить ему желтую рубашку из какой-то синтетики. К тому же он принес хорошее шампанское, а героиня не прочь выпить. Итак, герой срывает фольгу и начинает откручивать проволоку, которая намотана вокруг пробки.

Я всегда мысленно называла эту конструкцию «проволока» или «проволочная штуковина». Все мои знакомые так и говорят: «Милый, открути проволоку с шампанского — у меня ногти еще не высохли». Или: «Смотри, Скиппи играет с проволочной фигой из шампанского! Как бы он себе морду не расцарапал».

Но ведь у них же должно быть какое-то специальное название, правда? Вряд ли в накладных на винном заводе пишут «фиговины проволочные, 5 ящичков по 500 штук»! И я позвонила в винодельческую компанию Christian Brothers. У них виноградники неподалеку от нас, на берегу Русской реки. Номер был занят — честно-честно! И я села рядом с телефоном, уставившись перед собой. В голове у меня крутилось, как я проезжала мимо их виноградников и как это было красиво, особенно по осени.

ЧАСТЬ III. РУКА ПОМОЩИ

Осенний виноградник — одно из самых роскошных и пышных зрелищ на свете: налитые, полные гроздья, как груди кормящей матери; листья, что прикрывают их от солнца; чувство изобилия; древний запах зрелости... Лозы так хороши, что захватывает дух. Если вы этого не замечаете, а видите только чью-то прибыль или представляете, как через месяц здесь будут догнивать упавшие виноградины, — значит, у вас серьезные проблемы с головой и надо лечиться. Хотя бы для того, чтобы увидеть: гроздья почти светятся, чуть припорошенные пылью, как легким иием или сахарной пудрой.

Я записала все это и снова набрала номер. Он опять был занят. Стоило положить трубку, как позвонил один мой друг и начал рассказывать о свежей катастрофе в его личной жизни.

— Нет-нет, — перебила я. — Давай-ка лучше поговорим о винограде.

Я прочла другу то, что написала.

— Да, — согласился он. — Гроздья — это здорово. Они правда так и светятся. Наверное, мать-природа хочет, чтобы животные прониклись красотой, сожрали виноград и потом везде какали косточками, и винограда стало бы еще больше.

Мне это ужасно понравилось, и я записала его речь на карточку. Правда, карточка долго лежала без дела; но вот я ею и воспользовалась!

Наконец я дозвонилась до секретарши и задала ей свой вопрос. Она сказала, что сама всегда называет эту штуку «проволочной фигней». И соединила меня с древним-предревным монахом. По крайней мере голос в трубке был слабый, прерывистый, одышливый. Так мог бы говорить Ной после быстрой прогулки.

Дедуля ужасно обрадовался, что я позвонила. Он сам мне так сказал, и слышно было, что это правда. Как будто он зажился на свете

так долго именно затем, чтобы дожидаться звонка, ответить на мой вопрос, повесить трубку, блаженно улыбнуться и испустить дух.

— А-а, — сказал он, когда я объяснила, что мне надо. — Это называется оплетка¹. Проволочная оплетка.

Какой богатый улов! Теперь у меня было описание виноградника, которое могло пригодиться в будущем; я осознала, как тонко мать-природа обстрипывает свои дела, и написала, что герой раскрутил проволочную оплетку и откупорил шампанское!

Я уже и не упомню, сколько человек подошли ко мне за эти десять лет после выхода книжки и сказали, что были очень рады узнать, как на самом деле называется «вон та проволочная фигня». Ладно-ладно, упомню: всего трое. Но ведь это три человека, которые выяснили то, что им давно было интересно. Ну хорошо, два человека и моя мама. Мама, конечно, тоже человек. Но всякий раз, когда я приношу ей авторский экземпляр новой книги, она замолкает и смотрит на меня мокрыми глазами. У нее на лице написано: «Это ты сама сделала? Вот умница!» — будто я показываю отпечаток моей ладошки на глине. Что ж, в каком-то смысле так и есть.

¹ Имеется в виду мюзле (фр. Muselet от museler — «надевать намордник») — проволочная уздечка, которая удерживает пробку игристых и шипучих вин.
Прим. ред.

Групповая терапия

Наше ремесло прежде всего состоит в том, чтобы каждый день садиться и писать, а еще завести привычку впитывать все, что попадает в поле зрения, воспринимать жизнь как сырье, зерно для жерновов. Это очень успокаивающая привычка — как грызть ногти. Вместо того чтобы бояться жизни, ты отстраняешься, наблюдаешь и переосмысляешь творчески. Вместо того чтобы испугаться хулиганов в метро, ты подмечаешь детали их одежды, особенности речи и поведения. Может, ты и не дойдешь до стадии, когда, видя нацеленный на тебя пистолет, начинаешь думать: «Так вот как выглядит дуло вблизи!» Но все же ты впитываешь окружающее как губка, без дымовой завесы взрослых представлений.

Ты бесконечно пишешь, перечитываешь, правишь себя, пробуешь сюжетные ходы и меняешь концовки — но вот настает момент, когда нужна отдача. Нужно, чтобы тебя прочли. Нужно опробовать текст на других людях. Узнать их мнение. Человек — животное социальное; мы должны общаться с другими представителями своего вида, а писатель подолгу сидит в своей норе наедине с текстом. Но ведь так важно знать, интересно ли твое слово кому-то, кроме тебя. Художник, месяц писавший картину, не станет прятать ее в темном углу. Он повесит ее там, где увидят люди. Так что стоит иногда выбираться на писательские семинары или симпозиумы.

Как правило, начинающий автор не знает, чего ожидать от семинара или мастер-класса по художественному письму. Кто-то хочет просто научиться писать, кто-то — писать лучше. Кто-то пишет уже давно и желает вынести свои тексты на публику. Это вполне нормальные, реалистичные цели. Есть такие, кому просто нравится тусовка: интересно быть среди творческих людей, встречаться с любимыми писателями, давать и получать советы, выслушивать чьи-то истории. Еще кто-то ходит в группу, чтобы жаловаться на неудачи и отказные письма от издателей: тогда не чувствуешь себя таким одиноким. Многие любят работать с чужими текстами, ведь это помогает понять, что нравится тебе самому, а что нет. А еще кому-то хочется получать честные, дельные и конструктивные отзывы, которых не всегда дождешься от друзей или редакторов.

Но очень, очень многие приходят с тайной надеждой, что я прочту их опусы и впаду в экстаз. Я отзываю их в сторонку после семинара и скажу, что рассказ надо всего лишь немного подправить в конце, может быть сократить ту сцену с Кэмми и утками, а потом мы сразу же пошлем текст в редакцию *New Yorker*. Нет, лучше прямо главному редактору. Он будет счастлив заполнить такой шедевр.

Однако я честно предупреждаю: это маловероятно. Конечно, бывает, что на писательском симпозиуме какой-нибудь мэтр выделяет новичка, чей текст ему понравился, и помогает начать карьеру. И мне случалось после семинара отвести одного из учеников в сторонку и сказать: «У вас неплохо получается. Поработайте вот над этим еще с полгода, а потом позвоните мне, и мы вместе посмотрим, что можно сделать». Но такое бывает редко. В основном я слушаю, подбадриваю, рассказываю людям, каково мне писать каждый день, что помогает, а что мешает. Я объясняю ученикам,

ЧАСТЬ III. РУКА ПОМОЩИ

что мне кажется удачным в их текстах — например, атмосфера или речь персонажей, — и подсказываю, где они запутались, слишком увлеклись, ушли от темы. Мы — я и остальные студенты — как медкомиссия, которой приносят тексты на общий осмотр. Иногда мы даем возможность блеснуть, иногда доброжелательно критикуем в надежде, что это поможет автору закончить рассказ или главу. Мы всегда стараемся проявить уважение к чужому труду — уже хотя бы за то, что он продан.

Но учтите: иногда у вас будет чувство, что вы сунули голову в пасть льву. На творческих семинарах и мастер-классах атмосфера обычно более доброжелательная, чем на «взрослых» симпозиумах. Но все равно бывает, что за столом сидят коллеги-писатели, которые считают своим моральным и эстетическим долгом разнести чужой текст в пух и прах. В лучшем случае вам скажут, что все повествование надо перевести в прошедшее время (а если оно уже в прошедшем, то в настоящее) или переписать от первого лица (а если оно и так от первого, то переделать от третьего). В худшем случае вы услышите, что у вас нет ни капли таланта и лучше бы вам больше никогда ничего не писать, даже собственное имя на расписках.

Были случаи, когда после симпозиумов ко мне подходили заплаканные студенты. Какой-нибудь знаменитый писатель разбирал их работы и не оставил камня на камне. Бывало, сами участники семинара критиковали друг друга так жестко, что в памяти всплывали сцены из «Повелителя мух» Голдинга¹. Прошлым летом, например, я вела занятия на крупной и престижной конференции,

¹ Уильям Голдинг (1911–1993) — английский прозаик, лауреат Нобелевской премии по литературе. «Повелитель мух» — его дебютный аллегорический роман; на русском языке впервые опубликован в начале 1970-х в журнале «Вокруг света». *Прим. пер.*

и в какой-то момент ситуация совсем вышла из-под контроля. В аудитории сидело около двадцати студентов, и один из них вслух прочел пару страниц своего текста. Автор был неопытный; рассказ он написал экспериментальный. В диалогах использовалось просторечие — конечно, довольно неумело и в целом неудачно. Текст был выдан участникам заранее, чтобы хватило времени его проработать и высказать замечания. Они и высказали: сначала объяснили, что им понравилось, что, по их мнению, удалось. Большинство считало, что просторечие было лишним, но в рассказе чувствовалась искренняя простота, которая их тронула. В общем и целом я с ними согласилась, хоть автора и перехвалили. Так что я добавила пару теплых слов, указала на неудачные места в тексте, где интонация оказалась чересчур эмоциональной, дала пару советов насчет того, как сделать текст более динамичным, и деликатно предложила доработать рассказ. Автор задал пару уточняющих вопросов; ему подали несколько конкретных идей. И вдруг руку подняла одна девушка, которая до тех пор молчала.

— Может, я сошла с ума? — спросила она. — Может, я ничего не понимаю? Я что, единственная тут думаю, что это полный бред? Там же нет ни одного нормального персонажа, таких людей вообще не бывает! И ни в одном образе нет смысла... — она говорила и говорила, а мы все смотрели на нее в оцепенении, как змея, заслышав дудочку. В словах этой девушки было много правды.

Замолкнув, она отчаянно вперилась в меня взглядом, будто призывая в свидетели. Я тоже смотрела на нее и думала, что делать. Стояла мертвая тишина.

— Вы думаете, ему вообще не нужно писать? — спросила я.

— Я думаю, не надо с ним так миндальничать. Он ничему не научится, если не говорить правду.

— То, что вы называете правдой, просто ваше личное мнение.

Бедный автор рассказа сидел и разглядывал потолок, как будто искал глазами зудящего комара. Остальные студенты смотрели на меня нервно и выжидающе. Отчасти я понимала чувства той девушки. Нужно было собрать в кулак всю свою храбрость, чтобы высказаться так откровенно. Но другая часть меня мечтала отломать у стола ножку и угрожающе помахать ею. Да, та девушка писала лучше, чем автор рассказа. Фактически все в аудитории писали лучше, чем он. Я постаралась ровно дышать и не забывать, что нужно молодым, еще не публиковавшимся писателям и для чего они приходят на такие семинары. Им нужно внимание. Им нужны предельно честные отзывы, но только без оскорблений и пренебрежения. Поэтому я подчеркнула, что автор пошел сложным путем и не побоялся рискнуть. Я сказала, что лучше метить как можно выше и учиться методом проб и ошибок и что в старости никто не восклицает: «Господи! Как я рад, что так мало рисковал! Какое счастье: я ни на что никогда не замахивался!» Я велела автору дерзать, переписать рассказ еще раз, а потом попробовать что-то новое.

Девушке я при всех сказала, что она смелая. Позже она подошла ко мне и спросила:

— Вы думаете, я чудовище, да?

Я ответила, что считаю ее поступок очень честным, а честность всегда похвальна. Но затем объяснила, что необязательно размахивать мечом истины направо и налево. Можно просто указать.

Много позже мне попало стихотворение Билла Холма¹, которое я бы хотела отправить тому юноше. К сожалению, у меня не осталось его адреса. Стихи называются «Осень в Уотертоне, Альберта»:

¹ Билл Холм (1943–2009) — американский поэт, эссеист и музыкант. *Прим. пер.*

*Ветер рвет листья с ясеня
За месяц до срока.
Утихни; жестокость твоя
всего лишь рождает музыку:
творит красоту распада,
поэзию краха.*

Имейте в виду: писательские посиделки могут быть довольно суровыми. Готовы ли вы к жесткой критике в адрес ваших текстов — да и нужна ли она вам? Но если вы чувствуете потребность в обратной связи, поощрении, дружеском подталкивании и обществе других молодых авторов, попробуйте собрать свой творческий кружок.

Я знаю студентов, которые встретились у меня на семинаре, а потом стали собираться группами по трое-четверо каждый второй четверг, или в последнее воскресенье месяца, или в любой другой день, и так уже несколько лет. Назначенная встреча — хороший стимул дописать очередной текст. Кроме того, у нашего ремесла есть издержки, например тяжелые дни, когда чувствуешь себя абсолютно одиноким. Хуже того, ощущаешь, что весь мир при деле, а ты на отшибе. Но если встретиться и поговорить с другими пишущими людьми, вспоминаешь, что это ощущение просто часть рабочего процесса. Оно неизбежно.

Разговоры о работе часто вызывают у писателей нервное расстройство. Никто толком не знает, как именно у нас все происходит, — в том числе и мы сами. Очень помогает, если есть честный и великодушный человек, которому можно позвонить и отвести душу, которому вы доверяете, который не станет язвить. Когда всерьез скрутит творческий кризис, не хочется даже думать про шуточки вроде «астрологи объявили неделю неудач длиной лет

в семь». И если лезут с советами, становится только хуже. Нужны только терпение и ободрение. Надо почувствовать, что в тебя верят, что на тебе еще не поставили крест. Именно это может обеспечить писательский кружок.

Как его основать? Можно пойти на писательский семинар, наметить людей, чьи тексты вам особенно понравятся и с кем будет приятно общаться, и спросить, не хотят ли они собираться раз в месяц, чтобы читать и обсуждать друг друга, немножко сплетничать и вообще говорить о литературе. А что, если они откажутся? Что ж, тогда у вас два пути. Либо звоните Джеку Кеворкяну¹ и записывайтесь на эвтаназию, либо повторяйте попытки, пока не найдутся два-три человека, готовых поддержать ваше начинание.

Некоторые студенты вешают листовки на информационных стендах в университете и объявляют о создании группы для начинающих писателей или авторов с готовыми текстами, мечтающих о публикации. У большинства в итоге сложились вполне рабочие сообщества, которые дали им дружескую поддержку и радость общения. Мои приятели, увлекающиеся эзотерикой, считают, что на их запрос ответила сама Вселенная. Мне эта мысль *очень нравится*: так и представляю, как они отправляют заявку — «просим предоставить нам группу для совместных занятий творчеством», — а Вселенная листает каталог и подбирает кандидатов. Кстати, у *всех* из них образовались замечательно продуктивные группы. Так что кто его знает...

¹ Джейкоб Кеворкян (1928–2011) — американский врач, популяризатор эвтаназии, идеи которого решительно осуждали медицинское сообщество и власти США. Прозвища — Доктор Джек, Доктор Смерть, Доктор Суицид. В 1999 году был осужден за убийство, в 2007-м досрочно выпущен на свободу за хорошее поведение. *Прим. пер.*

На мой семинар ходили три женщины и мужчина, которые работают вместе уже четыре года. Я часто вижу их в книжных магазинах или кафе: они сидят за столиком, попивают кофе или вино и читают друг другу свои тексты. Потом обмениваются мнениями, критикуют и хвалят, задают вопросы и решают, что делать дальше. Они не правят друг другу рукописи — об этом поговорим в следующей главе, — но устраивают совместные читки и обеспечивают моральную поддержку.

Иногда они заглядывают на мои занятия, как выпускники на баскетбольные тренировки к первокурсникам. Обычно их визиты кончаются вдохновляющими беседами о том, как здорово ходить в творческую группу, как это помогает в работе, как они все привязались друг к другу. Раньше это были четыре одиноких, нервных и немного угрюмых человека, которые мечтали писать. Теперь они стали своего рода семьей — мы ведь часто находим или назначаем себе братьев по духу. Они очень нежно относятся друг к другу. Это уже не те мажоры-интеллектуалы, что когда-то сидели на моем семинаре. Ведь когда помогаешь другим, сердце становится больше, а большое сердце всегда очень ранимое, оно не защищается, не прячет себя от мира. Оно открыто, как родничок на голове младенца; видно, как внутри пульсирует душа. Вот и в них четверых теперь виден этот пульс.

Все четверо стали прекрасными писателями, однако публикации добилась только одна из женщин, причем вышла у нее всего-навсего статья. Но знаете что? Они обожают друг друга; столько лет спустя они с нетерпением ждут каждой новой встречи. Они не просто отточили мастерство, они выросли душой благодаря совместной работе. Почти всегда, если кто-то один на грани срыва и готов все бросить, другой в это время переживает взлет и готов помочь. Пока они

держатся на плаву, никто еще не махнул на писательство рукой. Впрочем, на прошлой неделе мне позвонила одна из их группы — та самая женщина, у которой вышла статья, — и сказала, что, пожалуй, сдается. Издатели до сих пор не взяли у нее ничего нового. Каким-то потусторонним голосом она заявила, что теперь можно снова начать пить, хоть она и завязала семь лет назад, и предложила мне присоединиться, ведь я тоже уже семь лет как не пью. Она собиралась заехать за мной и Сэмом, а потом ездить по городу, пока мы не найдем бар, где присматривают за детьми посетителей.

Я сочувственно похмыкала и напомнила, что у нее уже бывали такие черные полосы. «Пиши понемножку», — шептала я. Пиши «мусорные» черновики, ничего страшного. Она заскулила в трубку. Я спросила, не поможет ли кто-то из их группы. «Нет, — сказала она. — Я не стану им звонить, у них все хорошо, была очень удачная неделя, и наверняка они на выходных соберутся без меня, будут смеяться за моей спиной и рассказывать про меня всякие дурацкие истории».

Я велела ей записать все свои переживания. Одиночество и паранойя могут быть прекрасным творческим материалом. Она сказала, что у нее нет паранойи. Просто ей кажется, что друзья собираются без нее и злословят.

В эту самую минуту ей позвонили на другой номер. Оказалось, что это участник их группы, который тоже впал в депрессию. Моя собеседница извинилась и обещала перезвонить позже, но так и не объявилась до конца дня. В итоге я набрала ее номер сама — опасалась, что она сидит где-нибудь у себя в гараже в машине с включенным двигателем и слушает старые записи Лесли Гор¹. Но тут выяснилось, что звонивший ей друг действительно

¹ Лесли Гор (род. 1946) — американская поп-певица, прославившаяся в 1960-х.
Прим. ред.

в тяжелой депрессии, его положили в больницу и у него — прекрасного писателя с удивительным чувством юмора — было очень тяжелое, беспросветное детство. Она долго с ним говорила, объясняла, как твердо верит в него и его талант, а потом, повесив трубку, села за собственную книгу. Дело пошло так хорошо, что она писала до тех пор, пока я не позвонила и не оторвала ее от работы.

Читатель для черновиков

Когда-то давно в New Yorker промелькнула такая карикатура: двое мужчин сидят на диванчике во время оживленного фуршета и разговаривают. Один из них бородат и выглядит как типичный писатель. Другой похож на нормального человека. Писатель говорит: «Мы с издательством никак не найдем общего языка. Я хочу шестизначный аванс, а они отказываются читать рукопись!»

Может, я и не всегда права, но тут ставлю что угодно: он не показывает свои тексты другим писателям, прежде чем нести в издательство. Вероятно, считает себя выше этого.

Всякий раз, когда я выступаю на писательском симпозиуме и упоминаю о том, как полезно выносить на обсуждение свои наброски, ко мне обязательно подходит какой-нибудь именитый писатель постарше меня и говорит, что никогда в жизни не стал бы показывать кому-то свой текст, пока он не закончен. Это очень плохой совет, и я не должна больше врать студентам, что это им поможет. В таких случаях я просто улыбаюсь загадочно, как гейша, и всем видом выражаю полное понимание. А потом снова говорю ученикам, чтобы постарались найти кого-то, кто согласится прочесть их текст и сможет высказать дельные замечания. Вряд ли он скажет, чего именно не хватает в вашей истории или что в ней не так, но чаще всего удел писателя — ошибаться и блуждать. Любую историю можно рассказать по-разному, и человеку со стороны проще понять, удалось ли вам нащупать подходящий способ.

Я не предлагаю вам искать еще одного писателя, вместе садиться за стол и сочинять на пару, как два детсадовца за аппликациями. И не нужно умиляться над чужим текстом, будто это ваш ребенок впервые нацарапал свое имя. Но, вероятнее всего, в мире найдется кто-то — ваш супруг или близкий друг, например, — кто прочтет текст и честно выскажет мнение, объяснит, что получилось, а что нет, что можно выбросить, а что стоит развить и добавить, чтобы текст заиграл новыми красками.

В самом первом рассказе Дональда Бартельма¹, который я прочла, было сказано, что правда — яблоко, его трудно бросить и трудно поймать. Я знаю, как это болезненно: долго работаешь над чем-то, вроде бы доводишь до ума, даешь кому-то прочесть в надежде на одобрение — а слышишь, что пока сыровато, надо подумать еще. Поневоле задумаешься: нужен ли тебе такой друг, или муж, или родственник! Пожалуй, простительно в первую минуту решить, что не нужен. Но потом обычно остываешь и осознаешь, какое это чудо: у тебя есть человек, чьи вкусы внушают доверие (он же любит тебя и твою писанину!), который скажет тебе правду и наставит на путь истинный или поможет на него вернуться, когда оступишься.

Я всегда прошу двух-трех друзей прочесть мой текст, прежде чем слать его редактору или издателю. Попробовав что-то на живых людях, чувствуешь себя спокойней и уверенней. Эти двое или трое как повитухи: у меня внутри живут образы, истории, картинки, воспоминания; только я могу их породить. Чисто теоретически я справилась бы и сама, но лучше бы кто-то помог им появиться на свет. У меня есть подруги, которые рожали без наркоза и даже без

¹ Дональд Бартельм (1931–1989) — американский писатель-постмодернист.
Прим. пер.

ЧАСТЬ III. РУКА ПОМОЩИ

местной анестезии и считают, что только так можно прочувствовать великое таинство родов. Но по мне обезболивание — одно из величайших достояний западной цивилизации наряду с вакциной от полиомиелита и отделом готовых салатов в супермаркетах. Конечно, все зависит от конкретного человека. Что работает для меня, может не сработать для вас. Но отклик близких людей, которым я доверяю, добавляет веры в себя или хотя бы дает стимул работать лучше. Представьте, что собираетесь в гости и среди близких есть кто-то, кто посмотрит и скажет, что вы прекрасно выглядите или, наоборот, что платье совсем капельку вас полнит, а от красного цвета как будто сыпь на лице. Конечно, на секунду вы расстроитесь, но потом порадуетесь, что узнали это еще дома и есть время переодеться.

У одного из лучших известных мне авторов есть жена; она читает все его тексты и говорит, что ей понравилось, а что не очень и почему. Она практически его соавтор. Еще двое знакомых писателей вычитывают друг друга. Из моей пары читателей один тоже пишет; это мой близкий друг и по совместительству один из самых тяжелых нервнобольных в нашей галактике. Вторая работает в библиотеке и проглатывает по две-три книги в неделю, но сама в жизни не написала ни единого слова. Обычно я сижу над текстом, пока не почувствую, что он готов, а потом отсылаю его кому-то из них двоих. Об этом мы договариваемся заранее.

Я всегда шлю рукописи экспресс-почтой, потому что сил не хватает ждать доставки. Весь следующий день я не нахожу себе места, мечусь по дому, нервно (и много) ем и просто схожу с ума, если не получаю вердикта до полудня. Сперва я думаю, что все ужасно, но они стесняются мне это сказать. Потом начинаю припоминать их недостатки, злюсь, мрачно думаю: ничего странного,

что у них обоих так мало друзей. Наконец звонит телефон, и мне говорят что-то в духе: знаешь, очень сильная вещь, все здорово, только надо бы подправить пару моментов.

На этой стадии я благосклонно принимаю замечания — ведь у меня гора падает с плеч от слов, что «вещь сильная» и все получилось. Я бодро интересуюсь, что стоило бы подтянуть и доработать. И тут наступает скользкий момент. Мне говорят, например, что вся первая половина затянута и ее сложно было освоить, но на тридцать восьмой странице дело пошло и потом от книжки уже не оторваться. Все остальное глотается залпом — только концовка странная, и непонятно, действительно персонаж руководствовался именно такими побуждениями или лучше бы... хм... сесть и еще подумать, что было у него в голове.

Когда на меня обрушивают лавину советов и предложений, я редко думаю: какое счастье, что есть в мире люди, которые скажут правду в глаза и помогут достичь совершенства. Нет, в первый момент, конечно, язык так и чешется рывкнуть что-то вроде: сам ты дурак, и характер у тебя дурацкий, я с тобой больше не дружу.

Иногда я просто теряю дар речи и падаю духом, как будто мне заявили, что мой сын — избалованный урод и зануда и его надо сдать в приют. Критику воспринимать очень тяжело. Но потом мои друзья-мучители обычно предлагают вместе пройти по всему тексту, строчка за строчкой, страница за страницей. Я сдавленным голосом говорю: «Спасибо, не надо, как-нибудь справлюсь сама». Однако чаще всего им удается меня убедить, мы берем рукопись и садимся у телефона. Если долго читать и обсуждать, друзья почти всегда находят места, где текст можно сделать сильнее, смешнее, правдоподобнее, интереснее — или хотя бы менее скучным. У них бывают и конкретные идеи насчет того, как поступить. Под конец я вздыхаю с облегчением и даже благодарностью.

Когда проверенный, разумный человек озвучивает свое мнение, начинаешь понимать, как действуют на читателя твои тексты. Тогда легче вносить окончательную правку. Если вы впервые в жизни собираетесь послать свое произведение в издательство, лучше не рисковать и не отправлять сырой текст. Для начала проверьте его на людях.

Книге всегда нужна правка, и вы должны как можно больше сделать своими силами. Иногда надо просто поработать над интонацией, а иногда приходится полностью поменять образ героя. Бывает, читателю нравится настроение, чувство, материал, но возникает впечатление, что текст совершенно не готов. Конечно, вас это огорчит и разочарует, но опять же лучше услышать это от друзей и близких, чем от редакторов и агентов.

Однажды Марианна Уильямсон¹ при мне сказала: «Когда распахиваешь душу навстречу Богу, обычно думаешь, что Господь войдет, осмотрится, решит, что душу надо слегка прибрать, подремонтировать, обставить как следует — а так ничего, жить можно». И вот несколько месяцев сидишь и радуешься, что у тебя теперь Бог в душе, и жизнь прекрасна. Потом смотришь в окно, а там — бульдозеры: оказывается, Господь решил, что у тебя все прогнило до основания. Придется снести и отстроить заново. Именно так бывает, когда дашь кому-нибудь почитать свой роман. Вроде человеку и понравилось, только все надо переделать — а может, и начать с нуля.

«Где же мне найти такого читателя?» — часто спрашивают студенты. Да там же, где ищите людей для писательского кружка. Только в этом случае нужен один партнер, а не группа. Если

¹ Марианна Уильямсон (род. 1952) — американская писательница и проповедница.
Прим. пер.

ходите на семинар, присмотритесь к соученикам. Вероятно, есть человек, чьи тексты вам нравятся, да и по качеству близки к вашим. Пригласите его на кофе и посмотрите, комфортно ли будет общаться наедине. Это почти как свидание: сразу одолевают кошмарные воспоминания о седьмом-восьмом классе школы. Если вас отошлют, сначала заберитесь в машину, а потом уже впадайте в отчаяние, рвите на себе волосы и войте волком. Предварительно проверьте, не дошел ли тот человек за вами до машины. Впрочем, это не так важно: вы ведь больше не обязаны поддерживать с ним теплые отношения. Зачем вам эта неблагодарная скотина? Если расстроитесь всерьез, сходите к психотерапевту, а потом позовите на кофе кого-нибудь, кто располагает к себе больше, чем предыдущий хам.

Если вы точно знаете, что умному и приятному в общении человеку нравятся ваши тексты, спросите, не согласится ли он просмотреть главу из нового романа или рассказ. Может быть, он и сам пишет; тогда предложите прочесть его наброски. Откажется — ведите себя корректно и дружелюбно, чтобы окончательно не упасть в его глазах. Потом можете хоть поселиться на стоянке у дома психотерапевта, пока не наберетесь сил поискать кого-то еще.

Второй популярный вопрос от студентов: а вдруг я найду человека, который согласится читать мои тексты, я в ответ соглашусь читать его, а он возьмет и скажет, что у меня все плохо? Может быть, даже вежливо, тактично — но ведь эффект все равно будет ужасный. Да, вы почувствуете себя преданным и отвергнутым. Ведь вы написали такую умную, прекрасную вещь, обнажили душу и сердце, а он говорит, что это все гроша ломаного не стоит. Очень извиняется, очень сожалеет, но говорит.

Не верьте таким извинениям. Если человек разнес ваш текст в пух и прах и смешал вас с грязью, скорее всего, он получил

от этого садистское удовольствие. Не общайтесь больше с ним, даже если это ваш супруг. Не позволяйте унижать себя. Допустим, вы впервые в жизни написали большой текст и пытаетесь понять, можно ли надеяться на публикацию. Даже если нельзя, пусть вам скажут об этом мягко, но без снисходительных ноток. Пусть после разговора у вас сохранится желание работать — может, не над этим конкретным текстом, но хотя бы писать вообще. Человек, который желает добра, обычно советует показать текст еще кому-нибудь и узнать другие мнения. Если вам безапелляционно заявят «нет, бросай» — лучше бросьте сказавшего. Вы бы стали терпеть, если бы таким тоном обратились к вашему ребенку? Если бы ему сказали, например, что он плохо рисует и нечего даже браться за карандаш или что его стихи отвратительны? Конечно, не стали бы. Вы бы тут же поставили обидчика на место. Зачем же терпеть, если так поступят с вами, зачем продолжать общение со всякими злобными типами? Не тратьте на них время и нервы.

Боюсь, Иисус напивается на сон грядущий, когда слышит от меня что-то подобное. Но за месяц до смерти моя подруга Пэмми сказала кое-что, и это сильно изменило мою жизнь.

Мы ходили по магазинам и подбирали мне платье — надеть на свидание с моим тогдашним кавалером. То есть я ходила, а Пэмми ездила в инвалидной коляске; на голове у нее был кудрявый парик, а в глазах читалось, что ей море по колено. Я примерила короткое сиреневое платье; вообще это не мой стиль, обычно я ношу что-то мешковатое на пару размеров больше, чем надо. Мне не раз говорили, что я одеваюсь как Джон Гудмен¹. Но то платье сидело как

¹ Джон Гудмен (род. 1952) — американский комедийный актер, продюсер, человек крупных габаритов. *Прим. ред.*

влитое, и я вышла из кабинки показаться Пэмми. Я стояла перед ней довольная, но смущенная, и наконец спросила:

— У меня в нем бедра не очень широкие?

Пэмми задумчиво ответила:

— Энни, тебе не кажется, что жизнь слишком коротка для такой фигни?

Мне кажется, что жизнь и правда слишком коротка. Когда можно писать — надо писать, а не бояться, что выйдет плохо. Не нужно тратить время на людей, которые не находят для вас доброты и уважения, вокруг которых надо ходить на цыпочках, затаив дыхание. Нельзя вздохнуть полной грудью, если живете затаясь. А писать — значит дышать полной грудью, впитывать в себя образы, мысли, запахи. Они должны вливаться в вас потоком. Для этого нужно бороться с пустотой, а писатели очень часто не справляются с ней без помощи и поддержки друзей и близких.

На моих семинарах всегда бывает пара зеленых новичков; им жизненно необходимы люди, которые прочтут их пробы пера, причем с интересом и уважением. Новичок обычно пытается всю свою жизнь втиснуть в десять страниц и неизменно пишет о себе, даже если делает главную героиню цирковой наездницей, у которой слезливая мать-алкоголичка. Но постепенно он осваивает правила игры, главное — не дать ему сломаться в процессе.

Посмотрите вокруг, и вы наверняка найдете нужного человека. Почти у всех моих знакомых писателей есть такой друг-критик. Вы сами почувствуете, когда встретите своего идеального читателя; это почти как найти спутника жизни, свою вторую половинку. Постепенно начинаешь понимать, что именно этого человека ждал всю жизнь и теперь наконец все будет так, как задумано.

Письма

Когда не знаешь, чем заняться, в голову не приходит ни единой мысли, зато одолевают скука, отчаяние и презрение к себе, но при этом никак не получается оставить текст в покое и подождать лучших времен, можно попробовать такой прием. Расскажите часть истории — например, жизнь одного из персонажей — в форме письма. Не исключено, что вольный слог поможет сбросить иго перфекционизма.

Адресуйте письмо своим детям, если они есть, или племянникам, или кому-то из друзей. Надпишите почтовый адрес, обратитесь к человеку по имени — все как положено. Объясните, что хотели бы рассказать одну историю — поделиться, облегчить душу, потому что дело очень важное.

Самые удачные тексты, что рождались на моих семинарах, писали люди, которые хотели рассказать детям про свою юность или ранние годы самих детей. Какой была жизнь до того, как дети родились, какой стала после? В каком доме сначала жила их семья — например, у подножия холма рядом с белой церквушкой. Или их отец служил миротворцем в дикой африканской деревне, а дедушка плавал на китобойном судне в 1940-х. Помню, на занятия ходил мужчина, который вырос в очень суровой семье баптистов. Они даже устраивали ритуальные омовения ног. Так он написал своим потомкам письмо на двести страниц: про его детство на Юге и про то, как он

оттуда сбежал, а потом попал к китобоям на Аляске и там обрел Бога, а однажды в порту наткнулся на собственную мать. Одна женщина написала рассказ в форме письма дочери — про жизнь американки китайского происхождения, которая поехала работать медсестрой в Сан-Паулу. Там было все, что она помнила, что довелось увидеть, услышать, почувствовать, пережить. Часть рассказа она прочла вслух на занятиях. Текст был очень хорош: душевный, местами смешной, местами очень грустный. Слушатели плакали. Потом эта женщина написала роман, и в основу сюжета легло то самое письмо.

Как-то мне предложили написать в один журнал статью про «Гигантов»¹ — а я болею за них всю жизнь, сколько себя помню. Но груз ответственности перед редакцией вдруг парализовал мой мозг. Единственное, что всплыло в памяти, — как я однажды зашла на кухню в маленьком кофейно-коричневом доме, где выросла, а мама и старший брат склонились над радиоприемником и слушали трансляцию игры «Гигантов». Они слушали так внимательно и напряженно, будто это был не матч, а первая сводка о нападении на Перл-Харбор. Меня потянуло рассказать Сэму про то, каково быть заядлой болельщицей: обидно, если эта часть моей жизни пройдет мимо него! Но в голове, как назло, застрял тот единственный эпизод, и все. Поэтому я принялась расспрашивать других болельщиков, и постепенно память стала возвращаться. Огромное залитое светом зеленое поле на стадионе Кэндлстик-Парк, настоящая волшебная страна! Мы шли туда, как в Изумрудный город. Помню, как я волновалась: ведь поле такое большое, на нем бы двадцать игроков разместить, а их только три!

¹ «Гиганты Сан-Франциско» (San Francisco Giants) — один из крупнейших американских бейсбольных клубов. *Прим. пер.*

«Дорогой Сэм, — начала я письмо, — хочу рассказать тебе, как я обожала “Гигантов из Сан-Франциско”, когда была маленькая». Вместо сурового и скептического редактора, заглядывающего через плечо, я представила сына: как он когда-нибудь найдет письмо, сядет читать и порадует, что я все это записала. Оказалось, я помню так много: странный красный цвет земли на дорожках; грохот бит на тренировках — будто на стрельбище; чувство, что ты часть единого организма, в котором бьется общий пульс. Я обзвонила друзей, и мы сравнили впечатления: каково было ощущать, будто ты участник огромной битвы, где побеждают и проигрывают, где есть триумфаторы и посрамленные (и в кои-то веки посрамленный не ты). Все это я изложила в письме Сэму. Я нашла людей, которые помнили невероятно высокие подачи Хуана Маришала, помнили Вилли Маккови — лучшего питчера всех времен и народов и Гэйлорда Перри с его хитро закрученными мячами: как он вечно орал, и потел, и дрался, и был похож на мужлана-фермера из Джорджии, весь в красной грязи. А еще я вспомнила, как впервые увидела Вилли Мейса в центре поля — казалось, туда сошел Бог. Мне тогда было пять лет. Кто-то из собеседников упомянул Тито Фуэнтеса, и он как живой встал у меня перед глазами. Я была влюблена в Тито, и мечтала выйти за него замуж, и обожала скандировать «Ти-и-ито! Ти-и-ито!» вместе со всеми трибунами, и чувствовала себя героиней «Вестсайдской истории»¹.

Понемногу, воскрешая для Сэма все эти детали, я заново осознала, в чем высший смысл бейсбола: благодаря ему мы становимся собой. Мы стадные животные, общительные

¹ «Вестсайдская история» — культовый американский мюзикл 1957 года по мотивам пьесы Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта». *Прим. ред.*

и жизнерадостные по своей природе. Но возраст, воспитание и житейские тяготы разводят нас по отдельным ячейкам, где каждый сам выкручивается как может. И только спорт, если мы его любим, позволяет снова слиться с людьми, вернуться к животворному единству.

Это все я изложила в письме к сыну, понемногу вплетая туда факты, детали, обрывки воспоминаний. Письмо проявилось, как фотография, а потом вышел и текст статьи. Он получился яркий, живой, полный звуков, и запахов, и надежды — ведь бейсбол, как сама жизнь, движим надеждой. Иначе его бы не существовало. А еще текст был полон мной — про запас, для Сэма и его будущих детей.

Творческий кризис

Мало что вызывает столько уныния и тревоги, как пресловутый творческий кризис — фаза бесплодия и омертвения, когда перед вами лежит пустая страница, а вы смотрите на нее как зомби и чувствуете: мозг застывает, словно желе, а весь талант вытекает из тела куда-то в носок. Или берете заметки, которые недавно нацарапали на карточке или подвернувшейся папке, и видите: их как будто писал выживший из ума маньяк. При этом у вашего лучшего друга тексты расходятся как горячие пирожки: сценарии, рассказы, что-то для детей, а теперь он засел даже за роман, более того — уже почти закончил! И слова из него прут и прут, лезут и лезут, как в старой сказке: «Горшочек, не вари!»

Творческий кризис у вас обязательно будет. Вы станете перечитывать жалкие обрывки, написанные в последнее время, и с убийственной ясностью поймете: полный отстой. Стадия маниакальной производительности может резко оборваться, и окажется, что вы, как хитрый койот Вилли¹, сорвались с утеса, висите над пропастью и вот-вот вам придется посмотреть вниз. Или же вы вообще сто лет ничего не писали. Страх, что больше никогда ничего не удастся создать, нападет именно в тот момент,

¹ Персонаж американских комиксов и мультипликационного сериала «Хитрый Койот и Дорожный Бегун». *Прим. пер.*

когда вы совсем собьетесь с пути и ваши силы и вера в себя будут на нуле. Вам покажется, что написать роман — как обрушить гору при помощи бормашины. Затея выглядит безнадежной, по меньшей мере сомнительной. Вам не хватает воображения или самодисциплины даже на то, чтобы писать внятно; о том, чтобы писать интересно, и вовсе можно забыть. Каждая идея, фраза, образ уже где-то были; за душой не осталось ничего нового. Вы так свыклись, так сжились со своим текстом, что каждое слово выглядит поношенным и истертым. Писатель как пылесос: втягивает все, что видит, слышит, читает; все, что чувствует и выражает он сам и что видят, слышат, чувствуют те, кто в зоне досягаемости. Мы пересмешники, мы попугаи — мы писатели. Но когда знаешь природу и источник творчества, оно лишается волшебства. Материал кажется заурадным и обыденным; зачем говорить о том, что и без того очевидно. Чувствуешь себя так, будто пытаешься выдать растворимую лапшу за домашний обед.

Все мы проходим эту фазу. Да, кажется, что настал конец света; что ты цыпленок, которого шарахнуло водородной бомбой. Вообще «творческий кризис», по-моему, неудачное выражение, очень неточное. Если он все же творческий, почему же кризис? Ты ведь творишь. Это как если жена выгонит мужа на улицу и запретя в доме, а муж станет говорить, что у них проблемы с дверью.

Может, точнее было бы назвать эту беду «застоем»? Но само слово предполагает, что есть чему застаиваться. А проблема как раз в том, что ты пуст. Я уже говорила: пустота бывает губительна для писателя, как стыд и бессильная злоба, которые ее сопровождают. Сперва писательские боги посылают много хороших дней: хватит написать одну книгу и, может быть, даже начать вторую. Но за ними приходят недели пустоты, когда молишь о пощаде, о милости,

но писательские боги как будто отвечают: «Хватит! Не донимай нас больше! Мы что, мало тебе дали? Нам хватает своих проблем».

К сожалению, нас редко учат принятию и смирению. Нас учат решать проблемы, а не выносить их, исправлять недостатки, менять то, что не устраивает. Но если научиться принимать реальность как есть — ну да, сейчас неплодотворный период, — можно вздохнуть свободно и начать снова наполняться. Когда у моих студентов наступают бесплодные времена, я советую писать каждый день одну страницу чего-нибудь. Триста слов; пусть это будет воспоминание, сон, поток сознания, злобная тирада о том, как они ненавидят писательскую работу, — хоть что-нибудь. Просто чтобы пальцы не распухли от артрита, просто потому, что ты когда-то заключил с собой договор: писать каждый день, как бы плохо тебе ни было. Всего триста слов — пусть будут.

Почти ежедневно я напоминаю себе слова одной женщины-врача, сказанные за полгода до смерти моей подруги Пэмми. Эта женщина всегда прямо и честно отвечала на любые вопросы. Набирая ее номер в тот вечер, я очень надеялась, что она даст позитивное истолкование кое-каким переменам, которые меня встревожили. Не дала; зато сказала то, что перевернуло мою душу.

— Теперь не сводите с нее глаз. Она научит вас жить.

Я вспоминаю эту фразу, когда у меня ничего не получается. Надо жить так, будто скоро умрешь, потому что мы все там будем. Только помня о смерти, можно прочувствовать жизнь. Тот, кто сознает, что умирает, берет все от жизни — как ребенок. Каждый час у них спелый и круглый, будто яблоко. Поэтому я не таращусь уныло в монитор, не ломаю себя, не заставляю работать. Я говорю

себе: «Хм! Допустим, завтра конец. Как проведем последний день жизни?» Иногда я решаю все утро читать Уоллеса Стивенса¹, или сходить на пляж, или заняться обычными повседневными делами. От этого я снова наполняюсь идеями, образами, наблюдениями, воспоминаниями, ароматами жизни. Возможно, в предсмертный день мне захотелось бы написать что-то, но я помнила бы и о других делах, которые тоже рвалась бы совершить. Но пусть бы они были простыми и пусть бы я остро сознавала и ощущала каждую секунду.

Когда только начинаешь, видишь массу причин сдать и больше не писать. Вот почему так важно договориться с собой и обязательно заканчивать главы и рассказы, проходить весь путь целиком. В голове всегда будут звучать голоса уныния и отчаяния. «Ты несешь какой-то бред», — скажут они и, возможно, не ошибутся. Может быть, ты пока просто тренируешься, набиваешь руку. Но ведь без этого не научишься, да и нет смысла бросать тренировки, пока не покажешь хоть какой-то результат.

Я чуть было не сломалась, когда дописывала свой самый свежий роман. Получив двадцать семь разгромных рецензий на предыдущую книгу, я слегка засомневалась в собственных способностях и в радостях авторства. Но в ходе кризиса я решила, что пока займусь новыми персонажами, а не самой книгой. И я каждый день проводила какое-то время за работой: просто переносила на бумагу воспоминания о своей семье, детстве и молодости. Еще я много гуляла, ходила на концерты и выставки, читала. Как можно

¹ Уоллес Стивенс (1879–1955) — американский поэт-модернист. *Прим. пер.*

ЧАСТЬ III. РУКА ПОМОЩИ

больше времени проводила на свежем воздухе; ждала, чтобы мое подсознание приоткрыло дверь изнутри и поманило пальцем.

И вот свершилось. Если вы думаете, что это был светлый и благостный миг, я распрямилась, улыбнулась, отряхнула с рук прах дней и вернулась к работе, должна вас разочаровать. Гораздо больше это напоминало приступ дизентерии. Я сидела и спокойно занималась своими делами, как вдруг меня скрутило, потом прорвало, и я ринулась к столу, не в силах терпеть.

Отпустите бразды контроля над собственной жизнью. На самом деле все идет как надо вовсе не из-за наших усилий. Мы как те личинки, что барахтаются в воде на виду у глубоководной рыбы. Люди вроде меня это понимают, но все равно выдумывают себе законы и правила. Правила создают иллюзию власти, контроля над судьбой. А надо-то просто сказать себе: бог с ними, с правилами. Наслаждайся тем, что дано. Не обижай других личинок, угощайся водорослями, любуйся, как красиво извивается твое прозрачное тельце.

Все интересные истории давно витают где-то и ждут, что их расскажут по-новому, свежо и ярко. Марк Твен когда-то сказал: «Адам был счастливым человеком — когда ему в голову приходило что-нибудь смешное, он мог быть твердо уверен, что не повторяет чужих остроумий». Жизнь похожа на огромный завод по переработке вторсырья: думы и тревожения человечества снова и снова возникают во Вселенной. Но каждый из нас привносит что-то свое: уникальное мировосприятие; может быть, чувство юмора или внутреннюю страсть. Каждый выдает собственные смыслы. Если все человечество запоем одну и ту же песню, все равно выйдет несколько миллиардов разных версий. Кто-то станет импровизировать

и выводить рулады, а другой будет репетировать, пока не достигнет совершенства, хоть на оперную сцену выходи. Выбирай что хочешь, только помни: в каждом из нас уже есть все, чтобы рассказать свою историю внятно и интересно. Нужна только своя голова на плечах, да еще память, фактура и то, что ты увидел и впитал за прожитые годы. Настоящий творческий процесс идет в подсознании, где сидит наш вечный ребенок и складывает все элементы гигантской мозаики. Когда он будет готов доверить тебе очередную главу, или сюжетный ход, или неожиданный поступок персонажа, — он это сделает. А пока он работает — напиши свои триста слов и сходи погуляй на свежем воздухе. Если будешь набиваться в помощники, только помешаешь. Подсознание не может работать, когда кто-то дышит ему в затылок. Не нужно торопить его, пытаться: «Ну когда же? Ты скоро? Уже все?» В ответ оно только скажет: «Замолкни и отойди».

Публикация, или Для чего мы пишем}

Книга в подарок

Публикация не изменит вашу жизнь и не решит разом все проблемы. От того, что вас начнут издавать, вы не станете красивой телом или сильнее духом. Вполне вероятно, вы даже не станете богаче. Путь к публикации долог и тернист, а радость проходит быстро. Скоро мы поговорим об этом подробнее, а пока обсудим, зачем еще люди пишут. Некоторые причины могут удивить и самих писателей, причем даже тех, кто не оставляет надежду прорваться к издателям. Творчество дает многочисленные, порой неожиданные награды, позволяет изменить жизнь, переосмыслить свое место в ней, по-новому оценить ее полноту и богатство. (Хм, кажется, в Калифорнии теперь нельзя употреблять слова «полнота» и «богатство». Следует говорить «избыточный вес» и «экономическое благополучие».)

Мне довелось написать две книги, которые замышлялись как подарок — прощальный подарок близким людям. Я уже немного рассказывала о том, как у отца внезапно обнаружили рак мозга и мне в руки сам собой упал печальный сюжет. В моей истории отец и трое не очень взрослых детей жили в крошечном городке среди стареющих хиппи, обеспеченных либералов, вольных художников и обычных людей (трудно сказать, кто тут имеется в виду). И вдруг у всего семейства земля ушла из-под ног: выяснилось, что отец смертельно болен, что он пройдет путь до логического завершения и умрет.

И я стала писать про нашу новую жизнь. Я делала заметки о том, как мои братья пытались помочь папе и друг другу и как все мы старались сохранить чувство юмора, способность находить смысла в жизни, остаться честными, не прятаться от правды. Я подробно описывала наших соседей и местные пейзажи; вот когда мне пригодились старые наброски и зарисовки. Но самое ценное было, конечно, то, что переживали у меня на глазах отец и братья. Я записывала наши горькие шутки, моменты нежности, пыталась передать странное, зыбкое ощущение нашей новой реальности. Затем собрала весь материал и сделала из него серию отдельных, самодостаточных рассказов. Отец прочел их и порадовался, что наши боль, страх, горе переплавились в истории о торжестве любви и жизни. Он возвращал мне прочитанные страницы, вскидывал руку в победном жесте и улыбался. Этого мне хватало, чтобы не сломаться. В каком-то смысле я писала ему признание в любви. Отец так и не создал свою версию событий, но мне очень повезло: я успела закончить мой сборник рассказов, пока его мозг еще работал. Папа прочел все до конца. Он уходил, зная, что его история остается на Земле.

Был и еще один стимул: в те дни мне ужасно не хватало книг, где о раковых больных рассказывалось бы познавательно, но не трагично. Их очень мало. Вообще-то мне попалась всего одна — «Отголоски смертности» Вайолет Вайнгартен¹. Это были дневниковые записи о химиотерапии; из них я взяла эпиграф к своим рассказам: «Жизнь коротка, но тебе повезло. На твой век дерьма хватит». Я перечла эту книгу, наверное, тысячу раз; я зачитывала отрывки братьям по телефону; потом пошла

¹ Weingarten V. *Intimations of Mortality*. Knopf, 1978.

в библиотеку и спросила: «А у вас есть еще смешные книжки про рак?» На лице библиотекарши явно читалось: «Ага, вон там целый вагон, рядом с комедиями про паралич и лихорадку!» В общем, ничего не нашлось. И мне показалось, что книга о нас, о том, как мы старались не падать духом перед лицом полной катастрофы, могла бы помочь другим людям, в чью семью пришла болезнь. Вот что я хотела сделать: рассказать нашу семейную историю. Ведь у нас были прекрасные друзья, и благодаря их поддержке горе и страх перемежались, разбавлялись смехом и радостью. Отец счастливо прожил последние месяцы; могу даже сказать, что он умер счастливым. Да, это было чудовищно тяжелое время, но по-своему светлое.

Конечно, моя книга понравилась не всем; некоторые отзывы были разгромными. Один критик из Санта-Барбары даже написал, что мы со своим черным юмором — прямо какая-то семейка Адамс¹, двинутая на эзотерику. Мой редактор прислал нам эту статью с комментарием: «Видимо, у них в Санта-Барбаре люди не умирают».

Пятнадцать лет спустя моей подруге Пэмми поставили диагноз «рак молочной железы». Я вела дневник о жизни маленького сына, которого Пэмми помогала растить, потому о ней упоминалось во многих заметках. И вдруг выяснилось, что она уже недолго будет рядом. Так что я начала перепечатывать рукописные заметки и отправлять их литагенту. Сэм рос; Пэмми слабела; я писала в бешеном темпе, чтобы Пэмми успела прочесть готовую книгу. Мне опять повезло: я закончила текст за четыре месяца до ее смерти.

¹ Инфернально-колдовская семья, герои одноименной черной комедии Барри Зонненфельда (1991 год) и сериала 1960-х годов по мотивам комиксов Чарльза Адамса. *Прим. ред.*

Это тоже было признание в любви — к Сэму, к Пэмми и ее дочке Ребекке. Пэмми знала, что, когда ее самой не будет, останется книга. А это своего рода бессмертие.

Опять же, когда я вела дневник про Сэма, мне думалось: может, он пригодится другим матерям-одиночкам. Когда родился сын, мне не удалось найти книг, которые правдиво и с юмором представляли бы детские болезни, проблемы одиноких матерей, да и просто родительские будни. Есть прекрасные пособия по уходу за детьми и их воспитанию, но они все очень серьезные и рациональные, к тому же умалчивают о темной стороне материнства. Делайте то, делайте это, и колики пройдут, малыш успокоится, жизнь войдет в свою колею. Но ведь это неправда. Завести ребенка — все равно что нарваться на плохих соседей в общежитии: как будто к тебе в комнату подселили похмельную Дженис Джоплин, страдающую от ПМС. В книгах по уходу за ребенком то и дело советуют включать тихую музыку или звуки природы: дескать, это успокаивает. Когда Сэм начинал плакать, я садилась рядом и запускала какую-нибудь запись с журчанием ночной реки, сверчками и лягушками. Ребенок смотрел так, будто хотел сказать: «Ты что, с ума сошла? Поставь мне еще акульку драку!» И переходил с плача на самый *натуральный* ор.

Как бы мне полегчало, если бы я прочла записки еще одной матери, где она честно признавалась: да, иногда хочется схватить этого чертова ребенка за ноги и зашвырнуть куда подальше! Вот я и села писать сама — чтобы сделать подарок другим женщинам, оказавшимся в похожей ситуации.

Еще мне бы очень помогла книга о том, что делать, если лучшей подруге поставили смертельный диагноз. Причем спокойная, реалистичная и с юмором. И я попыталась объединить эти две темы, написать сразу про Сэма и про Пэмми. Книга задумывалась как

подарок им обоим и всем людям, которые узнали бы в них кого-то близкого.

Пару лет спустя, когда Пэмми уже умерла, у наших с ней друзей родился ребенок. Он был так тяжело болен, что прожил всего пять месяцев. Я начала бояться, не разношу ли смерть как заразу. Мы с Сэмом много времени проводили с этой парой и их маленьким сыном. Они прекрасно держались и очень многому меня научили. И тот умирающий малыш тоже так много заставил меня понять, что хотелось рассказать об этом другим людям. Я решила сделать подарок родителям: книгу, в которой будет жить их ребенок. И все недолгие месяцы, что протянул Брайс, я делала заметки на карточках, не зная даже, использую ли их. Я старалась анализировать собственную реакцию: как я ловлю себя на том, что замыкаюсь в надежде уберечься от боли, хотя куда надежнее открыть сердце нараспашку — ведь тогда сохранится связь с любовью, с самой жизнью. Я наблюдала, как Сэм смотрит на Брайса, и многое записывала на карточки. Мне было тревожно и даже совестно, что я столько пишу о боли и смерти, но заметок своих я не бросала.

Брайс умер в мае. Месяц или два спустя мне предложили записать трехминутную зарисовку для одной радиопередачи; тему разрешили брать любую. Я пошла к родителям Брайса и спросила, можно ли рассказать про их сына. Они не возражали, даже наоборот. И вот я обложилась карточками, мысленно взяла рамку пять на восемь и начала.

В прошлом месяце Сэм впервые увидел смерть. У моих друзей умер маленький ребенок, и мы целое утро провели с ними у гроба. Их сыну было всего пять месяцев, и весил он три с половиной

килограмма — меньше, чем когда родился. На него надели белую крестильную рубашку и уложили в большую корзину, осыпав лепестками роз. Он и сам был белый, как роза. Его мать — буддистка, а отец — христианин, поэтому везде были цветы, фигурки Будды, портреты Далай-ламы и распятия. Брайс был похож на маленького расстроенного ангела из какой-то снежной страны. Мы не могли отвести от него глаз — даже Сэм. Он был похож на Бога.

— Ты что, с ума сошла? — спрашивали мои родственники, когда я им рассказывала про Брайса. — Зачем ты потащила туда Сэма?

Судя по тону, подразумевалось продолжение в духе: «Ну и куда ты потащишь его в следующий раз? Смотреть операцию на мозге?»

Сама не знаю, почему мне показалось правильным пойти туда с ребенком. Возможно, потому что мне с раннего детства внушали страх перед болезнью и смертью (особенно ранней — и, как ни странно, перед старостью). По-моему, это сильно осложнило мне жизнь. Как любая мать, я хочу, чтоб сыну жилось легче.

Многие мои друзья умерли от рака и СПИДа. Но Брайс был первым покойником, которого увидел Сэм. По-моему, сын его не испугался. Вероятно, дело в том, что мертвый Брайс был очень красив. Он вообще покойник со стажем — можно сказать, профессионал. Он уже один раз умер при рождении; его вернули к жизни семь минут спустя, но, как выяснилось, слишком поздно. Он чересчур долго пробыл мертвым. Его темно-серые глазенки всегда оставались открытыми, он никогда не плакал, не улыбался и, кажется, даже не мигал.

Друзья его мамы, буддисты, называли его «Облачный мальчик». Это потому, что он завис на полдороге между небом и землей. Друзья его папы, христиане, много помогали по хозяйству. Все по очереди носили его на руках и баюкали. Мы с Сэмом часто читали ему сказки, в основном доктора Сьюза.

— Брайс хороший, — однажды заявил Сэм его родителям. Они привезли ребенка домой, когда ему было три недели, хоть и не представляли, что с ним делать. Просто не хотели, чтобы он умер в больнице. Решили: пусть хоть будет дома с ними и с их друзьями. Я очень рада, что видела и пережила все это. Некоторые считали, что Брайса надо было оставить в больнице и что его родители ненормальные, раз этого не понимают. Другим — мне в том числе — чудилась в ребенке какая-то благодать, не зависящая от возраста, характера и обстоятельств.

— Он хороший, только странный, — сказал Сэм как-то в машине (мы с ним ехали домой, навестив Брайса и почитав ему книжку).

Когда Брайс умер, мне позвонили его родители и спросили, придем ли мы с Сэмом. Они были грустны, но держались неплохо. Сэм принес малышу два подарка и положил к нему в корзинку. Первый — мяч: а вдруг там, в том мире, можно будет поиграть! Второй — модель Delorean, машины времени из фильма «Назад в будущее». Мы с родителями Брайса до сих пор чешем в затылке, когда вспоминаем ее.

Когда поминки закончились, я отвела сына в местный боулинг — тоже первый раз в его жизни. В этом было что-то такое абсурдное и настоящее, что почти граничило со святостью. Мы целый час катали шары на детской дорожке. «Куда ты его отвела?!» — спрашивала потом моя родня. А я не могла толком объяснить, зачем это сделала. Наверное, мне хотелось стряхнуть торжественную мрачность, завершить цикл любви и смерти. Боулинг так похож на жизнь: запускаешь мяч и некоторые кегли падают. И еще мне хотелось, чтобы сын увидел: есть вещи, которые незыблемы, сколько шаров в них ни запускай.

Все это я прочла родителям Брайса, прежде чем идти в студию. Они обзвонили всех своих знакомых и рассказали про передачу,

а потом записали эфир. Да, сын всегда будет жить в их сердцах, а папа и Пэмми — в моем. Возможно, это единственная подлинная форма бессмертия. И все же я понимаю, зачем нужно писать портреты любимых людей: чтобы остановить мгновения невыразимой красоты — те самые, что меняют нас, делают глубже.

Тони Моррисон¹ говорила: «Свобода нужна для того, чтобы освобождать других». Если вы сумели вырваться из рабства, порвать цепи, что приковывали вас к человеку или образу жизни, — расскажите об этом. Рискните, попробуйте освободить кого-то еще. Не все будут этому рады. Родственники чаще всего считают, что лучше держать язык за зубами. Ну и что с того? Выложите все как есть, выплесните на страницу. Накропайте паршивый, отстойный, слезливый, истеричный черновик, а потом по возможности избавьтесь от излишеств.

Помните мой юношеский шедевр — рассказ под названием «Арнольд»? Признаюсь: на самом деле я не только терроризировала литагента новыми вариантами. Я еще и послала рукопись редактору одного крупного журнала. Он вернул рассказ с такой запиской: «Далеко не все, что с вами происходит, кому-то интересно». Конечно, я чуть не сгорела со стыда. Но эти слова помогли в одном: они меня не остановили. Да, я с трудом заставила себя взяться за рассказ о папиных последних днях, потому что тот редактор указал мне на ошибку и был во многом прав. Но я изо всех сил постаралась ее не повторить. Поэтому, записав то, что мы пережили, я изъела

¹ Тони Моррисон (род. 1931) — афроамериканская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе. *Прим. пер.*

из текста все куски, проникнутые жалостью к себе. Я не пыталась въехать на этой книге в вечность, я только хотела написать об отце так, чтобы помочь и другим людям в похожей ситуации. Кому-то мой текст показался слишком личным, исповедальным, но мнение этих людей меня не волнует. Мне довелось написать об отце и о лучшей подруге, а они успели это прочесть перед смертью. Представляете? Я писала для двоих читателей, которых любила и уважала и которые любили и уважали меня. В эти тексты я вложила всю душу и все мастерство, и дай мне Бог никогда не снизить планку.

Обретение голоса

Как-то я услышала любопытную запись: один актер говорил о том, как сложно в современном мире обрести Бога. Мы жаждем материальных благ — денег, имущества, красоты, власти, — потому что думаем: владеть ими и значит состояться. Но на самом деле это мишура; выписываясь из этой жизни, ее придется вернуть хозяину на небесах. «Нам все выдается во временное пользование, — говорил тот актер. — Не нужно думать, что это навсегда».

Послушав его, я стала иначе относиться к тому, что мои ученики подражают любимым писателям. Ведь на самом деле это так естественно: примерять на себя чей-то стиль. Это просто мишура; настанет время, и ее снимут с себя, вернут хозяину. Останется настоящее, то, что навсегда, — собственный голос.

Я часто прошу учеников набросать несколько строк о том, почему они хотят писать, зачем пришли на мой семинар, что привлекает их в этом занятии — порой мучительном, порой убийственно скучном. И раз за разом они отвечают что-то вроде «Я больше не стану молчать». Многие были послушными детьми, тихо сидели в сторонке и, невидимые, наблюдали ужасное. Если же они заикались кому-то об увиденном, их наказывали. Теперь же им хочется разобраться в жизни — в своей и вообще — так, чтобы их не заперли за это в чулане. Но собственный голос найти очень сложно; куда проще и соблазнительней использовать чужую манеру.

Всякий раз, когда выходит новая вещь Исабель Альенде¹, я радуюсь: есть что почитать! С другой стороны, я бешусь: половина студентов опять начнет «работать под Альенде». Не поймите превратно, мне очень нравятся ее книги, да и вообще я люблю латиноамериканских писателей. Читаешь их — и будто сидишь ночью у костра, где рассказывают замечательные, сумасшедшие, красочные истории. Здесь и птицы, и девушки, и гонги, и свистки, и колокола. Я понимаю, что студентам так нравится: в этой литературе есть что-то от примитивизма. На поверхности — буйство красок, древние, многократно проверенные символы и формы; в глубине — тонкие и сложные связи, которые не сразу и разглядишь под обманчивой внешней простотой. Будто смотришь в театре пьесу со множеством спецэффектов: бум! — и столько жизней разлетелось в клочки. Но еще важнее то, что этот стиль дает безграничный простор воображению. Как прекрасно бывает войти в такой фантастический мир! Его видишь как будто в перевернутый бинокль: все кажется крошечным, четким, насыщенным, прекрасным. В реальности все огромное, грубо вытесанное, часто уродливое. А писатели вроде Альенде берут людей, их жизни, их семьи, их тени и творят картину на все времена. В их текстах бьется живой пульс; читаешь и думаешь: да-да, жизнь именно такая.

Очень хорошо, когда студенты хотят добиться этого эффекта. Беда в том, что у них не получается, они не попадают в нужную тональность. То же самое бывает, когда через месяц-другой выходит новая книга Энн Битти² и они все начинают писать про сверкающую посуду и оконные рамы. Да, наша жизнь во многом поверхностна,

¹ Исабель Альенде (род. 1942) — чилийская писательница и журналистка. *Прим. пер.*

² Энн Битти (род. 1947) — американская писательница. *Прим. пер.*

а Битти прекрасно умеет изобразить поверхность, отполировать ее до блеска, выявить все детали. Но когда мои ученики начинают «косить под Битти», выходит что-то вялое, комнатной температуры. «Жизнь и так вялая штука, — говорю им я. — Хватит с нас комнатной температуры, давайте-ка добавим жару!» Если мы создаем мир, где все герои ездят на «фольксвагенах» и проблемы у них такие же заурядные, как машины, давайте это покажем. Если они разъезжают на своих авто по тонкому, коварному льду, я хочу чувствовать, что у них под колесами кубометры холодной воды. Тысячи очень холодных кубометров. И пусть в конце кто-то провалится и уйдет под воду. Я предпочитаю авторов, которые не боятся проломить лед и окунуться в студеной пучину жизни со всем ее беспросветным хаосом. Писатель должен видеть и показывать те зияющие пустоты, что мы стараемся прикрыть мишурой. Ведь именно там, в провалах, таятся бесчисленные возможности — например, шанс понять, кто мы на самом деле, без прикрас, без внешних атрибутов.

Настоящий, большой писатель всегда заглянет в черный провал, в ледяной омут, в тайную воронку. Нужно исследовать бездны духа: как же иначе нам увидеть их и уберечься? Когда свет озаряет пропасть, она уже не так страшна: можно устроить пляску на краю, можно кидать в нее камни, не боясь сорваться. А потом — жить дальше.

Протрезвевший друг как-то сказал мне: «Знаешь, когда я пью, я разомлевшее чудовище. А когда не пью — просто чудовище». Он описал монстра, который в нем сидит; оказалось, наши с ним внутренние монстры — близнецы-братья, только мой слегка причесан и реснички покрашены. Если вытащить наших чудищ на свет, они все удивительно похожи. Запреты, замалчивание,

с детства вбитое представление, что на скелеты в шкафу можно только деликатно намекнуть. От этого наши страшные тайны кажутся много ужасней, чем на самом деле. Осветите чудовищ лучом софита, возьмите у них публичное интервью, и выяснится: мы все грешим примерно одним и тем же, таков наш удел, такова человеческая природа. Необязательно клеймить себя и других. Можно просто сравнить впечатления.

Зачем писать? Чтобы срывать покровы. Если в доме есть комната, куда строго-настрого запретили входить, вы непременно должны попасть в нее. Иначе будете просто передвигать мебель в комнатах, где все уже видели и знаете. Люди обычно готовы костями лечь, только бы запретная дверь не распахнулась. Но дело писателя — узнать, что за ней, увидеть все мрачные тайны, о которых нельзя говорить, и облечь их в слова. И пусть у слов будет своя музыка, свой уникальный ритм.

Конечно, для этого нужен собственный неповторимый голос. Как же его обрести, как рассказать о больном и сокроенном, если за плечом всегда незримо стоят родители и читают любую вашу исповедь? Ведь они обычно запрещают открывать ту самую дверь. Их фантомный надзор замечаешь, когда в голове раздается комариный писк: «Смотри, об этом молчок!»; «Какое плохое слово, зачем ты его написал?»; «Никому не говори, что ты у себя там трогаешь, а то все будут так делать!» Вдохните поглубже, или помедитируйте, или сходите к психотерапевту, но избавьтесь от голоса строгой родни в голове. Пишите так, будто вы круглый сирота. С обвинениями в клевете разберемся позже.

— А зачем? — спрашивают меня ученики. — Зачем нам надо открывать эти двери? Зачем говорить о себе всю правду, да еще и в уникальном стиле?

Я смотрю на них пару секунд и думаю.

— Наверное, в нас это от природы. И потом, с персонажами как с детьми: если говоришь правду, значит, ты хороший. Истина требует выражения. Если замалчивать ее, она будет разжедать тебя изнутри, высосет все соки. Но если распахнуть дверь и выпустить правду на волю, приходят радость и облегчение, как будто освобождаешься сам. У гностиков было Евангелие от Фомы, слышали? Так вот, в нем старина Иисус говорит: «Кто отдает, что имеет в себе, через это спасется. Кто не отдает, что в себе имеет, через это погибнет».

Правду своей жизни можно высказать только своим голосом. Когда она облекается в чужую речь, читателям кажется, что вы надели платье с чьего-то плеча. Нельзя возопить из чужой бездны. Конечно, иногда мы берем поносить чьи-то вещи; они бывают уютными, теплыми, красивыми. Писательский «маскарад» помогает расслабиться, поиграть, попробовать разные стили и ритмы, влиться в стихию языка. Но все, что вы поведаете из-под маски, будет абстрактным, оторванным от реальности. Житейский опыт вообще не перекладывается на чужой мотив, не поется на чужой лад. Отрекись от собственного голоса — отделишься от того, что видел и знаешь.

Истина, или реальность, — называйте как хотите — опора людского бытия. У нас в церкви есть один темнокожий проповедник; ему вот-вот стукнет сто. На прошлой неделе он громогласно изрек: «Бог — ваш единственный дом!» Мне это запало в душу; видимо, потому, что самые интересные персонажи, с какими я работала (включая меня саму), всегда были бездомными и неприкаянными. Большое счастье, если у тебя на глазах распахивается чья-то тайная дверь. Тогда видишь: обнажается вовсе не низменная сущность, а простая человеческая суть. Наверное, наш единственный дом — истина.

Возьмем две крайности. Скажем, вы находите истину у Сэмюэла Беккета: каждый сам по себе в этом мире, в нем страшно, бесприютно, воняет грязными носками и единственная радость — когда кто-то протянет руку, поделится огрызком, ободрит словом, когда ты уже совсем пропадаешь. Возрождение невозможно; лишь во втором акте «В ожидании Годо» старое сухое дерево вдруг выпускает лист. Единственный зеленый лист, такая малость. И все же Беккет не покончил с собой. Он писал.

А может быть, вы понимаете истину совершенно иначе: что весь мир проникнут благодатью, каждый из нас — там, где ему предназначено быть, и однажды Божий замысел раскроется нам во всей полноте. Возможно, для вас прав Вордсворт, или Руми, или философ Стивен Митчелл, который написал о библейском Иове: «Тело у него — лишь оболочка, прах; душевные страдания — фантом. Как будто мир, воспринимаемый чувствами, — весь этот манящий и пугающий карнавал — просто радужная поверхность мыльного пузыря, а внутри и снаружи его чистый свет. И горе, и радость мелькают, как цветные пятна, а смерть — та булавка, что прокалывает пузырь».

Но какой бы полюс вы ни выбрали, помните: правду не обретишь, сидя на месте и благостно улыбаясь. Горе, утраты, гнев — вот шаги на дороге к истине. Мы идем к ней через свои тайные комнаты и давние страхи, все те дебри и пустоши, от которых нам велели держаться подальше. Когда ступим туда, оглядимся, вздохнем и уживемся с увиденным, тогда и прорежется голос. Вот этот миг и есть возвращение домой.

Дарить себя

Энни Диллард¹ говорит: «Нужно пускать в работу все лучшее, что у тебя есть, не оставляя на завтра». Чем больше отдаешь, тем больше получаешь. Очень смелая концепция и настолько чуждая человеческой природе — по крайней мере моей, — что я все время ищу, где в ней подвох. Но факт есть факт: лишь когда щедро и без оглядки выплескиваешь весь накопленный материал день за днем, начинаешь чувствовать себя эдаким греком Зорбой² за клавиатурой, легким и веселым танцором. В другие дни я сама себе напоминаю грызуна, который тащит все в норку и очень боится, что припасов не хватит на зиму. Артрит раздувает и настоящие пальцы, и те воображаемые руки, которыми существо в камере подсознания складывает мозаику из накопленных лоскутков, обломков и деталек.

Нужно все время дарить, и дарить, и дарить себя миру. Иначе нет смысла писать. Что-то должно все время проистекать из глубин твоего существа; тогда дарение станет само по себе наградой. Издать книгу — не самое важное дело на свете. А вот научиться дарить себя — достижение вселенского масштаба.

¹ Энни Диллард (род. 1945) — американская писательница. *Прим. пер.*

² Герой одноименного романа греческого писателя Никоса Казандакиса, впервые опубликованного в 1946 году; человек совершенно свободный, в том числе от любых моральных запретов. *Прим. ред.*

Быть писателем и отдавать все, что есть, своим творениям и читателям — почти то же, что быть родителем трехлетнего ребенка. Детище то приводит в восторг, то пугает, то бесит — и временами обожает. Иногда кажется, что этот ребенок — твоя личная кара: ты нарушил какой-то закон ему одному ведомого Корана; умри, неверный! А вот он тянет руки и касается тебя, словно любящий дедушка на смертном одре, запоминая на ощупь твои черты. Помню, однажды, когда Сэму было три с половиной года, мы с ним лежали рядом в кровати и он касался моих щек так осторожно, будто я обгорела на солнце. В следующую секунду сын изо всех сил сдавил мне лицо ладошками и воскликнул:

— Мамочка, какая ты красивая! Так бы и съел!

А на следующий день вел себя так, будто я официантка из его личного бара, а он уже выпил все спиртное в радиусе трех километров.

Но ведь они твои — что книги, что дети, — и от них никуда не деться. Уж если породил их, изволь кормить и заботиться, и следить за здоровьем, и давать советы, и любить вопреки всему.

Трехлетние дети и начатые книги учат дарить себя бескорыстно. Они заставляют вылезти из собственной шкуры и жить для другого. Наверное, в этом и есть секрет счастья. Ради этого стоит писать. Работа — как ребенок — возьмет в заложники, высосет досуха, лишит сна, сведет с ума, втопчет в грязь. Но однажды ты поймешь, что именно в них обрел сокровище, которое искал всю жизнь.

Мою щедрость пробуждают два стимула. Во-первых, почти все, с кем я соприкасаюсь, видятся мне пациентами с острой болью. Приглядишься, и вокруг столько раненых душ, столько измученных лиц. Или, как

писала Марианна Мур¹, «весь наш мир — сиротский приют». На редкость верные и меткие слова. Однако писатель может стать целителем — вспомните, сколько раз вы открывали книгу, читали всего одну строку и думали: «Да! Вот она, моя боль!» Я хочу дарить людям это чувство узнавания, единения.

Второй мотив: отплатить щедростью за щедрость. Я думаю об авторах, чьи книги были для меня подарком, и пытаюсь написать что-то для них. Те дары, что они принесли читателям, выплавлены из их собственных жизней. Мы не были бы писателями, если бы чтение не обогащало нас больше всех других занятий. Так напишите ответный дар, посвящение Маргарет Этвуд², или Видиадхару Найполу³, или Уэнделлу Берри, или тому автору, из-за которого вы захотели стать творцом. Вложите в книгу всю душу. Самое прекрасное дело в жизни — побыть гостеприимным хозяином, к которому приходят за пищей, питьем и беседой. Вот что может и должен дарить писатель.

Самую трогательную историю о щедрости, какую я только знаю, рассказал Джек Корнфилд из медитационного центра Спирит-Рок в Вудекре. У восьмилетнего мальчика была младшая сестра, которая болела лейкемией. Без переливания крови она бы умерла. Родители объяснили мальчику, что его кровь, скорее всего, подойдет сестре и он мог бы стать донором. Его спросили, согласен ли он сдать анализы. Он согласился; кровь подошла. Тогда мальчика спросили, готов

¹ Марианна Мур (1887–1972) — американская поэтесса. *Прим. пер.*

² Маргарет Этвуд (род. 1939) — канадская англоязычная писательница и литературный критик. *Прим. пер.*

³ Видиадхар Сураждпрасад Найпол (род. 1932) — англоязычный британский писатель индо-тринидадского происхождения, лауреат Нобелевской премии по литературе. *Прим. пер.*

ли он отдать сестре пол-литра крови; объяснили, что это для нее единственный шанс выжить. Он сказал, что подумает и ответит утром.

На следующий день он вышел к родителям и объявил, что готов дать кровь. Его отвели в больницу и уложили рядом с сестрой. Обоим ввели капельницу; врач забрал у мальчика пол-литра крови и стал вливать девочке. Мальчик молча лежал на койке и смотрел, как его кровь перетекает в тело сестры. Через какое-то время врач решил узнать, как он себя чувствует. Тогда мальчик открыл глаза и спросил:

— А когда я уже начну умирать?

Иногда писателю нужна такая детская наивность. Вообще творчество — сочетание наивности и умудренности. Чтобы писать, надо иметь чуткую совесть и верить: прекрасно то, что праведно. Искусство должно указывать цель, давать ориентиры. И если вы уже утратили наивную детскую мудрость, вам лучше не писать. Мои близкие друзья часто страдают от нервных расстройств; они не самые уживчивые и общительные люди на свете. Но в них есть эта наивная, непосредственная чистота: я вижу ее в их лицах, чувствую в их поступках. Они способны на тихую, бескорыстную самоотверженность, как и вы, — если вы настоящий писатель.

Умудренная жизнью наивность — великий дар. Ею нужно делиться с миром. Мы, люди, от природы скорее склонны открываться миру, чем замыкаться, прятаться от него за защитными укреплениями. Щедрость пишущего поможет читателю стать храбрее, лучше, заново распахнуть душу и впустить в нее мир. Для этого не обязательно быть оптимистом. Например, мой друг Ранкин называет себя бодрым пессимистом. Этого ему хватает, чтобы не поддаваться унынию, не сворачиваться клубочком и не прятаться от судьбы.

Возможно, подобный «аутизм» пригодится вам для чьего-нибудь образа. Пусть герой спрячется в защитный кокон, но сбросит его

ЧАСТЬ IV. ПУБЛИКАЦИЯ, ИЛИ ДЛЯ ЧЕГО МЫ ПИШЕМ

в момент кульминации. Прорыв к людям, отказ от мертвящего спокойствия — великолепная тема. Правда, в жизни мы обычно не сворачиваемся клубочком, а заводим безнадежные отношения, или уходим с головой в работу, или пьем. Но цель та же: уйти от судьбы, — и эмоциональное состояние в итоге примерно то же.

Возможно, вы поймете, что персонажу пока не хватает сил скинуть защитную оболочку. Конечно, жалость к себе, самоедство и оцепенение гораздо привычней и удобней, чем живая жизнь. Как в старом анекдоте про несчастную любовь: женщина приходит в зоопарк и замирает возле клетки с гориллой. Горилла спит, на клетке висит табличка: «Опасно! Руками не трогать!» Женщину потрясает мощь и красота животного, и она все же просовывает руку между прутьями и гладит гориллу. Та просыпается, приходит в ярость, ломает клетку и набрасывается на женщину. Служители зоопарка с трудом ее отбивают, еле живую. Ее увозят в реанимацию. Когда она приходит в себя, медсестра спрашивает:

— Вам очень больно?

— Больно?! — восклицает женщина. — Да что вы знаете о боли! Конечно, мне очень больно. Он мне уже три дня не звонит!

Люблю этот анекдот. Уж очень героиня похожа на меня. Думаю, много кто узнал себя в ней. Может, она еще и не готова очнуться от любовных обид и вернуться к реальной жизни. А может, и готова. Может, ей нужно просто дать какой-то стимул, толчок и вы поможете ей разомкнуть порочный круг. Для этого надо сперва найти силы в себе, а потом поделиться с миром. И тогда, может быть, женщина сбросит бремя несчастной любви, и обретет собственный голос, и споет свою песню. Или хотя бы промурлычет про себя какой-то мотивчик. Все равно это будет песнь жизни.

Публикация

Ну что ж, пора поговорить о публикации. Давайте обсудим этот миф.

Допустим, вы закончили роман, или черновик романа, или большой цикл рассказов. Вы шлете рукопись своему агенту — если у вас есть свой агент, — или агенту вашего друга, или агенту, которого нашли в «Желтых страницах». Допустим, у вас даже есть знакомый редактор (например, он однажды уже прислал вам теплое и восторженное отказное письмо), и вы шлете рукопись ему и еще парочке ваших друзей и знакомых. Как я уже говорила, я из тех, кто начинает сходить с ума, как только отдал пакет с рукописью в доставку. Умом я понимаю, что она просто еще не дошла до адресата, но уже страдаю от того, какие холодные, равнодушные, бесчувственные твари меня окружают. Конечно, бывают и совсем другие писатели — они просто отсылают одну готовую вещь и засучив рукава садятся за следующую. Возможно, вы из их числа. Я никогда не смогла бы дружить с таким человеком, но знаю, что они существуют.

В общем, если вы человек моего склада, то будете проверять почту по десять раз на дню и страдать, не получая ответа. Если повезет, примерно через неделю вам напишет секретарша агента и подтвердит, что рукопись получена. Возможно, позвонит еще кто-то из друзей и сообщит, что прочел часть вашего опуса и «все очень круто». Впрочем, это не мешает вам впасть в истерику. Теперь

ЧАСТЬ IV. ПУБЛИКАЦИЯ, ИЛИ ДЛЯ ЧЕГО МЫ ПИШЕМ

вы будете ждать, когда позвонит редактор или агент и объявит, что вы написали настоящий шедевр. При каждом телефонном звонке вы начнете шептать: «Господи, Господи, пожалуйста, пусть это будет он!» Но это опять будет не он. Вы мысленно умрете, а потом пойдете и объединитесь сладкого. Друзей вы возненавидите. Потом успокоитесь и пойдете гулять. Вам слегка полегчает. Вы попробуете взять книжку и почитать, а в итоге сядете изучать собственную рукопись и сгорите со стыда. Но тут, к счастью, снова позвонит друг и сообщит, что одолел еще одну главу. Он клянется душой своих правнуков: все очень-очень круто, это лучшее, что вы написали.

Вам станет почти хорошо — минут на десять. Еще через неделю вы начнете звонить агенту, потому что изображать олимпийское спокойствие будет уже невозможно. Агент еще ничего не прочтет: у него полно дел поважнее. С легчайшим раздражением вам скажут: «Как только дочитаю или что-то узнаю от редактора, то сообщу. Хорошо?» Нет, вам не хорошо. Вам очень хочется выдрать ему все волосы. Вместо этого вы начинаете молиться.

И тут у вас в голове отчетливо вспыхивает картина: агент и редактор лопаются со смеху, и на самом деле в голосе у него было не раздражение, а еле сдерживаемый хохот. Они все утро читали друг другу избранные места из вашей книги и решили, что это самая отвратительная и нелепая мазня в истории человечества. Теперь они ржут и катаются под столом, редакторше пришлось для успокоения накапать валерьянки, а у агента лопнул сосуд и пошла носом кровь. Это их так разобрало от сцены, где умирает горячо любимый отец главного героя.

(Если договор уже заключен, вам будет представляться, как они идут к юристам и в бухгалтерию, чтобы выяснить, нельзя ли это все как-то расторгнуть и не выплачивать гонорар. А еще лучше — подать на вас в суд и заставить вернуть издательству аванс.)

Но конечно, вам остается только ждать, ждать и ждать. И может быть, через несколько недель позвонит агент или редактор и вы услышите: книга очень хорошая, мы ставим ее в план публикаций на осень. Или на весну. В общем, когда-нибудь выйдет. И начнутся счастливые месяцы: последняя авторская правка, редактура, согласования, корректура. Вас будут подбадривать, хвалить, успокаивать, любить и убажывать. А потом — чудо из чудес — придет верстка, и вы увидите, как будет выглядеть готовая книжка, и сами поверите, что это все сотворил настоящий писатель. То есть вы.

Люди, далекие от литературы, обычно думают, что выход книги — величайший праздник в жизни автора. Для моих учеников публикация как морковка перед носом ослика. Они думают: вот меня опубликуют и жизнь изменится в одночасье. Причем, безусловно, к лучшему. Самооценка подскочит до небес, сомнения рассеются в пух и прах. Неудачные абзацы, выброшенные страницы, отвергнутые рукописи — все канет в Лету. Как будто все проблемы разом выделили и нажали «Удалить». Останется умиротворение, гордость, радость и сознание, что теперь ты — один из небожителей. Ты — Писатель. И гори они все синим пламенем.

Но на деле будет не совсем так. По крайней мере со мной было совсем не так.

Мой опыт напоминал одновременно последние недели беременности — когда сама себе напоминаешь разжиревшего Орсона Уэллса¹, и тошнит от запаха овощей, и гормоны от рук отбились, и лодыжки распухли — и первый урок физкультуры в седьмом классе, когда вас строят по росту и выдают новую

¹ Орсон Уэллс (1915–1985) — знаменитый американский актер, режиссер и сценарист, отличавшийся изобретательностью технических решений в своих фильмах. *Прим. ред.*

форму, а ты либо «метр с кепкой», либо дылда и чувствуешь себя жирафихой.

Поначалу все идет очень даже неплохо. За несколько месяцев до публикации приходит верстка, то есть твой текст в том виде, в каком он пойдет в печать. В этот момент у меня всегда гора падает с плеч: раз дело зашло так далеко, издательство уже ничего не отменит! Верстку рассылают в редакции газет и журналов — литературным критикам и обозревателям. Значит, в процесс уже вбухано столько денег, что у редакции нет выбора. Надо публиковать! Одни почтовые расходы чего стоят.

Когда читаешь верстку в первый раз, чувствуешь себя на седьмом небе. На второй раз видишь опечатки, которые пропустил корректор. А может, наборщик был пьян. Опечатки серьезные. Из-за них текст кажется безграмотным. На третий или четвертый раз понимаешь, что там вообще нет ни одной удачной фразы. К пятому уже начинаешь думать, а не навредит ли тебе эта публикация.

Сразу после этого появляются первые рецензии. Раньше всех реагируют Publishers Weekly и Kirkus Reviews. Иногда отзывы такие душевные, будто их писала твоя родная мать. Иногда в них прочитывается: ты идиот, твой текст — полная ересь; и вообще рецензент надеется, что ты умрешь раньше, чем напишешь еще один «шедевр». Мне доводилось читать рецензии, где говорилось, что я грязное пятно на штанах Вселенной. Ну, может, не прямым текстом, но между строк я читать умею.

Придется это пережить. Если употребляете алкоголь, запаситесь бочкой мартини. Если уже бросили, ешьте что-нибудь непростительно калорийное, например сдобные булочки и бобы по-мексикански. Ваша цель — убить время и дотянуть до публикации.

В дате выхода книги всегда есть что-то мистическое. В глубине души ждешь: вот настанет этот день, тебе позвонит твой агент и скажет: «Оглушительный успех! Готовься: мы выслали команду уборщиц, чтобы привели твою халупу в божеский вид, а то перед журналистами стыдно. И вообще переезжай в нормальный дом, как только пойдет выручка от продаж».

Ну или хотя бы цветы пришлют.

Помню, как-то у нас с моим другом Карпентером книги должны были выйти в один день. Мы говорили об этом все лето. Оба делали вид, что ничего особого не ждем. У меня книга как книга, у него книга как книга. За неделю до великого события мы говорили, что это как Рождество в детстве. Наконец День настал. Я проснулась счастливая, заранее смущенная комплиментами и вниманием, которые обрушатся на меня. Встала, сварила кофе, поболталась по дому без всякого смысла, позвонила Пэмми и еще паре друзей, чтобы дать им шанс меня поздравить. Потом села у телефона. Но телефон забыл о своих обязанностях: он молчал. К полудню его молчание вымотало мне все нервы. Я сидела около него, как преданный пес на могиле хозяина. И лишь в четыре часа дня он наконец зазвонил. Я сняла трубку. Это был Карпентер. Он заходилась от хохота, как истеричная гиена или киношный маньяк. Мы поговорили. Потом обоим пришлось пить валерьянку.

Вот так оно обычно и бывает. Розы и лилии лучше забыть. Если вы всерьез мечтаете о славе и богатстве, процесс публикации доведет вас до бешенства. Повезет — получите целый ассортимент рецензий; часть окажутся благосклонными. Еще вы иногда будете раздавать автографы и выступать перед читателями. Ваш издатель подготовит фуршет с просроченным сыром бри. Слушать вас придет один человек: он просто живет на соседней улице и всегда ходит

сюда на фуршеты. Впрочем, в этот раз быстро уйдет и он: терпеть не может бри. В итоге вы будете выступать перед сотрудниками магазина, который торгует вашими книгами. Им понравится. Потом вы долго будете шутить, вспоминая тот вечер.

У вас возьмут два-три интервью. Вы решите, что дело пошло на лад. Потом выйдет новая рецензия. В ней напишут, что ваша книга — собачье дерьмо. Нет, не такими словами. Но вы же умеете читать между строк... кстати, эта рецензия выйдет в местной газете. Ее прочтут все ваши родственники и знакомые. Конечно, вы будете сходить с ума, рыдать и ругаться последними словами. Если у вас есть друзья-писатели, они позвонят и будут очень сочувствовать.

Правда, еще будут люди, которые скажут, что прочли и заплакали. Потому что узнали себя. Потому что все это случилось и с ними — в прошлом году, или десять лет назад, или только что. Они скажут, что вы прекрасный человек и написали прекрасную книгу. Это правда. Так и будет. Так было со мной; так будет с вами. Ведь вы писатель. Если вас опубликуют, будет и это.

И все же сам факт публикации — это признание. Людское сообщество признает, что вы на верном пути, нужны кому-то. Человек, Который Нужен: этот статус сложно получить, но потом его уже не потеряешь. Кроме того, теперь у вас есть шанс зарабатывать на жизнь любимым делом. Зная это, всегда тихонько радуешься.

Но в конце концов вам снова придется сесть за стол перед девственно чистой страницей.

Вторую или третью книгу начинаешь всегда бодро и уверенно: тебя же напечатали! С другой стороны, очень страшно — придется доказывать, что напечатали не случайно и не зря... Одно я теперь знаю точно: преодолеть страх можно лишь упорной работой.

Не надо постоянно думать, какой ты великий, и носиться с этой своей публикацией. Нужно сесть за новую книгу и найти счастье в самой работе, а не в ее результатах.

— А когда она скажет про хорошее? — ноют в заднем ряду.

А что, разве я еще не сказала? Я же собиралась говорить про то, как чудесно сидеть и писать. Ведь это лучшее дело на свете.

Что-то мешает мне сказать: да, здорово, когда тебя печатают!

На самом деле все гораздо сложнее. Да и не хочется, чтобы писатели, которых не печатают, сдались и сказали: «Все, я умываю руки.

Публикация — действительно главное в нашем деле».

Правда в том, что писать — большое счастье. Счастье садиться, и работать каждый день, и сознавать, что ты что-то сделала, и быть официально признанным автором. Даже если рабочий процесс тяжел и мучителен. Я все равно чувствую, что добилась чего-то в жизни, я ношу это чувство свершения с собой, как талисман. Но у него есть своя цена.

Лучше всего это выразил один замечательный прозаик. Однажды я видела передачу с его участием, и он сказал:

— Хотите знать, чего стоит быть писателем? Ладно. Я часто летаю. И все время рядом со мной садится какой-нибудь жирный делец. Сначала он утыкается в компьютер, а потом замечает меня и спрашивает, кем я работаю. Я говорю, что пишу книги. Дальше — мертвая пауза. Потом он говорит: «А вы что-нибудь известное написали?»

Вот это и есть цена, которую я плачу за ремесло.

У меня есть своя версия. Позавчера мы с Сэмом ходили по магазинам. Мне нужно было новое платье: готовилась презентация новой книги, причем довольно успешной. Мы с сыном мирно бродили по магазину, и тут к нам подошла его владелица. Она спросила:

— Ищете что-то определенное?

Я сказала:

— Да, у меня тут будет одно мероприятие. Нужно платье.

Она:

— Что, какая-то вечеринка?

Я:

— Да нет, мне нужно будет выступать перед публикой.

Она:

— А вы что, певица?

У меня в голове зазвенел звоночек. Он предупреждал: держи рот на замке. Но я не утерпела:

— Нет, я писательница.

Хозяйка магазина:

— Ух ты! Обожаю книжки. Как вас зовут?

Ну все, поняла я. Сейчас меня раскусят. Но мое эго закусило удила и вообразило себя Нельсоном Рокфеллером. Более светлая часть сознания подсказывала, что я зашла уже слишком далеко, чтобы отступить. Я сказала:

— Да вы вряд ли про меня слышали. Не хочу позориться.

Но она была непоколебима:

— Нет, правда. Я *очень* много читаю.

Какая-то часть меня верила: я уже настолько знаменита, что она сейчас падет ниц, будто к ней заглянул сэр Пол Маккартни. Более умная шипела, что я дура и мне конец. Я мысленно молилась, чтобы она не заставила меня назвать мое имя. Скромно улыбнувшись, я сделала вид, что мне позарез надо поймать Сэма, который прятался под вешалками.

— Бет, Бет, иди сюда! — вдруг позвала хозяйка магазина.

Из подсобки вышла молодая женщина и застенчиво улыбнулась. — Ну скажи, я же много читаю?

— Да, — сказала Бет, — она у нас все время с книжкой сидит.

Хозяйка ласково глянула на меня и снова спросила:

— Так как вас зовут?

Я вдохнула и тоже улыбнулась.

— Энн Ламотт, — наконец выговорила я.

Она долго смотрела на меня. Стояла мертвая тишина, только Сэм распевал что-то под вешалкой. Хозяйка надула губы и покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Вроде не слышала.

Чтобы прийти в себя, мне понадобилась неделя времени и тонна дешевого шоколада. Но потом я вспомнила: когда Вселенная осыпает тебя розовыми лепестками, не расслабляйся. Где-то уже лежит банановая кожа, на которой ты поскользнешься.

Все, что я знаю о связи публикации с душевным здоровьем, укладывается в одну реплику из фильма «Крутые виражи»¹. Это кино про первую команду бобслеистов в истории Ямайки. Их тренер — гигант весом килограммов в двести — когда-то выиграл олимпийское золото в бобслее и с тех пор катился по наклонной. Его команда очень хочет выиграть олимпийскую медаль. Но тренер говорит:

— Если вам чего-то не хватает без медали, значит, и с медалью будет не хватать.

Распечатайте эти слова и повесьте над своим столом.

На каждый мой триумф всегда находилась банановая кожа. Взять, например, прошлую неделю. Меня пригласили на очень важный благотворительный симпозиум в Сан-Франциско. Я ждала этого несколько лет. Каждый год туда отбирали шестерых писателей; я не входила в их число, но крепилась изо всех сил, Бог свидетель.

¹ «Крутые виражи» (Cool Runnings) — американская полудокументальная комедия Джона Тертелтауба. Вышла на экраны в 1993 году. *Прим. ред.*

Я понимала, что организаторам нужны «большие имена» — писатели, известные в масштабе страны. Да, нужно привлекать широкую публику. Это вполне разумно. Но год от года я все тяжелее переносила отказы. Наконец меня пригласили. Радости моей не было предела. Нет, я не дура, я сознавала, что это очередной наркотик для моего эго, золотой телец, поданный на тарелочке. И все равно очень радовалась.

Однако была маленькая загвоздка. Меня пригласили последней. В изначальной рассылке мое имя не значилось. Когда меня добавили в списки, глава оргкомитета разослала новый вариант программы. И все же в основной поток, в газеты, в объявления я не попала. Обидно, конечно; но я взрослая женщина, как-нибудь переживу. Потом вышли рецензии в книжных обозрениях; там я тоже не упоминалась. Тут уж мне позвонила пресс-секретарь; она очень сожалела и так извинялась, что я утихомирилась. Потом вышел бюллетень их литературного общества. И что же? Я как будто снова оказалась в седьмом классе. Пресс-секретарь позвонила еще раз. У нее был очень расстроенный голос; мне даже показалось, что она выпила, прежде чем браться за телефон. Я чуть не разревелась; не могла даже говорить. Но пару часов спустя я вспомнила: если мне чего-то не хватало до их приглашения, значит, будет не хватать и после. Чтобы всего хватало, надо разобраться с самой собой.

Примерно через час меня постигло еще одно откровение, да такое, что аж челюсть отвисла. Ведь это благотворительное мероприятие! А я совсем забыла и стала воспринимать его как выставку моих личных достижений.

Да, забавно. Я улынулась и вспомнила, как Рэм Дасс¹ однажды выступал на радио и рассказывал про «ктотость» и «кемтость».

¹ Рэм Дасс (род. 1931) — современный американский духовный наставник (индуизм), писатель. *Прим. ред.*

Нас всех с детства учат, что надо стать кем-то. Это гонка, в которой не бывает победителей. Конечно, ты можешь стать даже больше кем-то, чем другие, но ведь кто-то всегда может стать больше кем-то, чем ты сам. Так недолго и сойти с ума.

И последнее: когда вышла та моя книжка — ну та, успешная, из-за которой понадобилось платье, — я просто ошалела от внимания к себе. Мне нужны были все новые дозы. Я уже не могла жить в себе: как будто забрела в дешевую забегаловку с цветомузыкой и ужасной едой и пробыла там слишком долго. Мне нужны были мир и покой, но и выбраться оттуда не получалось. Я чувствовала себя как плохой ребенок в «Пиноккио» — из тех, что приплывают на остров удовольствий, а потом застревают там и отращивают ослиные уши. Моя душа была больна; я это осознавала и хотела получить мудрый совет. Но именно мудрый, а не заумный. Поэтому я пошла к пастору, что служит в детском саду у моего сына.

По виду этому пастору лет пятнадцать. Мы поговорили. Оказалось, он старше, чем выглядит. Я сказала, что потрепана жизнью, не могу найти себе места, издергалась, извелась, никак не обрету покоя. На что он ответил:

— Мир не даст нам покоя. Покоя в мире нет. Его можно найти только в своем сердце.

— Вот ужас-то, — сказала я.

— Да, ужас. Но ведь это значит, что мир и не отнимет у нас покоя.

Часть V

Последний урок}

Как много хочется сказать ученикам на прощание! Сколько всего нужно им напомнить!

Пишите про детство, говорю я в который раз. Про те времена, когда мир был так свеж и интересен, когда вы так много замечали, так остро и глубоко чувствовали. Взглянув на мир глазами ребенка, вы вновь обретете умение сопереживать. А тот, кто умеет понимать и сопереживать, пишет тоньше, умнее, достовернее.

Писать — значит жить осознанно. Если вы пишете просто, искренне и правдиво, ваши читатели смогут узнать в героях себя; тогда проходит чувство одиночества и отделенности от мира, которое так часто и больно нас мучит. Не увлекайтесь экивоками и чистой игрой ума. Не бойтесь эмоций; не стыдитесь воспоминаний. Не бойтесь того, что подумают люди. Бойтесь ничего не написать.

Если у вас в душе живет истина, всегда найдется человек, которому она интересна. Пусть главным для вас всегда будет правда чувства. Пишите о важном, наболевшем. Не бойтесь показаться сентиментальным. Бойтесь неискренности, ходульности. Не стремитесь всем понравиться и всех осчастливить. Говорите свою правду. Это ваш моральный долг как писателя. Это ваша личная революция; тот, кто говорит правду, всегда бунтарь.

Итан Канин утверждает: «Нельзя писать из злости, в отместку». А я говорю ученикам: «Писать в отместку можно и даже нужно». Главное, чтобы выходило хорошо. Если кто-то обидел вас, причинил зло, расскажите об этом. Двое студентов (в разных группах) написали о том, как родители били их, специально выискивали и срезали на заднем дворе прутья, чтобы секли побольнее. Это ваши воспоминания, сказала тогда я. Вы имеете полное право их использовать. Пишите смело. Нельзя поступать с детьми так, как обходились с вами. Я бы написала об этом — отчасти чтобы разобраться и изжить, отчасти чтобы свести счеты. И вот тут, говорю я студентам, пора поговорить о клевете.

Оклеветать — значит оболгать кого-то в устной или письменной форме. Причем намеренно: сообщить заведомо ложные сведения, которые могут повредить репутации человека. Словом, если вы когда-нибудь жили с мужчиной, имеющим весьма специфические привычки и манеры, по которым его легко узнают друзья, родственники или коллеги, — лучше измените детали. У него были длинные ногти? Пусть будут длинные волосы в носу. Он красил волосы в черный цвет? В книге пусть лучше пользуется тональным кремом и румянами. Однако, если он в отношениях с вами показал себя эгоистом и человеконенавистником, эти черты можно оставить. Можно даже привести вполне реальные беседы, только так, чтобы прототип не угадывался слишком явно. Замените все, что указывает на конкретную личность. Он был клептоманом? Придумайте что-то другое. Не упоминайте модель его машины. Он ненавидел курильщиков и даже посадил кому-то в пепельницу проросшее яблочное семечко? Очень колоритная деталь, но лучше ею пожертвовать: слишком узнаваемо.

Назовите его девушкой или первой женой (а не третьей, как на самом деле). Не описывайте его отвратительных детей, особенно рыжих близнецов. Сделайте так, чтобы этого типа нельзя было опознать по внешности или деталям биографии. Тогда он вполне сойдет как рабочий материал. А лучше всего написать, что у него был крошечный половой орган. Вот тогда прототип точно не побежит судиться и устанавливать меру и степень сходства с персонажем.

Да-да, вот такая я стерва!

У одного моего студента было ужасное детство. Мать наказывала его так: зажигала горелку на кухне и совала в огонь его руку.

— Напишите про это, — сказала я.

Он стал отнекиваться:

— Зачем это теперь? Она старая женщина, больная. У нее была тяжелая жизнь...

— У меня сердце кровью обливается, — объяснила я. —

Измените ее возраст, внешность. Перенесите все в другой город. Вы у нее единственный? Ну так придумайте, что в семье было пятеро детей. А если вас, скажем, трое, пусть рассказчик будет один у матери. Сделайте ее разведенкой, а папашу своего используйте в другой книге. А не было папаша — так придумайте!

Тот парень написал замечательный цикл рассказов о своем детстве. Мать в них внешне ничуть не похожа на настоящую: она блондинка с влажными карими глазами, работает на почте. И когда сынишка плохо себя ведет, сует его ручку в огонь. Однажды он прочел пару фрагментов вслух. Вся группа аплодировала.

Одна моя подруга недавно влюбилась в пресвитерианского священника. Поначалу он казался утонченным, образованным

и ласковым. Затем выяснилось, что он редкая сволочь, к тому же с наполеоновскими амбициями. Подруга спросила:

— Как думаешь, можно из него слепить персонажа?

— Нужно! — сказала я.

— Может, написать, что он высокий? Тогда в суд нельзя будет подать. (Оригинал был ростом с сидящую собаку.)

— Нет, не то, — сказала я. — Сделай его писателем-недоучкой. Причем с прошлым. Пусть у него будут две брошенные жены и подюжины детей, которых он годами не видит. А сам пусть будет неказистым курящим атеистом. И член у него пусть будет как у воробья. Тогда точно в суд не попрется!

Мсть, конечно, сладка, но дело не только в ней. Иногда необходимо сказать правду. Может, заодно найдется какой-то смысл в пережитых страданиях. Ну да ладно. Вот вам стихи Шерон Олдс¹, я их всегда выдаю студентам. Называются «Однажды в мае 1937 года»:

*Вот они, молодые счастливые глупые дети,
посмотрите: выходят из школьных ворот.
Вот мой папа — пока что не папа —
прислонился к стене; красный камень блестит,
голова — будто в луже крови.
Мама с книжками, колья ворот,
словно пики уланов, за нею.
Скоро кончится школа,
потом будет свадьба; пока
вы — лишь дети, невинные дети.*

¹ Шерон Олдс (род. 1942) — американская поэтесса, лауреат Пулитцеровской премии. Прим. ред.

Зла, дурного — пока никому, ничего, никогда....

Все еще впереди.

Ах, не надо, не надо!

Попасть в этот день,
закричать бы, сказать, уберечь!

Ты — не та, он — не тот.

Погодите, не надо спешить!

Если б знать вам сейчас,
что потом сотворите друг с другом,
что потом сотворите с детьми.

Сколько каяться, сколько плакать,
сколько мук — умереть, умереть, отпусти!

Зрелый май, теплый май,
мне бы к ним.

Мальчик, девочка, он нецелован, она

Нецелована тоже,
два нетронутых тела, два юных лица,
мне бы крикнуть — бегите, спасайтесь!

Но тогда мне не жить.

Я не крикну, я буду молчать.

Я желаю родиться на свет, все же, все же.

Кукла-девочка, кукла-мальчик,

Я беру их и бью
друг о друга, чтоб искры летели.

Я — та искра. Пройдите свой путь.

Я — свидетель, я — жертва, я все расскажу.

Допустим, вы пишете роман о своем браке, а ваш супруг — видная фигура, например политик или известный врач. У вас накопилось много отвратительных (и абсолютно правдивых) подробностей: как он надевал костюм французской горничной, когда вы занимались любовью. Выложите их — и издательство обязательно придет к вам встревоженного юриста. Ведь если ваш супруг убедит присяжных, что вы клевете, издательству придется заплатить миллионы долларов за моральный ущерб. Самая эффективная мера предосторожности — изменить как можно больше деталей и добавить черты еще одного или двух прототипов. Потом припишите герою легкий антисемитизм — и маленький член. И все будет в порядке.

Постарайтесь не поддаваться жалости к себе, если творческий путь станет тяжелым и одиноким. Хотите писать — так пишите, говорю я студентам. Никто не тащит вас на семинары насильно; если вы уйдете, я не поволоку вас обратно. Вам повезло: вы из тех, кто мечтает возводить дворцы при помощи слов. Вы хотите создать мир, где ваша фантазия обретет свободу? Очень хорошо. Мы строим свои миры из песка воспоминаний, наши дворцы и чертоги — воплощенная память. С одной стороны, мы верим: когда начнется прилив, ничего не погибнет, ведь наши творения только значки на песке. С другой — мы всегда ищем способ остановить океанские волны. Это и отличает художника от обычного человека. В душе мы верим: если строить замки на совесть, они устоят и не рухнут. Как прекрасно жить с такой верой!

До звонка осталось совсем чуть-чуть. Помните последние часы летом в лагере, когда все уже собрались на стоянке и ждут, пока в автобус загрузят дорожные сумки?

Пожалуй, я рассказала ученикам все, что сама знаю о писательском ремесле. Маленькие шажки, первые «мусорные» наброски, рамка пять на восемь, проявка фотоснимков, фальстарты, ошибки, нервные срывы, помощь друзей. Но многие студенты приходили ко мне и приносили заветные десять страниц, надеясь, что их опубликуют. А что сделала я? Развенчала и убила их мечту? Едва ли. Да, большинство не будет печататься в толстых журналах и выступать на ток-шоу. Да, они не станут лучшими друзьями Дэвида Леттермана и не поболтают с Шэрон Стоун. Они не купят большой дом, не заведут собаку голубых кровей. Конечно, многие мечтают именно об этом и не верят, что богатство только вымотает им нервы и прибавит сомнений в своих силах. Впрочем, едва ли они станут очень богатыми людьми.

И все же я думаю: писать надо, причем каждый день, всю жизнь, вкладывая в это все силы своей души. Почему? Да потому, что любовь к ремеслу и преданность делу сами по себе награда. Правда, когда я говорю в классе, что в усердной работе можно почерпнуть и мудрость, и истину, и радость, и гордость, студенты смотрят скептически — как будто я предложила им вступить в клуб вышивальщиц. Они вообще у меня злые. Потому и пишут.

Но что, если пойти на шаг дальше? Многие писатели считают: нет ничего прекрасней, чем жизнь «около литературы», когда все время читаешь, пишешь, общаешься с собратьями по цеху. Это возвышает дух — так заявил один мой знакомый, который в восемнадцать лет обратился из христиан в поэты. Такая жизнь развивает ум, делает его быстрым, гибким. Творчество фокусирует взгляд, придает жизни стройность и осмысленность. Наше ремесло — это призвание, почти такое же, как у священников. Писательский опыт питает не только разум, но и душу. Правда, творческие озарения тихи

и глубоки; трубною гласа и хора ангелов нам не положено. Мой друг Том, священник-гей, говорит, что всю жизнь искал духовного экстаза, но, когда он пил, его особенно тянуло в церковь — чтобы статуя Девы Марии помахала ему рукой. Иногда она и правда махала, совсем легонько, а потом садилась рядом с ним на скамью. Протрезвев, Том чувствовал, что ему действительно было видение. Он знал это по легкости, чистоте, свежести в груди, легких, во всем теле. Иногда мои студенты описывают подобное чувство высвобождения; как ни парадоксально, его приносит рабочая дисциплина.

Вот что еще: когда начинаешь писать, становишься лучшим читателем. Ведь ты теперь знаешь, как тяжело дается порождение текста — и как чудовищно тяжела мнимая легкость! Писатель любой текст видит изнутри, понимает, как он сделан, как устроены портреты персонажей и что придает им такую притягательность, как образуется особый колорит, как подается информация. Если знать, какая тонкая работа за этим стоит, начинаешь смаковать книгу, наслаждаешься ею, как гурман.

Иногда за работой я думаю: знал бы кто, что сейчас творится у меня внутри, — ведь сожгли бы как ведьму. Ах, какие бывают моменты полноты, счастья, восторга, удовольствия! Конечно, я расплачиваюсь за них маетой, скукой, тоской, отвращением к себе. Но в итоге мне есть что предъявить себе. Ведь когда древние египтяне достроили пирамиды, они смогли сказать: *мы построили пирамиды!* Вот, пожалуй, прекрасный пример для подражания, хотя мой друг Карпентер говорит, что они целыми днями пили и прерывались лишь для того, чтобы чем-нибудь умастить друг друга. Подозреваю, многие из пишущей братии ведут подобный образ жизни — только не признаются!

Посмотрим правде в глаза: наше общество вымирает. Не хочу драматизировать, но, похоже, в нас пробудились какие-то темные силы. Более странной и жутковатой эпохи человечество, пожалуй, не видало после Средневековья. Но ремесло художника переживет любую метаморфозу общественного строя или коллективного сознания. Вот для этого мы и нужны — служить зеркалом, в котором люди увидят себя без прикрас, но и без насмешек. Не надо кричать: «Очнитесь и посмотрите на себя, идиоты!» Нужно спокойно и честно сказать: «Вот каковы мы на самом деле».

В нашем больном и извращенном обществе писатель живет практически как дятел. Он долбит ствол, обустроивает гнездо, селится в нем и говорит: «Вот моя ниша, мой личный мирок. Пусть он маловат и темноват, но в нем я дома». По крайней мере там он сам себе хозяин и знает, что делает. Когда осмотришься и обвыкнешься, можно собраться с духом, стиснуть зубы и исследовать собственные раны. Это очень больно. Многие бросают, не выдержав, — особенно если изначально шли в писатели не за болью.

Те, кто идет в наши ряды за деньгами и славой, либо вскоре перегорают, либо переключаются на производство книжек-конфеток в обложках-фантиках. Но не надо сразу отбрасывать великий дар — место в мире литературы. Если вы готовы творчески осмыслять свою истину и свой опыт, облекать в плоть воображаемых людей, рассказывать их истории, помогать всему этому появиться на свет, значит, у вас есть особый кодекс чести. Мы, писатели, — как и музыканты — принадлежим, возможно, к одному из последних рыцарских орденов этого мира. Цель нашего служения не слава и богатство; они второстепенны. Вернее сказать, служение и есть наша цель: бескорыстное служение ремеслу. Неважно, в каком направлении ты движешься.

Главное — уйти от пустоты и безголосья, от бесплодия и безразличия к миру.

Даже если вас читают только ближайшие друзья; даже если вы написали только очерки юношеских воспоминаний, чтобы их когда-нибудь прочли ваши дети и узнали, какими вы были в их возрасте и как звали собак на вашей улице, — все равно вы сделали почтенное и достойное дело. Ведь вы оставили свидетельство, честно изложили свою версию событий. Переборов себя, вы выложили часть жизни на бумагу, и теперь она не потеряется, не пропадет. Как знать, вдруг когда-нибудь этот опыт пригодится другому человеку. Вам не нужно даже знать, кому, когда и зачем. Просто пишите ясно и правдиво, старайтесь как можно больше понять и передать в тексте. А он будет мерцать себе потихоньку, как маяк. Маяки ведь не бегают по берегу в поисках тонущих кораблей. Они просто стоят и светят.

Вот что отличает художника от безумца или графомана, который заваливает редакции письмами. Художник находит пользу и удовлетворение в самой своей работе. Даже если ни один ваш текст никогда не напечатают, вам есть чему себя посвятить. Родные и близкие, конечно, будут твердить: «Да не торчи ты все время за столом, уйди оттуда!» Что ж, вспомните детство: заткните уши и занимайтесь своими делами.

Я пристально всматриваюсь в лица моих учеников. Они так же пристально смотрят на меня.

— Так все же зачем мы пишем? — спрашивают они.

Ради духа, говорю я. Ради сердца. Когда мы читаем и пишем, мы не одни. Книги открывают горизонты и питают душу. Меткая и хлесткая фраза, честно и убедительно высказанная истина либо поражает в самое сердце, либо помогает посмеяться над собой. Тогда и жить становится легче. Бытие, конечно, абсурдно и несуразно,

но, если придать ему строй и ритм, получится почти песня. Уж лучше танцевать под нее или хотя бы хлопать в такт, чем позволить хаосу раздавить себя. Не зря же моряки на судне поют даже в самый чудовищный шторм. Конечно, песне не тягаться с бурей. Но сплотить и ободрить людей на корабле ей вполне по силам.

Об авторе

Энн Ламотт родилась в Сан-Франциско в 1954 году. Училась в Гаучер-колледже (штат Мэриленд), затем вернулась в Калифорнию, чтобы писать книги. В 1980 году вышел ее первый роман «Смех сквозь слезы», затем романы «Рози» (1983), «Джо Джонс» (1985) и «Все новые люди» (1989). Автобиографические очерки «Инструкция по применению» были опубликованы в 1993 году, роман «Искривленное сердце» — в 1997-м. В 2005 году вышли ее книги «Благодатный путь» и «План Б: новые мысли о вере»¹. Энн Ламотт — стипендиат фонда Гуггенхайма; вела рубрику «Книжное обозрение» в журнале *Mademoiselle* и колонку о ресторанах в журнале *California*. Преподавала литературное мастерство в Калифорнийском университете Дэвиса и других литературных центрах штата. Живет в городе Сан-Рафаэль (Калифорния) с сыном Сэмом.

¹ На русском языке не публиковались; ниже приведены развернутые описания трех книг автора: «Инструкция по применению» (*Operating Instructions: A Journal of My Son's First Year*), «Искривленное сердце» (*Crooked Little Heart*) и «Благодатный путь» (*Traveling Mercies: Some Thoughts on Faith*). *Прим. ред.*

«Инструкция по применению. Первый год из жизни сына»

Конечно, она не единственная женщина в мире, которая родила ребенка. В тридцать пять лет. Одна. Но Энн Ламотт придает этому опыту новую свежесть и остроту. Каково это: узнать, что у тебя будет мальчик (и смириться с этим), затем — что у лучшей подруги рак (и не смириться)? В книге Ламотт есть все: добрый юмор, глубокая вера, отчаянная надежда, большие и маленькие события, из которых состоит жизнь женщины.

«Искривленное сердце»

Рози Фергюсон бредит большим теннисом. Ее мать — бывшая алкоголичка — еще не оправилась от смерти первого мужа. Отчим — непризнанный гений — никак не добьется успеха на литературном поприще. Спортивный талант, который раньше был гордостью и спасением, ставит Рози под удар. Ее преследует неизвестный мужчина, видевший девушку на корте.

«Благодатный путь. Заметки о вере»

Хотите знать, откуда у Энн Ламотт щедрая, добрая, неиссякаемая вера, о которой она так часто пишет? Прочтите ее книгу «Благодатный путь». Близкие Энн — ее сын Сэм, лучшая подруга Пэмми, мудрые прихожане ее церкви — так похожи на полюбившихся нам героев ее романов! Ламотт не дает простых ответов; тем она и дорога как верующим, так и атеистам. Но, несмотря на преграды, потери и горести, она приходит к вере в Бога и, что еще ценнее, в саму себя.

Где купить наши книги

Специальное предложение для компаний

Если вы хотите купить сразу более 20 книг, например для своих сотрудников или в подарок партнерам, мы готовы обсудить с вами специальные условия работы. Для этого обращайтесь к нашему менеджеру по корпоративным продажам:

+7 (495) 792-43-72, b2b@mann-ivanov-ferber.ru

Книготорговым организациям

Если вы оптовый покупатель, обратитесь, пожалуйста, к нашему партнеру — торговому дому «Эксмо», который осуществляет поставки во все книготорговые организации.

142701, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1; +7 (495) 411-50-74, reception@eksmo-sale.ru

Адрес издательства «Эксмо»

125252, Москва, ул. Зорге, д. 1;
+7 (495) 411-68-86;
info@eksmo.ru / www.eksmo.ru

Санкт-Петербург

ООО «СЗКО», 193029, г. Санкт-Петербург,
пр-т Обуховской Обороны, д. 84, лит. «Е»;
+7 (812) 365-46-03 / 04; server@szko.ru

Нижний Новгород

Филиал ТД «Эксмо» в Нижнем Новгороде
603074, г. Нижний Новгород,
ул. Маршала Воронова, д. 3;
+7 (831) 272-36-70, 243-00-20, 275-30-02;
reception@eksmonn.ru

Ростов-на-Дону

ООО «РДЦ Ростов-на-Дону», 344091,
г. Ростов-на-Дону, пр-т Стачки, д. 243а;
+7 (863) 220-1934, 218-4821, 218-4822;
info@rnd.eksmo.ru

Самара

ООО «РДЦ Самара», 443052,
г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е»;
+7 (846) 269-66-70 (71...79);
RDC@samara.eksmo.ru

Екатеринбург

ООО «РДЦ Екатеринбург», 620007,
г. Екатеринбург, Прибалтийская ул., д. 24а;
+7 (343) 378-49-45 (46...49)

Новосибирск

ООО «РДЦ Новосибирск»,
630105, г. Новосибирск, Линейная ул.,
д. 114; +7 (383) 289-91-42;
eksmo-nsk@yandex.ru

Хабаровск

Филиал ООО «РДЦ Новосибирск»
в Хабаровске, 680000, г. Хабаровск,
пер. Дзержинского, д. 24, лит. «Б», оф. 1;
+7 (4212) 21-83-81;
eksmo-khv@mail.ru

Казахстан

ООО «РДЦ Алматы», 050039,
г. Алматы, ул. Домбровского, д. 3а;
+7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91, 92, 99);
RDC-Almaty@mail.ru

Украина

«Эксмо-Украина», Киев, ООО «Форс Украина»,
04073, г. Киев, Московский пр-т, д. 9;
+38 (044) 290-99-44; sales@forsukraine.com

Если у вас есть замечания и комментарии к содержанию, переводу, редакции и корректуре, то просим написать на be_better@m-i-f.ru, так мы быстрее сможем исправить недочеты.

РИСОВАНИЕ И ХЭНДМЕЙД
ИСКУССТВО
КИНО И ФОТО
КРЕАТИВ
ДИЗАЙН И РЕКЛАМА
ВДОХНОВЕНИЕ

МИФ Творчество

Все творческие
книги на одной
странице:
mif.to/creative

Подписывайтесь
на полезную рассылку:
книги, скидки и подарки
mif.to/cr-letter

#mifcreative

Литературно-художественное издание

Ламотт Энн

Птица за птицей

Заметки о писательстве и жизни в целом

Руководитель редакции *Вера Ежкина*

Шеф-редактор *Александра Чарикова*

Ответственный редактор *Анна Гришина*

Арт-директор *Мария Красовская*

Литературный редактор *Ольга Свитова*

Дизайн макета *Кира Мрик*

Дизайн обложки *Мария Сатункина* (Дизайн-студия «Космос»)

Верстка *Вячеслав Лукьяненко, Елена Бреге*

Корректоры *Лев Зелексон, Надежда Петрив*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»

www.mann-ivanov-ferber.ru

www.facebook.com/mifbooks

www.vk.com/mifbook

ЕАС

Энн Ламотт — известный и уважаемый в США автор художественных и нон-фикшн книг, многие из которых стали бестселлерами. Ее книга «Птица за птицей» уже более 20 лет возглавляет список лучших книг для писателей на Amazon.

Эта книга написана для тех, кто мечтает выразить себя в словах, но не знает, с чего начать. Она для писателей, вне зависимости от количества изданных книг. А еще для маркетологов, копирайтеров, блогеров и всех, кому приходится много писать. Энн Ламотт рассказывает о реалиях жизни писателя, которая имеет мало общего с литературными вечеринками — скорее, она состоит из волнений, творческих кризисов и отчаянных сражений за каждый абзац. Эта по-настоящему мудрая и полезная книга о писательском ремесле поможет вам найти мотивацию, свой стиль и путь в творчестве.

«Превосходные советы для писателя... веселые, полезные и провокационные».

New York Times Book Review

«Птицу за птицей отправляет нам Энн Ламотт, главу за главой о писательстве и жизни в целом. И я всеми фибрами ощущаю, что навстречу мне вышла родная душа, хотя и появились мы на свет на разных континентах. Обе мы в детстве казались себе "гадкими утятами", а повзрослев, начали, как бусины, нанизывать слова, чтобы прорваться к людям: просветить, развлечь, донести до них радость или озарение. Обе мы считаем чудом книги, которые поют тебе, утешают и окрыляют, показывают, как надо жить, а как умирать. И безгранично благодарны тем, кто по-настоящему хорошо пишет, почти так же как благодарны океану за то, что он есть».

Марина Москвина, писатель

Обложка: дизайн-студия «Космос»

ISBN 978-5-00146-179-1

9 785001 461791 >

Максимально
полезные книги на сайте
mann-ivanov-ferber.ru

**издательство
МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР**

facebook.com/mifbooks

vk.com/mifbooks

instagram.com/mif_creative